

Ю. С. КРИНОВ

АВТОМОБИЛЬ
ПЕВНИЙ
1941-й

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, генерал-майор **П. Ф. Исаков**
(Институт военной истории Министерства обороны СССР),
генерал-полковник **И. П. Семенов** (Военная академия Генерального
штаба Вооруженных Сил СССР имени К. Е. Ворошилова).

Научный редактор —
доктор исторических наук
Ю. Г. Перечнев

ВВЕДЕНИЕ

Развязывая войну против Советского Союза, гитлеровская Германия и ее сателлиты намеревались уничтожить первое в мире социалистическое государство. Для достижения этой цели на нашу страну была брошена огромная, заранее отмобилизованная, хорошо оснащенная, имевшая боевой опыт, значительно численно превосходившая советские войска немецко-фашистская армия. Речь шла, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о том, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

На Северо-Западном направлении главным стратегическим объектом наступления врага являлся Ленинград. Политическое и военное руководство фашистской Германии учитывало, что Ленинград — колыбель Великого Октября, город славных революционных, боевых традиций, являющийся вторым после Москвы политическим, индустриальным, культурным и административным центром страны. Накануне Великой Отечественной войны город имени Ленина давал стране десятую часть всей промышленной продукции, почти четверть продукции тяжелого машиностроения и одну треть электротехнической. Он был кузницей подготовки научных и технических кадров.

Захватом Ленинграда фашистская Германия рассчитывала усилить свое влияние в Скандинавских странах, значительно изменив их политику.

Отчетливо сознавая роль балтийских морских коммуникаций, гитлеровское руководство преопределило

судьбу Краснознаменного Балтийского флота. Ему была уготована «сухопутная» смерть.

Соответственно политическим целям намечались и военно-стратегические задачи. Молниеносный разгром советских войск в Прибалтике, овладение Ленинградом и уничтожение Краснознаменного Балтийского флота руководители гитлеровской Германии рассматривали как первоочередную задачу своих вооруженных сил. Главное командование немецких сухопутных войск не могло не учитывать опасности пребывания советских войск в Прибалтике. Эти силы нависли бы над флангом и тылом группы армий «Центр», наступавшей на Москву. С другой стороны, захват Прибалтики и Ленинграда высвобождал значительную часть сил группы армий «Север», которые можно было бы использовать при наступлении на советскую столицу. Таким образом, в захвате Ленинграда противник видел ключ ко всей русской кампании.

Решение этой задачи немецко-фашистское верховное командование возложило на группу армий «Север» (18-я и 16-я полевые армии и 4-я танковая группа), которая включала пехотные, танковые и моторизованные соединения. В ее составе находилось около 725 тыс. солдат и офицеров, свыше 13 тыс. орудий и минометов, не менее 1500 танков, что составляло более 30 процентов всех сил и средств, предназначенных для вторжения в пределы СССР. Поддерживал наступление группы армий «Север» 1-й воздушный флот, имевший более тысячи самолетов.

На территории Восточной Финляндии сосредоточились немецкая армия «Норвегия» и финская юго-восточная и карельская армии (всего 21 дивизия и 3 бригады). Эти силы поддерживали около 4 тыс. орудий и минометов и 900 самолетов.

Замысел операции сводился к тому, чтобы охватывающими ударами с юго-запада группой армий «Север» и финской армией с севера в кратчайший срок овладеть Ленинградом. Соответственно этому замыслу гитлеровское командование использовало силы и средства. Оперативное построение полевых армий и танковых групп было одно- и двухэшелонным. Пехотные и танковые дивизии имели боевой порядок в один-два эшелона и получали полосы для наступления 5—10 километров. Напомним, что немецкая пехотная дивизия к началу войны имела в своем штате более 16 тыс. человек и около

300 орудий и минометов, в танковой дивизии было около 16 тыс. человек и до 200 танков, в моторизованной дивизии — 14 тыс. человек, свыше 200 орудий и минометов.

Силам противника на Северо-Западном направлении противостояли войска Прибалтийского особого и Ленинградского военных округов, переименованные первый — в Северо-Западный фронт, второй — в Северный фронт. Группа армий «Север» превосходила наши войска по живой силе в три раза, по орудиям и минометам — почти в два раза, при абсолютном господстве в воздухе.

22 июня в 4.00 гитлеровская авиация и артиллерия обрушили свои удары на наши пограничные заставы, города и села. Лишь через полтора часа после начала агрессии германский посол по поручению своего правительства заявил о вступлении Германии в войну против СССР.

В первые дни войны в результате неблагоприятного исхода приграничных сражений и больших потерь в людях и военной технике советские войска были оттеснены в глубь страны. К началу июля противник занял Литву, Латвию, часть Эстонии, вторгся в пределы Белоруссии, Правобережной Украины и в западные области Российской Федерации.

Успехи гитлеровцев в начальный период войны объясняются временными преимуществами: внезапным и вероломным нападением на нашу страну, отмобилизованностью войск, их опытом ведения современных боевых действий. Сыграли свою роль, надо полагать, и допущенные просчеты в определении возможного времени нападения Германии на СССР, а также связанные с этим упущения в подготовке к отражению ударов агрессора. Сказалось также и то, что мероприятия, начатые перед войной по реорганизации и техническому перевооружению нашей армии, не были завершены.

29 июня ЦК ВКП(б) и Советское правительство приняли директиву, пронизанную ленинскими идеями о защите социалистического Отечества. Ее главная мысль — «Всё для фронта, всё для победы!». Директива требовала отстаивать в беспощадной борьбе с врагом каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Руководствуясь этой директивой, указаниями Ставки Главного командования, Военный совет Северного

фронта и Ленинградская партийная организация начали осуществлять мероприятия по защите юго-западных подступов к городу Ленина. В начале июля была сформирована Лужская оперативная группа, решены тактико-специальные и организационные вопросы строительства Лужского оборонительного рубежа. Одновременно со строительством командование фронта стало выдвигать туда войска.

Ленинградская партийная организация, которой руководил член Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, обратилась к трудящимся области и города с призывом мобилизовать силы и средства на строительство оборонительных сооружений. Ленинградцы горячо откликнулись на этот призыв. Ежедневно более 150 тыс. человек работало, как тогда говорили, «на окопах». В конце июня, учитывая обострение обстановки, Военный совет фронта и городской комитет партии приняли решение о формировании армии народного ополчения.

В первых числах июля противник развернул наступление почти одновременно на пяти основных оперативных направлениях: лужском, новгородском, старорусском, в Эстонии и на олонечно-петрозаводском. Началось оно в крайне невыгодных для наших войск условиях. 10 июля передовые отряды 41-го моторизованного корпуса генерала Рейнгартта вышли к реке Плюссе. Началась Лужская оборонительная операция. К этому моменту Лужский оборонительный рубеж сумели занять 177-я и 191-я стрелковые дивизии, Ленинградское Краснознаменное пехотное училище имени С. М. Кирова, 1-я дивизия народного ополчения, Ленинградское стрелково-пулеметное училище, артиллерийский полк Артиллерийских Краснознаменных курсов усовершенствования командного состава, несколько дивизионов ленинградских артиллерийских училищ, инженерные части. Завершали формирование и выступали в свои районы обороны 2-я и 3-я дивизии народного ополчения.

Враг встретил упорное сопротивление войск Лужской оперативной группы. Передовые отряды генерала Рейнгартта были остановлены в предполье подразделениями 177-й стрелковой дивизии, артиллеристами полковника Г. Ф. Одинцова и танкистами полковника М. И. Чеснокова. 13 июля противнику удалось вклинуться в полосу обеспечения, но утром следующего дня он был выбит с захваченных позиций.

Воины Красной Армии, ленинградские ополченцы

сражались буквально за каждый метр советской земли, отстаивая честь, свободу и независимость своей Отчизны. Каждый солдатский окоп стал крепостью на пути врага. На Лужском рубеже гитлеровская военная машина «забуксовала».

Лужский рубеж в июле — августе 1941 года был одним из этапов трудного пути к победе над фашизмом. Да, в первые месяцы войны у нас были ошибки, промахи, неоправданные жертвы. Были дни, когда целые роты и батальоны под давлением численно превосходившего врага отходили со своих позиций. Но, получив боевую закалку, научившись воевать с сильным и коварным противником, эти же роты и батальоны стояли насмерть в обороне, решительно гнали врага в наступлении.

Выйти на подступы к Ленинграду кратчайшим путем гитлеровцам не удалось. Тогда командир 4-й танковой группы генерал Геппнер решил оставить под Лугой 269-ю пехотную дивизию, а 1-ю, 6-ю и 36-ю моторизованную дивизии повернуть по лесным дорогам на Кингисепп, чтобы прорваться к Ленинграду по шоссе Нарва — Красногвардейск (Гатчина).

14 июля передовые отряды противника вышли к реке Луга в 20—25 километрах юго-восточнее Кингисеппа и захватили переправы в районе Поречье — Ивановское, затем и у деревни Большой Сабск. Но и здесь врагу не удалось осуществить свои замыслы. Он был остановлен контратаками курсантов Ленинградского пехотного училища, подошедшей 2-й дивизией народного ополчения и танкистами батальона Ленинградских бронетанковых курсов усовершенствования командного состава. Помогла нашим частям авиация фронта и Краснознаменного Балтийского флота.

На новгородском направлении продвигался 56-й моторизованный корпус генерала Манштейна. Его передовые части 14 июля заняли Сольцы и двигались к Шимску, имея задачу захватить Новгород и выйти к Ленинграду с юго-востока. Обстановка складывалась чрезвычайно опасная. Северо-Западный фронт, в составе которого находились сильно ослабленные в приграничных сражениях дивизии, не имел реальной возможности противостоять натиску врага.

Нужно было во что бы то ни стало воспрепятствовать прорыву гитлеровцев к Новгороду. Главком Северо-Западного направления К. Е. Ворошилов принял решение срочно передать из состава Северного фронта в 11-ю

армию Северо-Западного фронта 70-ю, 237-ю стрелковые и 21-ю танковую дивизии и подготовить контрудар во фланг и тыл прорвавшейся группировки врага.

В течение 14—18 июля днем и ночью не стихали бои. Перемалывая живую силу и технику 56-го немецко-фашистского танкового корпуса, войска 11-й армии освободили город Сольцы и отбросили противника в западном направлении на 40 километров. 8-я танковая и 3-я моторизованная дивизии врага понесли большие потери. Успех контрудара объяснялся главным образом внезапностью и слабым обеспечением противником своих флангов. Битый гитлеровский генерал Манштейн позже в своих мемуарах «Утерянные победы» писал: «15 июля на КП командира корпуса, находившийся на Шелони западнее Сольцов, поступили малоутешительные донесения. Противник большими силами с севера ударил во фланг вышедшей на реку Мшагу 8 тд и одновременно с юга перешел через реку Шелонь... Главные силы 8 тд, находившиеся между Сольцами и Мшагой, оказались отрезанными от тылов дивизии, при которых находился и штаб корпуса...»¹

Контрудар под Сольцами — один из примеров советского военного искусства. Наши командиры провели смелый маневр силами и средствами, умело использовали уязвимые места в тактике противника. Гитлеровцы, сосредоточивая крупные силы на узком участке фронта, мало заботились о надежном обеспечении флангов и тыла своих войск, темп продвижения передовых частей не согласовывался с темпом перемещения артиллерии, тылов.

Немецко-фашистские войска не достигли поставленных целей и в Эстонии. 8-я армия, сковав пять дивизий противника, стойко выдержала натиск врага и тем облегчила положение наших войск на ленинградском направлении.

Стойкая оборона, решительные контрудары и контратаки советских войск на кингисеппском, лужском и новгородском направлениях вынудили гитлеровское командование 19 июля прекратить наступление на Ленинград. Дивизии 18-й армии требовали пополнения живой силой, техникой, боеприпасами и горючим. Таким образом, план немецко-фашистского командования с ходу овладеть Ленинградом был сорван. Наши части выиграли

---

¹ Манштейн Э. Утерянные победы. М., Воениздат, 1957, с. 180.

время для создания более прочной обороны и сосредоточения дополнительных сил на Северо-Западном направлении.

Оперативную паузу главнокомандование Северо-Западного направления использовало для дальнейшего укрепления подступов к Ленинграду. Ленинградские партийные и советские органы направили дополнительно десятки тысяч трудармейцев на строительство оборонительных сооружений. На линии обороны от побережья Финского залива до озера Ильмень было построено 570 дотов и дзотов, вырыто 94 километра противотанковых рвов, сооружено 160 километров эскарпов, установлено несколько сотен противотанковых надолб.

Для улучшения руководства войсками Лужская оперативная группа была разделена на три самостоятельных сектора — кингисеппский, лужский и восточный. Возглавили их соответственно генерал-майоры В. В. Семашко, А. Н. Астанин и Ф. Н. Стариков. С 29 июля 1941 года сектора по указанию Ставки стали называться участками. Отошедшие с островско-псковского направления 111-я и 235-я дивизии 41-го стрелкового корпуса вошли в состав лужского участка обороны и заняли рубежи на флангах 177-й стрелковой дивизии. На стык с кингисеппским участком вышел 1-й стрелковый полк 3-й дивизии народного ополчения. Восточный участок обороны был передан в состав Северо-Западного фронта.

В Ленинграде в тот период завершалось формирование новых дивизий народного ополчения, отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов, развертывалось всеобщее военное обучение.

Оперативная пауза не означала затишья на фронте. Всю вторую половину июля и начало августа на Лужской оборонительной полосе продолжались активные боевые действия. Наши войска в ходе боев изматывали и обескровливали противника, препятствовали его намерениям улучшить позиции, вклиниться в нашу главную полосу обороны. Под постоянным воздействием советской авиации, истребительных отрядов и партизан находились тылы и коммуникации врага. О потерях группы армий «Север» в начальный период войны дают представление дневниковые записи начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Гальдера. На 1.8.41 года потери составили 42 тыс. человек, из строя вышло до 38 процентов автомашин.

Проведя соответствующую перегруппировку сил, пополнив войска группы армий «Север» людьми и боевой техникой, гитлеровское командование решило возобновить наступление на Ленинград 30 июля, поставить целью окружить город и соединиться с финскими войсками. Однако развернуть наступление группа армий «Север» смогла лишь 8—10 августа. К этому времени противник создал северную ударную группировку из соединений 41-го моторизованного и 38-го армейского корпусов 4-й танковой группы. Они должны были развернуться на плацдармах в районах Ивановское и Большой Сабск и наступать через Копорское плато на Красногвардейск. Лужская группировка противника имела в своем составе две пехотные и одну моторизованную дивизии. Она должна была овладеть Лугой и в дальнейшем наступать вдоль Лужского шоссе на Ленинград. На этом направлении для развития успеха враг имел в резерве 8-ю танковую дивизию. Южная группировка, включавшая 28-й и 1-й армейские корпуса (6 пехотных и 1 моторизованную дивизию) 16-й армии, наносила удар на новгородско-чудском направлении с задачей обойти Ленинград с юго-востока, отрезать его от страны и соединиться с финнами. Группировку поддерживал 8-й авиационный корпус пикирующих бомбардировщиков.

Одновременно развернулись сражения на Карельском перешейке и в Эстонии. 18-й немецкой армии удалось расцечь 8-ю армию Северного фронта на две группировки и выйти к побережью Финского залива. Затем, направив свои усилия на овладение городом и главной базой флота Таллином, противник 29 августа занял его.

8 августа немецко-фашистские войска начали атаки на кингисеппском участке в направлении на Красногвардейск, а 10 августа — на лужско-ленинградском и новгородско-чудском. Началась новая фаза битвы за Ленинград.

Северная группировка противника в течение четырех дней пыталась прорвать нашу оборону массированными ударами авиации, артиллерии и танков. Три дивизии кингисеппского участка, взаимодействуя с приморским сектором, успешно отражали атаки врага, сочетая упорную оборону с контратаками. Однако численное превосходство, особенно в танках и авиации, начинало сказываться. Введя в бой 8-ю танковую дивизию, враг вышел 12 июля на Копорское плато и развернул часть сил для

наступления на Кингисепп, а основную ударную группировку направил на Красногвардейск.

На лужско-ленинградском направлении наши войска отразили все атаки противника и заставили его отказаться от наступления. Однако положение под Лугой складывалось неблагоприятно для наших войск. Справа продолжали отходить части кингисеппского участка. На левом фланге под ударами двух армейских корпусов 16-й армии вынужденно отступали части и соединения 48-й армии Северо-Западного фронта. Гитлеровцы быстро продвигались к Новгороду и станции Батецкая.

В этой обстановке Ставка Верховного главнокомандования дала директиву Северо-Западному фронту подготовить контрудар силами 11-й и переданной фронту из резерва Ставки 34-й армий в направлении на Старую Руссу. Начавшееся 12 августа наступление наших войск успешно осуществлялось. 14 августа части 34-й армии продвинулись до 60 километров. Используя их успех, 11-я армия 15 августа вышла на окраину Старой Руссы. Создалась реальная угроза удара в тыл новгородско-чудской группировки врага. Гитлеровское командование в спешном порядке перебросило в этот район из под Луги и Новгорода две моторизованные дивизии, из района Смоленска — 39-й моторизованный корпус. Лишь остановив наши войска, противник смог продолжать наступление южной группировкой на Новгород и Ленинград.

16 августа советские войска оставили Кингисепп. Противник занял западную часть Новгорода, а 20 августа — Чудово, перерезав шоссе и железную дороги Москва — Ленинград. 21 августа завязались кровопролитные бои на Красногвардейском рубеже. Противник вышел на шоссе Ленинград — Луга. 24 августа по приказу главнокомандования Северо-Западного направления последние защитники Лужского рубежа — части и соединения 41-го стрелкового корпуса — с тяжелыми боями начали отходить в направлении на Красногвардейск.

Бои на Лужском рубеже явились началом героической обороны Ленинграда. Войска Северного и Северо-Западного фронтов, значительно уступавшие немецко-фашистским войскам в живой силе и боевой технике, все же сорвали планы гитлеровского командования по захвату Ленинграда. Упорной и стойкой обороной, активными боевыми действиями они измотали и обескоро-

вили формирования группы армий «Север». Ценой огромных потерь противник лишь к середине сентября вышел на подступы к Ленинграду и, не имея достаточно сил для штурма города, перешел к позиционной обороне. Это была одна из первых трещин в стратегии «молниеносной войны», о которой на весь мир кричала гитлеровская пропаганда.

На результаты боевых действий войск Северо-Западного направления в оборонительных сражениях на дальних подступах к Ленинграду существенное влияние оказывала партийно-политическая работа среди советских воинов. Ее содержание определялось директивами партии и приказами Верховного главнокомандующего. Командиры, комиссары, политорганы и партийные организации мобилизовывали личный состав на укрепление воинской дисциплины, повышение бдительности, на решительную борьбу с проявлениями трусости и паники, воспитывали у воинов чувство патриотизма, ненависти к врагу, верность воинскому долгу. Особое внимание уделялось работе по преодолению танко- и самолетобоязни.

Решающую роль в бою играл личный пример командиров и комиссаров, коммунистов и комсомольцев. Десятки тысяч коммунистов направила на фронт Ленинградская партийная организация. Их мужество и стойкость, беззаветная преданность Родине, готовность к самопожертвованию вдохновляли защитников города Ленина в боях с гитлеровским фашизмом.

В ходе оборонительных сражений советских войск на ленинградском направлении большую роль сыграли мероприятия Ставки Верховного главнокомандования. Ставка своевременно и правильно определила направление главного удара немецко-фашистских войск на Северо-Западном стратегическом направлении и потребовала от командования Северного и Северо-Западного фронтов сосредоточить основные усилия на обороне юго-западных подступов к Ленинграду. Несмотря на крайне сложную обстановку на подступах к столице нашей Родины, Ставка провела ряд мероприятий по усилению Северо-Западного направления.

Войскам Северо-Западного направления пришлось вести боевые действия в исключительно сложных условиях. Обороняясь на широком фронте, дивизии имели, как правило, одноэшелонное построение, слабо обеспечивались стыки и фланги. Соединения не имели необходимых резервов. Недостаток артиллерийских и зенитных

средств, авиации лишал наших командиров возможности создать сильную противотанковую, противовоздушную и противополковой артиллерийскую оборону. Несмотря на прилагаемые усилия, командованию Северного фронта не удалось завершить инженерное оборудование Лужского оборонительного рубежа. Высоко оценивая мужество и героизм ополченцев, нельзя не заметить, что ополченческие дивизии вводились в бой без достаточной сколоченности и военной подготовки.

Эти и другие недостатки, порожденные целым рядом объективных и субъективных причин, не умаляют боевой славы, народного подвига защитников Лужского оборонительного рубежа. О характере битвы на Лужском рубеже Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал: «Никто из стоявших у кормила политического и военного правления Германии не сомневался в том, что наступление на Ленинград будет проведено довольно быстро без каких-либо существенных осложнений. Они уповали на превосходство в силах нацеленной на Ленинград группы армий «Север» — один к трем в ее пользу...

Но, вопреки таким расчетам, уже на дальних подступах к Ленинграду, особенно на Лужской оборонительной полосе, простиравшейся на 250 км, от Финского залива до озера Ильмень, развернулись исключительно яростные и затяжные бои, зачастую не имевшие пауз, длившиеся сутками...»¹

Несмотря на невероятные трудности, Ленинград оставил врага. Это была огромная морально-политическая победа советского народа, яркий показатель величия его духа и негнимои воли. О нарастающей силе сопротивления советских войск можно судить по темпам наступления гитлеровцев на Ленинград. До 10 июля их среднесуточный темп продвижения составлял 26 километров. В июле он снизился до 5 километров. В августе — до 2,2 километра, а в сентябре — до нескольких сотен метров в сутки. В конце сентября гитлеровское командование было вынуждено отказаться от штурма города и перейти к его осаде. План захвата Ленинграда потерпел крах. Возросшее сопротивление советских войск заставило противника держать под городом на Неве значительные силы, лишило возможности перебросить освобо-

---

¹ Василевский А. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1975, с. 175.

дившиеся соединения группы армий «Север» под Москву.

Стратегия «молниеносной войны», лежавшая в основе кампаний, проведенных фашистской Германией в Европе, оказалась несостоятельной в войне против Советского Союза.

Доктор исторических наук
полковник
Ю. Перечнев

10 ИЮЛЯ ★ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Штаб Северного фронта

Маркиан Михайлович Попов, генерал-лейтенант, командующий войсками фронта

За высокими окнами, скрытыми плотными светомаскировочными шторами, отступала короткая июльская ночь. Начальник штаба фронта генерал Д. Н. Никишев, член Военного совета корпусной комиссар Н. Н. Клементьев, командующий Лужской оперативной группой генерал К. П. Пядышев и я подытоживали дела за минувшие сутки.

Обсудили положение на севере, и вновь разговор пошел о событиях на псковском направлении. Под ударами сильных танковых группировок противника войска Северо-Западного фронта, измотанные в приграничных сражениях, с тяжелыми боями отходили на восток.

Несколько дней назад Ставка усилила нашего соседа свежим 41-м стрелковым корпусом. И нас интересовало, сумеет ли командующий Северо-Западным фронтом генерал Ф. И. Кузнецов восстановить положение под Псковом.

Еще и еще анализируем оперативную карту. Хотелся точнее предусмотреть возможные варианты развития боевых действий. Где, какими силами противник будет наносить главный удар?

От Финского залива по берегам рек Луга, Мшага и Шелонь до озера Ильмень на карте красная ниточка — Лужская оборонительная позиция. Почти 250 километ-

ров. Рубеж, на котором мы должны остановить врага. А сил мало. Под Кингисеппом, на правом фланге, пока лишь 191-я стрелковая дивизия и Ленинградское пехотное училище имени С. М. Кирова. У курсантов на 18-километровом фронте только пять орудий. Сверхголодная норма. Спрашиваю у начальника штаба, решил ли генерал Свиридов вопрос об усилении кировцев артиллерией? Он отвечает, что начальник артиллерии фронта обещал выделить один дивизион из 1-го Ленинградского артиллерийского училища.

Под Лугой, на Псковском шоссе, заняла позиции 177-я стрелковая дивизия полковника Машошина, усиленная артиллерийской группой полковника Одинцова. Обоих командиров знаю. Толковые, энергичные люди, с богатым опытом.

Комдив 177-й не теряя времени выдвинул один стрелковый полк в предполье на рубеж реки Плюссы. Это довольно сильный заслон, прикрывающий главную полосу обороны Лужской позиции.

А что на левом фланге? Где 70-я стрелковая дивизия? Позавчера мы вернули ее с псковского направления. На вопрос отвечает генерал Пядышев:

— 70-я выходит в район Медведя и заполнит промежуток между 1-й дивизией народного ополчения и 1-й горнострелковой бригадой...

А сколько у нас останется еще не занятых войсками промежутков, открытых флангов?! И снова кроим-перекраиваем, ищем, откуда можно взять хотя бы батальон. С сортавальского направления сняли 237-ю стрелковую дивизию и из 10-го мехкорпуса взяли две танковые дивизии — 21-ю и 24-ю.

Итак, реально четыре стрелковые и две танковые дивизии. Есть надежда, что подойдут еще две дивизии народного ополчения.

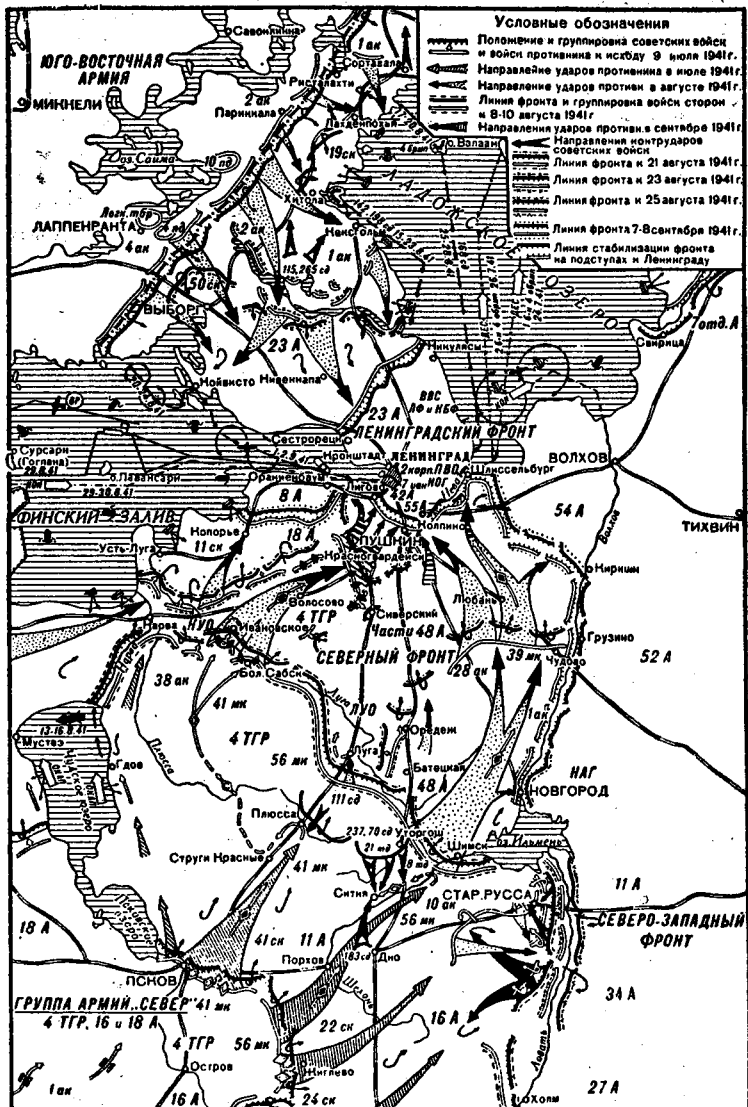
Не ошиблись ли мы, полагая, что противник пойдет на Лугу? А если ударит на флангах? И все же я почему-то уверен: фон Лееб должен пойти на Лугу. Ведь это кратчайший путь до Ленинграда.

Генерал Пядышев отправляется к себе. Еще раз напомнил Константину Павловичу, что Лугу надо держать всеми силами. Она — ключ к Ленинграду!

Телефонный звонок из Москвы. Говорит Василевский:

— Немцы взяли Псков! Слышите, немцы взяли Псков...

Оборонительные операции на ленинградском направлении (июль — сентябрь 1941 г.).

Василевский повесил трубку. Я взглянул на товарищей. Они, видимо, уловили, что речь шла о чем-то чрезвычайном.

— Псков пал. Немедленно звоните Пядышеву.

— Он, вероятно, еще не доехал,— заметил Никишев.

— Кауффельдту, Краснопевцеву, Крылову, Машошину. Всем быть в боевой готовности!

Да, сообщение не из приятных. Инженерные работы еще не закончены, хотя на строительстве оборонительных сооружений день и ночь трудятся десятки тысяч ленинградцев. Не накопили еще нужного количества вооружения и боеприпасов. Дивизии народного ополчения, новые артполки еще только развертываются. Словом, падение Пскова поставило нас в тяжелые условия.

Звоню Андрею Александровичу Жданову. С первого дня войны мы, командование фронта, работаем в полном контакте с Ленинградской партийной организацией. Трудно переоценить ту помощь, которую получаем от областного и городского комитетов партии. Радует четкость, оперативность в решении любых задач. Примером служат товарищи А. А. Жданов и А. А. Кузнецов.

Жданов выслушал мой доклад. Несколько минут в трубке было слышно его астматическое дыхание.

— Что ж, товарищ Попов, будем драться! В Ленинграде им не бывать. Утром прошу ко мне...

Штаб Северного фронта

Борис Владимирович Бычевский, подполковник, начальник Инженерного управления фронта

На рассвете начальник разведотдела фронта комбриг П. П. Евстигнеев сообщил мне, что от Пскова в сторону Луги отходят перемешавшиеся части Северо-Западного фронта. Не успел я положить телефонную трубку, как вызвал командующий фронтом:

— О падении Пскова слышали? Чувствуете, как осложнилась обстановка? Немедленно отправляйтесь в Лугу. Надо во что бы то ни стало ускорить постановку минных заграждений в предполье. Кстати, где у вас рота специального назначения?

— В Красногвардейске, товарищ командующий. В полной готовности. Радиостанция в парке.

— Радиостанцию держите там, команду с приборами возьмите с собой. Организуйте установку крупных

фугасов в районах Струги Красные, Городище, Николаево. Помните: наступают танки!

Получив указания командующего, я отправился под Лугу. Со мной команда минеров, командиры-инженеры Николай Иванов, Евгений Гуляницкий и Александр Шелков. По пути, в Красногвардейске, взял с собой командира роты спецназначения старшего лейтенанта Владимира Яковлева и несколько радиоспециалистов.

На шоссе за Лугой, где уже заняли боевые порядки подразделения 177-й дивизии, нескончаемый поток автомашин, повозок. Тут и там вперемежку с разрозненными группами бойцов бредут беженцы. В воздухе висит едкая пыль. Стоит угнетающий гул: сливаются гудки машин, рев скота и людской плач. И над всем этим пестрым потоком часто проносятся самолеты с черными крестами на крыльях. С бреющего полета фашистские летчики пулеметным огнем расстреливают все живое. На наших глазах погибли две девочки и три женщины. Попутчики оттащили их за обочину, чтобы похоронить.

Командиры и бойцы машошинской дивизии пытаются навести порядок. Пришлось помогать ликвидировать пробки на дороге, направлять беженцев с шоссе на проселки.

Минеры делают свое дело — ставят фугасы и мины западнее реки Плюссы. В условиях недостаточно организованного отхода войск и потока беженцев это делать непросто. Приходится тратить немало сил и времени, чтобы направить людей и скот в специально сделанные проходы в минных полях.

Поздно ночью разведчики сообщили, что танки и мотопехота противника сосредоточиваются в районе Струги Красные. Я дал команду взорвать фугасы. Старший лейтенант Яковлев еще раз проверил шифры радиосигналов, включил радиостанцию. Радиоимпульсы полетели в эфир.

Лужское направление. Южная окраина города Луги. Лангина гора. Штаб 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

В начале июля еще теплилась надежда, что враг будет остановлен на подступах к Пскову, на линии Псковско-Островского укрепленного района. Но события последних двух-трех дней внесли в обстановку изменения. На-

чальник штаба Лужской оперативной группы полковник Каупфельдт сообщил, что противник обнаружен в Стругах Красных, его отдельные группы движутся по шоссе Псков — Луга. Значит, судьба Ленинграда будет решаться под Лугой. В дивизии это хорошо понимали.

Я посмотрел на карту, мысленно сказал себе: «Встречай, Иван Семенович, свою третью войну. Гражданскую и финскую прошел, теперь всенародную, Отечественную» — и отправился к командиру дивизии. Андрей Федорович Машошин был, как говорят, в полном боевом. Обстановку он уже знал, говорил как обычно, по-командирски четко:

— Предупредите командира 483-го полка и артиллеристов. Немец может выскочить на плечах отступающих.

— Вчера сказал об этом подполковнику Харитонову.

— Напомните! Впрочем, я сам поеду к нему.

В этот день Машошин с утра собирался поехать в 502-й стрелковый полк, где медленно оборудовались позиции. Но обстановка изменилась. И командир переменил решение. Я понимал его: первый бой, первые испытания во многом определяют дальнейшее поведение бойцов и командиров. Выстоят — считай, успех обеспечен и в дальнейшем. Покатятся... Нет, об этом даже страшно подумать. Командир решил быть поближе к переднему краю. Бойцы крепче стоят, храбрее дерутся, когда знают, что командир рядом. Его воля, твердое управление придадут войскам силу.

Помимо служебных характеристик с подписями и печатями у бойцов о каждом командире есть еще свои суждения и довольно меткие характеристики, которые передаются из уст в уста. О храбрости Машошина, его крутом нраве, боевом опыте ходили легенды. Он, правда, никогда не распространялся о том, как стал полным георгиевским кавалером в империалистическую, за что награжден орденом Красного Знамени в гражданскую. Но каждый боец знал эти истории, да с такими подробностями, что Андрей Федорович только руками разводил.

Проводив комдива, мы с начальником артиллерии полковником Фоминым, начальником штаба артиллерийского полка АККУКС капитаном Визигиным занялись уточнением вопросов взаимодействия. Наша задача — создать сильный огневой заслон перед главной полосой обороны дивизии. Занятие прервали частые удары в рельс. Со всех сторон неслись возгласы: «Воздух, воз-

дух!..» На город шло около полутора десятков фашистских самолетов. Тихая дачная Луга принимала первый бой...

Город Луга. Огневые позиции отдельного курсантского зенитного артиллерийского дивизиона

Всеволод Чехович, воентехник 1-го ранга, начальник артвооружения дивизиона

Первый массированный налет авиации противника на Лугу был 10 июля. Вначале над городом покружился самолет-разведчик. Командир дивизиона приказал огонь не открывать: сбить самолет мало вероятности, а себя обнаруживать нам невыгодно. Пришлось, стиснув зубы, смотреть, как ползает над нами фашистский шпион.

Вскоре с юга и юго-запада появились «мессершмитты» и «юнкерсы». Они шли четким строем, выдерживая интервалы и дистанции между машинами, направляясь в центр города, где находились райком партии, узел связи, вокзал.

— Видал? — спросил я командира батареи 85-миллиметровых пушек старшего лейтенанта К. П. Валиту. В этот момент расчет прибора управления артиллерийским зенитным огнем — ПУАЗО — выдал данные.

Залп! В июльском светло-синем небе запрыгали, словно мячики, черные облачка разрывов снарядов батареи 85-миллиметровых пушек. Рядом появились белые дымки. Это открыла огонь батарея 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта Д. И. Петина. Присоединила свой голос и батарея 37-миллиметровых пушек. Она стреляла трассирующими снарядами. Вражеским «юнкерсам» и «мессершмиттам» стало жарко в лужском небе. Интенсивный огонь курсантского дивизиона разогнал фашистских стервятников, и они, сбрасывая беспорядочно свой смертоносный груз, стремились побыстрее уйти восвояси.

— Товарищ воентехник, смотрите, что выделывают фашисты! — оторвал меня от наблюдения лейтенант Гордеев. — На батарею Петина пикируют...

Из-за домов не просматривались огневые позиции батареи. Но именно в том направлении, словно сорвавшись с крутой горки, один за другим пикировали два Ю-87. Я представил себе, как нелегко теперь курсантам, но они продолжали вести огонь. Ребята не дрогнули, стойко отражали атаку врага. А это был их первый бой!

«Ура! Ура!» — раздались над огневой радостные возгласы.

Один Ю-87, выходя из пике, потянул за собой черный шлейф дыма и, неуклюже ныряя, удалялся в сторону леса. Это был третий по счету самолет, который подбили курсанты-зенитчики.

Документальная строка

Ленинградцы горячо откликнулись на призыв партии выступить на защиту родного города. К 10 июля в Ленинградскую армию народного ополчения было зачислено около ста тысяч человек.

Из донесения начальника отдела политической пропаганды ЛАНО Верхоглаза начальнику Управления политической пропаганды Северного фронта: «10 июля 1941 года 1-я дивизия Кировского района выбыла из г. Ленинграда. Последний батальон отгружился в 1 час. 00 мин. 11.7.41... Настроение бойцов и командиров бодрое и приподнятое. Многие бойцы выражали желание как можно скорее влиться в действующую армию...»

11 ИЮЛЯ ★ ДВАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Штаб Северного фронта

Маркиан Михайлович Попов, генерал-лейтенант, командующий войсками фронта

Прибывший в Ленинград главнокомандующий Северо-Западным направлением Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов вызвал меня в Смольный. Захватил необходимые материалы и отправился на доклад.

В кабинете Ворошилова кроме члена Военного совета А. А. Жданова и начальника штаба направления генерала М. В. Захарова находился представитель Северо-Западного фронта. После взаимных приветствий маршал приказал доложить ему обстановку. Выслушав меня, а затем товарища с Северо-Западного фронта, Ворошилов уточнил ряд вопросов и стал изучать оперативную карту.

Он сделал несколько замечаний относительно прикрытия флангов и совершенно неожиданно для меня

приказал 70-ю, 237-ю стрелковые дивизии и 21-ю танковую, которые мы с большим трудом и даже риском сняли с северного участка и направили на Лужский рубеж, немедленно передать Северо-Западному фронту. Его решение было окончательным. И, как я понял, не обсуждалось ни с членом Военного совета, ни с начальником штаба направления. Мне оставалось собрать документы и, получив разрешение, отправиться в штаб фронта.

Дорогой, размышляя над решением маршала, я несколько успокоился. Положение у генерала П. П. Собенникова, принявшего накануне командование Северо-Западным фронтом, было трудным. Почти все его дивизии вели тяжелейшие оборонительные бои от самой границы, были сильно ослаблены. Еще хуже обстояли дела с боевой техникой. Фронт фактически не имел своей авиации, и мы вынуждены были выделить ему часть наших тоже не весьма крупных сил.

Вернувшись к себе, я поручил штабу изыскать возможности для усиления Лужской оперативной группы, увеличить плотность инженерных заграждений, а сам немедленно выехал в штаб группы, чтобы на месте внести необходимые поправки в организацию обороны. С генералом К. П. Пядышевым и его штабом мы всесторонне обсудили сложившуюся ситуацию и пришли к единому мнению: увеличить назначенные войскам участки обороны.

Штаб ВВС Северного фронта

Александр Александрович Новиков, генерал-майор авиации, командующий ВВС фронта

Вечером 11 июля я встретился с начальником разведотдела фронта комбригом Евстигнеевым. Из разговора с ним узнал, что на правом фланге Лужской оперативной группы складывается тревожная обстановка.

— Командующий фронтом требует точные сведения о противнике. А где их взять в такой обстановке? — говорил Петр Петрович. — В направлении на Гдов замечены какие-то танки, там же оказались 1-я и 56-я пехотные дивизии из 18-й армии. Почему они очутились в полосе 4-й танковой группы? Наша разведка этого объяснить не может. Твои летчики ничего подозрительного в районе Гдова не замечали? — с надеждой спросил меня Евстигнеев.

— Пока нет, Петр Петрович. Проверю и, если что интересное, обязательно сообщу.

После разговора с Евстигнеевым я вызвал разведчиков. Они доложили, что летчики, совершая разведывательные полеты, обнаружили в направлении на Кингисепп — Гдов немецкие механизированные и танковые колонны. Отдельные группы танков и автомашин были замечены в нескольких десятках километров северо-западнее шоссе Псков — Ленинград.

На правом фланге назревали какие-то серьезные события.

Кингисеппское направление. Район Бол. Сабска. КП Ленинградского пехотного училища имени С. М. Кирова
Яков Васильевич Завалишин, батальонный комиссар, начальник отдела политпропаганды училища

Утром, за завтраком, начальник училища полковник Мухин спросил меня о планах на день. Я ответил, что собираюсь побывать в ротах 1-го батальона, встретиться с заместителем командира батальона по политчасти старшим политруком Синевым...

Полковник Мухин не дал мне договорить:

— Прекрасно! Нам по пути. Я еду к комбату Кузнецову.

Мы доехали до Сабска, разбросанного по берегу Луги, и пошли пешком вдоль переднего края обороны. На берегах Луги вроде ничего не изменилось: те же перелески, высотки — то круто обрывающиеся, то пологие с песчаными отмелями, те же заводы, покрытые зарослями осоки и кувшинок, поля несжатой ржи, подступающие к самому берегу. И только наметанный глаз военного различил и брустверы траншей, искусно прикрытые дерном, и бугорки дзотов.

Курсанты работали днем и ночью. События поджигали. Накануне в батальоне узнали, что противник прорвался к Пскову. При недостатке зенитных и противотанковых средств наше спасение виделось в инженерном оборудовании местности.

Мы часто останавливались, беседовали с бойцами. Настроение у ребят боевое. Но начальник училища справедливо считает, что одним моральным духом врага не остановишь. Он дотошно проверяет готовность кировцев к отражению противника, не гнушается посмотреть

стрелковые карточки, поинтересоваться тем, достаточно ли широк сектор обстрела.

Во второй половине дня мы возвращаемся. По дороге Герасим Васильевич говорит:

— Пожалуй, я слишком придиричив стал. Наверное, зря лейтенанту выговор объявил.

Полковник, необыкновенно человеколюбивый, добрый, был искренне расстроен, когда у одного из командиров взводов обнаружил неисправный пулемет.

— Знаешь, комиссар,— продолжает начальник училища,— в курсантах я уверен. Не дрогнут. Но нельзя же голыми руками! Что сегодня у Кузнецова? Две пушки и два пульвзвода на двенадцать километров фронта! Поскорее бы обещанный артдивизион прислали. — Задумался, потом спросил: — Комиссар, а сколько у нас коммунистов и комсомольцев?

— Тысяча двести девяносто два! — ответил я.

— Выстоим! Обязаны выстоять! — На переносице Герасима Васильевича появилась упрямая складка. Он прибавил шаг.

Вечером подготовил очередное политдонесение заместителю командующего Лужской оперативной группой по политчасти полковому комиссару В. В. Крылову. В конце написанного вывод: «Политико-моральное состояние личного состава здоровое».

Так мы писали и месяц, и два назад, иногда не очень задумываясь, каким содержанием наполнена эта фраза, чем подкреплена. Теперь наступило время реальной проверки этого вывода. Близость боевых действий ощущает каждый курсант, каждый командир. И я, и начальник училища уверены: с выводом в политдонесении нет ошибки.

В подразделениях проходят партийные и комсомольские собрания. Повестку дня мы рекомендовали такую: «Задачи коммунистов и комсомольцев в обороне на дальних подступах к городу Ленина». Накануне я был на партийном собрании в пятой роте. Выступило шесть человек. Кто-то предложил прекратить прения, но товарищи запротестовали, решили дать возможность высказаться всем. Некоторые выступавшие говорили три — пять минут, другие ограничивались буквально фразами: «Заверяю командование и партийную организацию, что буду драться с врагом, как подобает коммунисту. Прошу назначить на самый ответственный рубеж!»

Я много раз бывал на собраниях, слушал разных выступавших — и способных гладко говорить по любому поводу, и тех, кто, преодолев робость, впервые выходил на трибуну. Но такие страстные, идущие от сердца слова слышал впервые. Выступления товарищей звучали как партийная клятва.

В шестой роте, докладывали мне, комсомольское собрание завершилось пением «Интернационала».

Секретарь партийной комиссии сообщил, что на 11 июля в парторганизации рот и батальонов поступило от курсантов и командиров около 200 заявлений с просьбой принять их в партийные ряды. Вот оно, политикоморальное состояние кировцев накануне решающих боев!

Кингисепп. Штаб 191-й стрелковой дивизии

Дмитрий Акимович Лукьянов, полковник, командир дивизии

Перед началом войны наша дивизия была развернута по штату военного времени: три стрелковых полка, гаубичный и легкоартиллерийский полки, противотанковый и зенитно-артиллерийский дивизионы, батальоны связи, саперный, разведывательный, медико-санитарный.

В конце июня нам было приказано занять оборону по восточному берегу Нарвы — от Финского залива до впадения в нее реки Плюссы и далее километра четыре на юго-восток. На правом фланге у нас оборонялся 559-й стрелковый полк, прикрывая шоссе и железную дорогу на Кингисепп. Левее занял участок обороны 546-й полк. Мы являлись как бы тыловым рубежом 8-й армии, которая в это время вела тяжелые оборонительные бои в Прибалтике. Мы усиленно вели инженерные работы. На переднем крае создавали огневые точки, укрытия, соединяли окопы траншеями и ходами сообщения, инженерными заграждениями прикрывали вероятные направления ударов противника. Одновременно подразделения занимались боевой подготовкой. Особое внимание уделяли отработке приемов борьбы с вражескими танками и авиацией.

Готовились к встрече с врагом и командиры. С ними проигрывались возможные варианты боевых решений, отрабатывались вопросы взаимодействия. Известно, что согласованность в действиях подразделений различных родов оружия является непременным условием успеш-

ного решения поставленных задач. Это требование хорошо понимали командиры, среди которых было немало участников зимней кампании 1939—1940 годов.

11 июля я, как обычно, с утра отправился в подразделения. На этот раз поехал в 546-й полк к майору Якутовичу. Вячеслав Петрович назначен командиром полка недавно, и, естественно, ему мы оказывали больше внимания. Едва успел поздороваться с командиром и замполитом, как подбежал дежурный по штабу:

— Товарищ полковник, вас срочно просит к телефону начальник штаба дивизии.

Подполковник Талызин сообщил, что получен приказ, вносящий серьезные уточнения в обстановку.

— Хорошо, Иван Иванович, еду!

В штабе дивизии Талызин ждал меня с полученной шифровкой и своими предложениями. Вчитываюсь в содержание приказа и не могу понять: что случилось, почему надо спешно развернуть дивизию фронтом на юго-запад? По вчерашней разведсводке, на гдовском направлении ничего угрожающего не было. А сегодня...

— Иван Иванович, вызывайте командира разведбата и немедленно готовьте сильный отряд в направлении Гдова. В сторону Ивановского — усиленную роту от 546-го полка в отряд заграждения. Придайте ей батарею из противотанкового дивизиона. К пятнадцати часам подготовьте боевой приказ на передислокацию дивизии!

— Более чем на тридцать километров растягиваем фронт обороны, — начальник штаба провел карандашом дугу южнее Нарвы и Кингисеппа и, выразительно взглянув на меня, ждал ответа.

Я разделял тревогу начальника штаба, но сроки выполнения приказа командующего фронтом не оставляли времени на личные переживания.

Лужское направление. Южная окраина города Луги, Лангина гора. Штаб 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

На Плюссе не затихают артиллерийская канонада и ружейно-пулеметная перестрелка. Передовые отряды противника настойчиво стремятся форсировать реку. Обстановка крайне напряженная. Для нас это первый бой. Комдив в 483-м полку. Всю ночь в штабе дивизии никто не сомкнул глаз. Непрерывно держим связь со штабом

полка. Постоянно запрашивает обстановку штаб Лужской оперативной группы.

Пока сведения из 483-го полка не вызывают тревоги. Наше боевое охранение совместно с сохранившимися боеспособностью отходящими подразделениями 90-й и 111-й дивизий отражает попытки противника захватить плацдарм.

Неожиданно получили мощное усиление. Рано утром в штаб дивизии прибыл командир 10-го мехкорпуса генерал И. Г. Лазарев и сообщил, что по приказу командующего фронтом совместно с нашей дивизией будет действовать 24-я танковая дивизия. Он попросил ознакомить его с обстановкой и порекомендовал нам для улучшения управления частями выслать поближе к переднему краю оперативную группу штаба дивизии.

Было принято решение КП опергруппы разместить в деревне Рютень, километрах в десяти от боевого охранения. Вместе с группой командиров штаба я выехал на наш новый командный пункт. В Рютени меня встретил начальник разведки дивизии и доложил, что подчиненные комполка Харитонова захватили «языка». Это офицер и, как сообщили, важный чин.

Я решил позвонить Харитонову. Но, как иногда бывает, в самый нужный момент связь не работала. Телефонисты стали вызывать КП 483-го полка по обходным линиям. И когда дозвонились, то из-за плохой слышимости лишь удалось выяснить, что подполковника на КП нет.

Спустя немного времени возле КП остановилась полуторка. Бойцы доставили пленного. Это был майор гитлеровской армии. Сопровождавший пленного лейтенант рассказал подробности его пленения. Рота занимала оборону в районе станции Плюсса. На перроне находилась группа бойцов. Вдруг кто-то заметил, что со стороны Пскова катит мотовагончик. Спросили железнодорожников: чей, кто может ехать? Начальник станции, пожав плечами, ответил, что все поезда со стороны Пскова проследовали еще вчера и связи нет даже со Стругами. Пока суд да дело, мотовагончик остановился. На пути выскочила группа солдат и направилась к станции. Кто-то крикнул:

— Ребята, это ж фашисты! Огоны!

И началась такая пальба, будто высадилось не меньше роты. Гитлеровцы, отстреливаясь из автоматов, бросились к вагончику. Но никто из них добежать не ус-

пел. Когда перестрелка стихла, из мотовAGONчика вышел мертвенно-бледный офицер. Он поднял руки и направился к нашим бойцам.

В академии я изучал немецкий язык, был знаком с военной лексикой. Стал допрашивать пленного. Он сообщил, что на нашем направлении наступает 41-й моторизованный корпус генерала Рейнгардта в составе двух танковых и одной моторизованной дивизий. Кроме того, Рейнгардту подчинена 269-я пехотная дивизия. Корпус имеет задачу захватить Ленинград. Как офицер-железнодорожник, майор получил задание проехать на дрезине до Луги, проверить состояние путей и взять на учет подвижной состав. В штабе группы армий «Север» его подвели: сказали, что Рейнгардт находится на подступах к Луге...

Майор говорил со мной по-немецки, иногда вставлял русские слова. Он объяснил, что в свое время работал с нашими железнодорожниками и немного освоил русский язык. И как специалиста, знающего русские железные дороги, его мобилизовали в войска вермахта.

Допрос прервал телефонный звонок Машошина:

— Иван Семенович! Что ж ты держишь «гостя»? Пядышев, как узнал о нем, житья не дает. Да и мне хочется на живого гитлеровца посмотреть. С империалистической не встречались...

Пленного под охраной я отправил в штаб Лужской оперативной группы. Ночью сопровождавшие его вернулись, старший доложил о выполнении приказа и сообщил, что немецкий майор дорогой по-русски разговаривался. Обещал всякие блага, если его отпустим. Все равно, дескать, через неделю армия фюрера будет в Ленинграде.

Документальная строка

Ленинград. Государственный Комитет Обороны принял решение перебазировать из Ленинграда и Ленинградской области на восток еще 80 заводов и 13 центральных конструкторских бюро. Целиком или отдельными цехами Охтинский химический комбинат, заводы имени В. И. Ленина, «Экономайзер», имени Я. М. Свердлова направлялись в Свердловск, заводы Кировский и имени «Комсомольской правды» — в Нижний Тагил, «Вулкан» и имени Карла Маркса — в Ташкент и т. д.

В первую очередь эвакуировались предприятия ведущих отраслей промышленности.

Ленинград. Смольный

Николай Дмитриевич Шумилов, секретарь Ленинградского горкома ВКП(б)

С каждым днем Ленинград все заметнее превращается в прифронтовой город. Внешне — всё так же еще шумно на Невском, толпится молодежь возле касс театров и кино, позвякивая, бегут трамваи. Но взглядишься в лица — и замечаешь несвойственную, нехарактерную для ленинградцев суровость, настороженность. Население стало более организованным, подтянутым, повысилась политическая активность.

Горячим одобрением ленинградцы восприняли решение Государственного Комитета Оборона об образовании главнокомандований направлений и назначение на пост главкома Северо-Западного направления популярнейшего в народе полковника гражданской войны Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, а членом Военного совета направления — секретаря ЦК ВКП(б), руководителя ленинградских большевиков А. А. Жданова.

Андрей Александрович Жданов пользовался в Ленинграде огромным авторитетом. Он умел располагать к себе людей, был душевным и требовательным руководителем. Срочно возвратившись из отпуска, А. А. Жданов с первых дней войны принял на себя решение самых важных, кардинальных политических и оборонных вопросов. Днем и ночью к нему в Смольный шли руководители предприятий, партийных и советских организаций, военные работники, деятели науки и техники, писатели. Он подписывал важнейшие решения как член Военного совета фронта и секретарь ЦК ВКП(б).

Ближайшим соратником и помощником А. А. Жданова в те дни стал второй секретарь горкома партии А. А. Кузнецов. Алексей Александрович был незаурядной личностью. Он обладал даром быстро схватывать главное, умел прислушиваться к мнению людей, доводить начатое дело до конца. Как секретарь горкома пар-

тии и член Военного совета фронта А. А. Кузнецов уделял огромное внимание формированию дивизий народного ополчения, созданию оборонительных рубежей на подступах к Ленинграду, работе предприятий, выполнявших военные заказы. Он ведал подбором военных кадров, организационно-партийной и идеологической работой, руководил деятельностью политических управлений фронта и Балтийского флота, занимался всем, что касалось жизни и быта города и его защитников.

Лужское направление. Деревня Рютень. КП опергруппы штаба 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

Начальник разведки дивизии майор Масленников доложил, что противник продолжает атаковать 1-й и 3-й батальоны 483-го стрелкового полка силами не менее пехотного полка, поддержанного танками и артиллерией. Передний край постоянно обрабатывается вражеской авиацией. Выдержать такой натиск необстрелянным бойцам нелегко.

И вот очередная неожиданность. Начальник штаба 483-го полка капитан Богатырев сообщил, что 1-й батальон старшего лейтенанта Шеловича отошел, с ним потеряна связь. Я не успел подробно разобраться в обстановке, как вызвал комдив.

— Слышал? Побежал Шелович. Такой рубеж бросил! — горячился Андрей Федорович. — Где батальон? Штаб знает?

— Пока еще не выяснил. Послал в полк Масленникова, — отвечаю возможно спокойнее. Знаю, что в такие минуты Машошин бывает крут.

— Так и есть! Никто ни черта не знает! — продолжал бушевать командир. — Адьютант, машину!

Комдив сел в броневичок и отправился в 483-й полк. Я позвонил Харитонову. Просил его встретить командира и ни в какое пекло не пускать. Образовавшуюся прореху юго-восточнее станции Плюсса попросил прикрыть огнем артиллерийской группы. Но, оказывается, наш начарт полковник Фомин был уже в курсе событий и доложил, что полковник Одинцов подготовил сильный огневой заслон. Пять дивизионов артиллерии способны охладить горячие головы гитлеровцев.

К исходу дня батальон Шеловича обнаружили в лесу недалеко от станции Плюсса. Машошин приказал построить бойцов на небольшой полянке. Лично проверил людей, оружие, боеприпасы. Затем приказал старшему лейтенанту Шеловичу выйти перед строем.

— Адьютант, отберите у труса оружие!

Дрожащей рукой Шелович вынул из кобуры пистолет и передал его лейтенанту Лясиному, своему хорошему другу.

— Бойцы! — обратился Машошин к строю. — Вы знаете, что заслуживают предатели и трусы на войне. Но я не хочу, чтобы боевая история нашей славной дивизии была испачкана фактом трусости. Вы пойдете вместе с комбатом и восстановите положение. Правильно я говорю?

Вдох облегчения прокатился над строем. Раздались выкрики: «Правильно!», «Вышибем гадов!»

Шелович поднял голову, распрямился. Его глаза светились отчаянной решимостью.

— Товарищ комдив, кровью смою свой позор! Жизни не пожалею. Разрешите встать в строй? — Голос его окреп и обрел ту характерную чеканность и твердость, которая свойственна строевым командирам.

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Село Медведь. Штаб 70-й стрелковой дивизии

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии

Война застала нас в лагерях под Ленинградом. Затем дивизия была срочно переброшена за Выборг. Места знакомые. Здесь зимой сорокового года мы принимали боевое крещение. Под Выборгом родилась боевая слава дивизии: ее подвиг отмечен орденом Ленина, а шестнадцать самых отважных бойцов удостоены звания Героя Советского Союза. В их числе бывший комбат, командир 68-го стрелкового полка капитан А. Краснов.

Но на старых рубежах дивизия пробыла недолго. Противник нацелился на Ленинград с юго-запада. Форсированным маршем нас перебросили под Лугу. Едва успели сосредоточиться — новый приказ: войти в состав 11-й армии Северо-Западного фронта.

Дивизия заняла оборону в междуречье Мшаги и Шелони, прикрыв левый фланг Лужского оборонительного рубежа в полосе Северо-Западного фронта. Здесь про-

ходят дороги Псков — Уторгош — Луга и Порхов — Шимск — Новгород. Куда повернет противник? Вопрос, который одинаково беспокоил и нас, и командарма, и командующего фронтом.

К утру вернулись дивизионные разведчики. Вели поиск западнее Сольцов. Противника не обнаружили. Издалека слышали гул артиллерийской канонады. Но в последней разведсводке штаба сообщалось, что противник, невзирая на открытые фланги, рвется на Сольцы и Старую Руссу. Неужели задумал обойти Ленинград с юго-востока?

Вечером получили из штаба армии телефонограмму: командира дивизии генерала Федюнина и меня срочно вызывал командарм генерал-лейтенант В. И. Морозов. Приказано взять с собой карты на район Сольцы — Ситня — Вшели.

Прочитав телефонограмму, командир дивизии выразительно посмотрел на меня:

— Догадываешься, зачем карты понадобились?

— Займем новые рубежи обороны.

— А может, и не для обороны. Впрочем, собирайтесь! Через полчаса выезжаем.

Лес северо-восточнее деревни Городище. 835-й стрелковый полк 237-й стрелковой дивизии

Вячеслав Марак, лейтенант, командир взвода разведки полка

Наш полк занял оборону правее 70-й дивизии. Надлежало контролировать дорогу Городище — Уторгош. Вечером 12 июля меня вызвал командир полка подполковник А. М. Кибальчич и приказал установить, что делается на правом фланге полка. Сказал, чтобы попытались захватить «языка», это крайне важно.

Первое настоящее боевое задание для молодого лейтенанта! В моем воображении рисовался короткий бой: фашисты уничтожены, схвачен офицер, и я доставляю врага прямо к командиру полка.

В ночь мы выступили. Просеками, лесными дорогами пробрались к деревне Городище. Странно, никаких признаков жизни. Даже собак не слышно.

За селением решили ехать по обочине. Кони словно понимали важность боевого задания: мягко ступали по пыли, не ржали. У развилки шоссе мы остановились.

Слышу — где-то впереди далекое тарахтение мотора, словно молотилка работает. Помкомвзвода говорит:

— Товарищ лейтенант, похоже, мотоциклист едет!

Сержант Трофим Гаплик быстро спрыгнул с лошади, припал к земле.

— Тоже мне разведчик! Мотор — не лошадь, так не услышишь.

Исчезают последние сомнения. В нашу сторону по Псковскому шоссе катит мотоциклист. Принимаю решение устроить на шоссе засаду.

Мотоциклисты почти поравнялись с нами. Их оказалось трое. Двое впереди, один чуть сзади. Трудно сказать, кто сделал первый выстрел, первым бросил гранату. Все это произошло мгновенно. Кажется, и я стрелял.

«Языка» мы не взяли, живых фашистов не осталось. Но документы — три солдатские книжки, фотоснимки, письма — захватили. Из них следовало, что гитлеровцы принадлежат к штабному подразделению дивизии СС «Полиция». Взяли и трофеи — автоматы и один исправный мотоцикл.

Ленинград. Московский район. Штаб 2-й дивизии народного ополчения

Николай Степанович Угрюмов, Герой Советского Союза, полковник, командир дивизии

С утра я находился в штабе, просматривал документы. Комплектование дивизии личным составом можно было считать завершенным. Фабрики и заводы Московского района основательно помогли в экипировке ополченцев. С вооружением сложнее. Винтовки получили полностью, а станковых и ручных пулеметов меньше половины положенного по штатам. Полковая артиллерия чуть ли не из музея.

Решил поехать к фронтовым вооруженцам сам и попытаться по старой дружбе кое-что «выбить». Но срочно позвали к телефону. Командующий Ленинградской армией народного ополчения вызывал в штаб, который находился в бывшем Мариинском дворце. «Вот, — подумал я, — и хорошо, заодно утрясу кое-какие вопросы по кадрам и материально-техническому обеспечению».

Генерала А. И. Субботина, нашего командарма, я знал по мирному времени, когда он был помощником начальника штаба Ленинградского военного округа. Он часто приезжал к нам в 70-ю дивизию, бывал в баталь-

оне, которым я тогда командовал. Его советы и указания всегда были ясными и дельными. Чувствовалось, что каждое слово у него обдуманно.

На этот раз, как мне показалось, Александр Иванович был очень озабочен. Он поздоровался со мной и сразу же подвел к столу, на котором была разложена карта с нанесенной обстановкой. Сказал:

— Знаю, Николай Степанович, что дивизия еще недостаточно подготовлена к боевым действиям. Но время не терпит, надо выступать на фронт. Дивизии надлежит занять оборону по восточному берегу реки Луги южнее Кингисеппа. Она включается в состав Лужской оперативной группы. Все дальнейшие указания — у генерала Пядышева, командующего группой.

Разговор на этом закончился. Генерал Субботин дал понять, что спрашивать его о чем-либо бесполезно.

— Есть, товарищ командующий! Слушаюсь,— ответил я.

— Вот и хорошо, Николай Степанович! — внезапно потеплевшим голосом сказал командарм и крепко пожал руку.

Вернувшись в дивизию, я вызвал начальника штаба, начальников служб, и мы стали спешно разрабатывать документы на передвижение в эшелонах. Сделать нужные расчеты было не просто. Выяснилось, что некоторые командиры понятия об этом не имеют. К тому же части находились еще в стадии формирования, со складов продолжало поступать военное имущество. С трудом подготовив заявки, я отправил их с командиром штаба военному коменданту железнодорожной станции Ленинград-товарный-Витебский.

Документальная строка

Ленинград. 12 июля. Из телеграммы обкома ВКП(б) и облисполкома секретарям райкомов партии и председателям райисполкомов: «Поднять поголовно все население колхозов и других организаций на оборонительные сооружения в соответствии с указаниями военных представителей».

КП 177-й сд. Из донесения штадива 177-й о ходе боев: «Уничтожил до батальона мотопехоты, 1/483 сп отошел с рубежа р. Плюсса. 3/483 сп под сильным воздействием вражеского артиллерийского огня и пехоты с танками отошел в район Ширяги...

Начальник штаба подполковник Павлов».

13 ИЮЛЯ ★ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Штаб Северного фронта

Маркиан Михайлович Попов, генерал-лейтенант, командующий войсками фронта

Днем 13 июля я и начальник штаба фронта были вызваны в Смольный к главкому. К. Е. Ворошилов заслушал наш доклад о событиях за сутки, в котором мы подтверждали сведения о движении мотомехчастей и танков противника на наш правый фланг. Дополнительной разведкой было также установлено, что вражеские колонны от Ляды повернули на север: танки пошли в обход озера Самро с запада, а мотопехота — с востока. Напрашивался вывод: немцы решили прорвать Лужский оборонительный рубеж в районе юго-восточнее Кингисеппа, затем частью сил вырваться на Копорское плато к Финскому заливу; другие их соединения, вероятно, устремятся на Красногвардейск.

На вопрос маршала, какие мы принимаем меры, я доложил, что усиливаем кингисеппское направление дивизий народного ополчения и артиллерийскими подразделениями. Под Кингисепп переброшены и некоторые инженерные части.

Доложили о положении и вероятных перспективах развития событий в Эстонии, где 8-я армия полностью отрезана от войск Северо-Западного фронта и по существу действует самостоятельно. Мы предложили подчинить ее командующему Балтийским флотом или нам.

После обмена мнениями между Ворошиловым, Ждановым и Захаровым было принято решение о передаче 8-й армии Северному фронту. Одновременно решили передать нам 41-й стрелковый корпус Северо-Западного фронта, который после боев за Псков оторвался от своей 11-й армии.

Товарищ Жданов поинтересовался, как используется 1-я Кировская дивизия народного ополчения. Доложили, что ополченцы заняли оборону в восточном секторе Лужской оборонительной позиции и приступили к инженерным работам. А. А. Жданов посоветовал нам, пока

на этом участке нет противника, использовать все возможности для боевой учебы кировцев. «Боевые качества бойца удваиваются и утраиваются, когда моральный дух сочетается с воинским мастерством», — заметил он.

Кингисеппское направление. Село Ивановское. Штаб начальника участка оборонительного строительства

Николай Богданов, старший лейтенант, начальник участка

В начале июля меня назначили начальником участка строительства оборонительного рубежа под Кингисеппом. Под начало выделили около десяти тысяч мобилизованных ленинградцев, транспорт, инструмент, продовольствие. Штаб разместился в школе села Ивановское. Рядом в сараях — материально-технические склады.

После рекогносцировки морскими инженерами-фортификаторами оборонительного рубежа по правому берегу Луги мы приступили к работам. Люди трудились по ударному. Буквально через неделю появились траншеи полного профиля, эскарпы и прочие сооружения.

Рабочий день начинали с восходом солнца и заканчивали с вечерней зарей. Как обычно, начали работы и 13 июля. Около одиннадцати часов над селом появился наш самолет и сбросил вымпел. В записке сообщалось, что в направлении на Ивановское со стороны Гдова движется мотомехколонна противника.

«Надо что-то предпринимать!» — мелькнула мысль. А что? Связь с войсками нет. Единственная «ниточка» с кингисеппским погранотрядом. С трудом дозвонился и передал командиру отряда содержание записки.

Через некоторое время к нам на двух грузовиках приехали пограничники. Лейтенант попросил подробнее рассказать, что мне известно о противнике. Больше, чем сказано в записке, я ничего не знал. Пограничники проехали на противоположный берег реки и вскоре вернулись.

Часа в три или четыре дня на мосту раздались выстрелы. Я — к телефону (недалеко от моста находилась почта), спрашиваю дежурную телефонистку:

— Что за стрельба у вас?

Она отвечает перепуганным голосом:

— Немцы на мотоцик... — И связь оборвалась.

Я выскочил на улицу. Навстречу мне бежал боец-пограничник. Срывающимся от волнения голосом он рас-

сказал о происшедшем. Их взвод нес охрану моста через Лугу. Они видели, как к часовому подъехала наша грузовая машина ЗИС. Остановилась. Часовой что-то спрашивал. Из кузова выскочило несколько солдат в красноармейской форме. Кто-то выстрелом убил часового. Своротив шлагбаум, машина двинулась вперед. Потом появились мотоциклисты. Бойцы взвода охраны выскочили из казармы. Залегли кто где, в суматохе даже не успели занять окопы и забыли в казарме ручной пулемет. Стреляли из винтовок. Подошла еще машина с вражескими автоматчиками. Ну, наши и побежали...

У меня в подчинении четыре бойца с винтовками, и у самого пистолет с двумя обоймами патронов. Решение созрело мгновенно: задержать гитлеровцев хотя бы на час-полтора. Тотчас же послал связного сообщить командирам групп строителей, чтобы немедленно лесами уходили на станцию Веймарн. С другими остался сам. Мы хватали всё, что попадалось под руки: доски, бревна, разворотили старый сарай, чтобы завалить дорогу.

Гитлеровцы почему-то медлили. Но вот на дороге появились четыре мотоциклиста. Увидев завал, остановились. Постреляли из автоматов. Подошли к завалу ближе. Мы открыли огонь. Кажется, одного солдата ранили. Фашисты быстро укатили назад. Оставаться дольше на этом месте не имело смысла, и я со своими строителями направился на станцию Веймарн.

Бол. Сабск. Район обороны 1-го батальона ЛПУ имени С. М. Кирова

Николай Скобцов, лейтенант, командир взвода

Несколько дней наш взвод находился в боевом охранении в полутора километрах от переднего края обороны. А потом поступил приказ сдать рубеж и прибыть в расположение батальона. Через час мы были в Сабске.

Начальник училища полковник Г. В. Мухин вызвал нас, командиров, в штаб батальона. Он сказал, что противник появился в Осьминском и Лядском районах. Нашей роте приказано действовать в составе разведотряда. Полковник раскинул карту и показал на ней маршрут нашего движения. Его карандаш медленно перемещался по дороге от Сабска на Осьмино.

Ночь застала нас у лесного озера. Сделали привал. Выставили сторожевое охранение. Около трех часов ночи отправился проверить посты. Треснет под ногой вет-

ка, где-то вспорхнет разбуженная птица — рука невольно хватается за рукоятку пистолета. «Нервы, товарищ лейтенант!» — иронизирую над собой.

Вдруг окрик: «Стой! Кто идет?» Узнаю по голосу курсанта Виноградова. Называю пароль.

— Товарищ лейтенант, слышите? — Виноградов показывает рукой на юго-запад.

Издали доносится какой-то гул. День вчера был жаркий, возможно, гроза. Но может быть и противник. Еще не один день войны пройдет, пока мы научимся разбираться в ее голосах.

Незаметно промелькнула июльская ночь. Мы тронулись дальше лесом. За ним должно быть большое село Старополье. Вдруг услышали длинные автоматные очереди. Командир роты старший лейтенант Михаил Дашкевич приказал свернуть с дороги и замаскировать машины в лесу. Командиров взводов Дашкевич вызвал к себе. Держим совет, что делать. Возможно, село занято противником.

— Скобцов! — обращается ко мне ротный. — У тебя взвод выпускной. Отбери ребят понадежней и разведай обстановку.

Я вскочил и, приглушив эмоции, по-уставному отчетливо:

— Есть, товарищ командир, провести разведку!

Нам война казалась тогда простым делом. Сколько раз на полевых учениях курсанты ходили в разведку, брали «пленных». И на сей раз мы не сомневались в успехе. Шли осторожно, кошачьей походкой. На взгорке показались золотистый купол церкви, крытые тесом крыши. От головного дозора прибежал связной и сообщил, что в селе противник.

— Сержант Бухвалов, с отделением за мной. Остальные — в укрытие.

Кустарниками, огородами подобрался к большой избе на окраине. Дверь настежь. Понаблюдали несколько минут и решили войти. По оставшемуся в избе теплу поняли, что еще недавно в ней жили. Теперь лишь кошка потерялась о мои сапоги, мяукнула, словно жалуясь на судьбу.

Вышли из избы и замаскировались возле изгороди в зарослях малинника. Возле церковной ограды увидели пять легких танков и несколько автомобилей-вездеходов. Гитлеровцы вели себя беспечно. Часовых не видно.

Решил подтянуть остальные отделения — сержанта Черненко и младшего сержанта Виноградова. Ориентирую их в обстановке. Сигнал для начала действий — два выстрела из пистолета.

Пока я ставил задачи, выбирал исходные позиции, на небе появилась темная туча. Сверкнула молния, и как из ведра хлынул ливень. Деревенская улица обезлюдела.

Нас это устраивало. Курсанты поползли вперед, охватывая полукольцом машины возле церковной ограды. Достигнут намеченный рубеж. Даю сигнал. Полетели гранаты. Кто-то из числа истребителей танков поджег машины.

Фашисты выскакивали на улицу, вели беспорядочный огонь, пытались завести уцелевшие машины. Но организованного сопротивления не оказывали. Я дал команду отходить. Захватив четырех пленных, без потерь мы вернулись к своим. Смелые и решительные действия принесли нам первый боевой успех.

Лужское направление. Район деревни Похонь. Штаб 111-й стрелковой дивизии

Сергей Васильевич Рогинский, подполковник, командир дивизии

10 июля я с группой командиров прибыл в штаб 41-го стрелкового корпуса. Нам было приказано ознакомиться с обстановкой, принять все самые решительные меры к тому, чтобы остановить отход частей корпуса и закрепиться на выгодном рубеже. К сожалению, сделать это было уже невозможно. Штаб корпуса потерял управление войсками и не знал, где находятся штабы 111-й, 235-й и 90-й дивизий.

Генерал Астанин, помощник командующего Северо-Западным фронтом, приказал мне разыскать 111-ю стрелковую дивизию. Вероятнее всего, она могла находиться в районе Струги Красные. Действительно, здесь мы начали встречать отдельные группы бойцов и даже подразделения дивизии. По указанию генерала Астанина останавливали их, сводили в роты и батальоны, назначали командиров. Бойцы были рады, что наконец-то обрели свои подразделения и получили боевые задачи. Я заметил, что вышедших из окружения людей не столько угнетало отсутствие питания, сколько неопределенность положения.

Продолжая поиски штаба дивизии, я встретил в рай-

оне Щирска заместителя комдива по политчасти полкового комиссара Г. С. Емельяненко и начальника особого отдела дивизии Бойченко. Они раскрыли передо мной весь драматизм обстановки, в которую дивизия попала в боях под Островом и Псковом. Фактически соединение вводилось в бой разрозненными подразделениями без достаточно мощного артиллерийского обеспечения. Люди сражались ожесточенно, до последней возможности. Командиры и политработники находились в боевых порядках, и многие из них пали на поле боя. В боях под Псковом героически погиб командир дивизии полковник Иванов.

Обсудив с товарищами обстановку, я решил организовать оборону восточнее Лужского шоссе, объединив собранные подразделения в отряд. О своем решении доложил генералу Астанину. Он одобрил действия и приказал принять командование дивизией.

Город Луга. Райком ВКП(б)

Иван Дмитриевич Дмитриев, секретарь райкома партии

13 июля нам стало известно о трагедии в Осьминском районе. Утром в Осьмино проходило собрание партийного актива. На него приехали товарищи из обкома партии и облисполкома. Они сообщили, что гитлеровцы находятся в соседних Лядском и Плюсском районах. Партийный актив принял решение: каждый коммунист и комсомолец должны драться с врагом до последней возможности.

Едва собрание закончилось, как в поселок на бронетранспортерах в сопровождении легких танков ворвались гитлеровцы. Вероятно, это была их разведка. Наши войск в Осьмино не было, и в бой с врагом вступил осьминский истребительный отряд, созданный несколько дней назад. Руководил им секретарь райкома партии Иван Григорьевич Калабанов.

Завязалась жаркая схватка. Дело дошло до рукопашной. Калабанов, отбиваясь от наседавших фашистов, застрелил немецкого офицера и уложил гранатами несколько солдат. Мужественно сражались и другие бойцы отряда. Осьминцам удалось некоторое время удерживать мост через реку Сабу и правобережную часть поселка. Но силы были слишком неравными. Фашисты прорвались к мосту. Калабанов приказал отряду уходить в лес, а сам с несколькими бойцами остался прикрывать от-

ход. В этом бою Иван Григорьевич героически погиб. Обороняя Осьмино, погибли и товарищи из Ленинграда: работник сельхозотдела обкома партии А. П. Немков и заместитель председателя облисполкома В. Е. Лебедев.

Эту весть мы приняли с большой скорбью. Многие из нас хорошо знали И. Г. Калабанова, А. П. Немкова и В. Е. Лебедева. Они часто бывали у нас в Луге. С Калабановым я виделся за несколько дней до трагедии. Мы согласовывали с ним вопросы взаимодействия партизанских отрядов, информировали друг друга о ходе строительства оборонительных рубежей. Он еще сказал, что Осьминский район находится как бы в стороне. И полушутя добавил:

— Тебе, Иван Дмитриевич, придется принимать первый удар. Вон сколько войска у тебя! А у меня всей армии — милиция да райвоенкомат.

Однако судьбе было угодно распорядиться по-иному. Первый удар принял небольшой поселок. И первыми жертвами стали партийные работники, наши друзья и товарищи.

Деревня Поддубье

Евгения Виноградова, ученица 2-й средней школы города Луги

Неделю назад комсомольцев-старшеклассников 2-й средней школы вызвали в Лужский райком комсомола для зачисления в сформировавшийся молодежный отряд на оборонные работы. Мы прибыли в деревню Поддубье, где встретились с военными. Они рассказали, что наш отряд вместе с ленинградцами будет рыть окопы. Для постоянного руководства работами прикрепили младшего командира, очень требовательного и заботливого. Каждое утро он спрашивал о том, нет ли среди нас больных. Возмущался, когда видел, что мы плохо едим. Помню, в первые дни так сильно уставали, что ни есть, ни пить не котелось.

Но скоро пообвыкли, стали перевыполнять нормы. Повеселели. Володя Ефимов привез гармонь, и по вечерам начались песни, танцы. Молодость брала свое.

Фронт быстро приближался. Над нами несколько раз пролетали фашистские самолеты. Обстреливали из пулеметов. Было очень страшно, но все обошлось благополучно, а у ленинградцев убило двух женщин. 13 июля мы получили распоряжение вернуться в Лугу. Будут ре-

шать нашу дальнейшую судьбу. А чего решать? И так ясно: надо быть там, где больше всего можно принести пользы Родине.

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Район деревни Закибье

Александр Строилов, старший лейтенант, командир роты 329-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии

Ночь показалась душной. Встал, вышел из шалаша. Недалеко шагал часовой — молодой солдат Артемов. Заметил меня, остановился:

— Не спится, товарищ командир?

— Пора, да и комар что-то разъярился...

— К дождю, верно. — Немного помолчал, спросил: — А что это гремит — война или гром?

С запада доносились глухие раскаты артиллерийской канонады. Командир полка накануне предупредил, что противник, по данным разведки, начал наступление на нашем направлении. Сосед, 237-я дивизия, уже столкнулся с его авангардами. Не за горами и наш час. Я решил посмотреть, что же успели сделать по усилению позиций за вчерашний день, благо, начинало светать.

Направился на свой правый фланг. Здесь занял оборону по берегу Мшаги третий взвод лейтенанта Фофанова. Лесная дорожка должна была вывести меня почти в центр взводного опорного пункта. Но вышел к самому берегу реки. Нигде не видно признаков обороны. Слышу — кто-то лес рубит. Пошел на стук топора. Оказалось, бойцы из фофановского взвода бревна заготавливают. Красноармейцы показали, как найти командира.

Лейтенант Фофанов успел побриться, подшить белоснежный подворотничок, надрать сапоги. Обувь, как я заметил, предмет его особого обожания. При всяком удобном случае вынимает бархотку и старательно чистит сапоги. Это, наверное, от курсантской поры осталось. Еще и года нет, как Фофанов окончил военное училище.

Вместе с командиром взвода идем проверять, как оборудованы позиции. «Молодцы! — замечаю про себя, — ячейки полного профиля успели отрыть, а кое-где и перекрытия сделали». Фофанов, словно угадав мои мысли, решил прихвастнуть:

— А мы, товарищ командир, еще и стрелковые карточки успели составить.

Стрелковые карточки — это такие схемки, на которых для удобства управления огнем пулеметов, отделений и стрелков нанесены ориентиры, расстояния до них, указаны прицелы. В мирное время, когда курсантом в училище был, так эти карточки цветными карандашами разукрашивали.

Дошли мы до левого фланга. Командир пулеметного расчета доложил, чем занимаются бойцы. Спустился я в окоп. От свежотрытой земли веяло приятной прохладой. Даю команду: «Ориентир номер один...»

Ничего не получилось у расчета: развернуть пулемет помешал бруствер. Затем решил проверить, как пулеметчики прикрывают огнем стык с соседом. И снова получилась промашка — сектор обстрела закрывала высотка.

Вспомнилось мне, как в боях на Карельском перешейке белофинны каждую «щелку» в нашей обороне использовали, чтобы вклиниться в боевые порядки, пока мы не научились прикрывать стыки двух-трехслойным огнем да действия противника предугадывать. Комбат тогда нам говорил: «На войне к уставам еще и свою голову иметь надо...»

Не хотелось мне огорчать молодого, старательного лейтенанта, да лучше сказать горькую правду сейчас, пока пули не свистят:

— Не подумали, товарищ лейтенант, где противник пойдет, а он пойдет там, где его не ждете, и ваши стрелковые карточки окажутся ни к чему, и окопы полного профиля не помогут. Оборона держится на инженерных укреплениях и системе огня. А огонь у вас хорош лишь на бумаге...

Документальная строка

13 июля 1941 года Ленинградский горком партии вынес решение об изучении военного дела на предприятиях и учреждениях без отрыва от производства.

Занятия по военной подготовке — строевая подготовка, изучение уставов и оружия, тактики одиночного бойца и мелких подразделений — проводились после 11-часового рабочего дня, установленного с 27 июня 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время».

14**ИЮЛЯ****★****ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ
ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Кингисеппское направление. Станция Веймарн. КП 2-й дивизии народного ополчения

Николай Степанович Угрюмов, Герой Советского Союза, полковник, командир дивизии

Решив накануне вопросы, связанные с погрузкой и отправкой эшелонов дивизии со станции Витебская-товарная, я с небольшой группой командиров штаба отправился на машинах в Веймарн. Надо было встретиться с представителями фронта и штаба Лужской оперативной группы, получить боевую задачу.

К исходу 13 июля мы были в Веймарне. Эшелоны с полками опаздывали. Попытки выяснить, что случилось, ни к чему не привели. Ночью к нам прибыли генерал Пядышев и начальник артиллерии Лужской оперативной группы генерал Краснопевцев. От них я узнал, что по каким-то причинам эшелон с 1-м стрелковым полком вышел из Ленинграда не в пятнадцать часов, а значительно позже.

До подхода эшелонов генерал Пядышев поставил задачу. Дивизии предстояло с ходу овладеть селом Среднее, что по дороге на Ивановское, в дальнейшем наступать на село Ивановское и сбросить противника в Лугу.

Изучаю по карте местность. Прикидываю исходя из ее особенностей позиции, рубежи, намечаю задачи артиллеристам, разведчикам, инженеру. Рядом со мной трудятся командиры оперативной группы штаба.

Наша работа заканчивалась, когда эшелон 1-го стрелкового полка подошел к станции Веймарн. Направился встретить ополченцев. В этот момент в воздухе появилась группа фашистских бомбардировщиков. Неужели к станции?

Бомбардировщики развернулись, легли на боевой курс. И началось. Станция в дыму и огне. Мечутся люди. Крики, стоны.

Бомбежка кончилась. Понадобилось время, чтобы ликвидировать ее последствия, оказать помощь раненым, подсчитать потери, собрать подразделения. Нашел ко-

мандира 1-го полка майора Добрякова. Вид его лучше всяких слов говорил о том, что он пережил несколько минут назад. Но Добряков старался взять себя в руки. Выслушав мои указания, он отправился готовить полк к боевым действиям.

Немного позже в Веймарн приехал командующий войсками фронта. Он распорядился усилить дивизию двумя артиллерийскими дивизионами и ротой танков Ленинградских бронетанковых курсов усовершенствования комсостава и лишь после этого начинать наступление.

Село Среднее. 2-й артиллерийский полк 2-й дивизии народного ополчения

Павел Бархатов, политрук, командир батареи

Выгрузившись утром 14 июля на станции Веймарн, мы узнали, что наш 1-й электросиловский полк попал под бомбежку, а теперь получил задачу выступить навстречу противнику и не допустить его в село Среднее.

Полк двинулся против немцев фактически с одними винтовками. Командир дивизиона капитан Леонович приказал развернуть пушки на прямую наводку за станцией и ждать фашистов. А из Среднего бегут люди — местные жители, окопники. Кричат нам: «Чего стоите! Там фашистские танки народ давят, а вы здесь прохлаждаетесь...»

Я не стал убеждать Леоновича и обратился к командиру полка капитану Хачатуряну. Он из кадровых. Капитан сразу же оценил обстановку и распорядился: — Берите машины — и в Среднее!

Не доехав до села, я оставил орудия и с разведчиком красноармейцем Плоским отправился вперед. Надо было узнать что и как. Командир батальона 1-го полка искренне обрадовался, когда я сообщил ему, что батарея прибыла сопровождать ополченцев «огнем и колесами». Батальон уже втянулся в бой с противником, и наша помощь была весьма кстати.

Бол. Сабск. КП ЛПУ имени С. М. Кирова

Константин Равин, майор, начальник инженерной службы училища

Утром получили донесение от разведотряда Дашкевича: мотопехота и танки противника заняли Осьмино и дви-

жуются на Сабск. Начальник училища приказал мне проверить готовность мостов к взрыву. Как только боевое охранение отойдет с левого берега, взорвать их.

Я немедленно отправился к мосту через Лугу. Его охраняли курсанты команды подрывников. Мы еще раз проверили наличие зарядов, капсюлей, подвели бикфордовы шнуры.

По профилю подготовки я мостовик. В свое время построил немало мостов. Подрывать же их приходилось впервые.

К вечеру мы услышали выстрелы, гул моторов. Затем на противоположном берегу увидели боевое охранение. Бойцы шли усталые. У одного курсанта рука на перевязи.

— Как там, ребята? — спрашивают их подрывники.

— Скоро узнаете. Мост не провороньте! — отвечает им курсант — командир отделения.

Взвод прошел по мосту. Я подождаю еще несколько минут, потом дал команду взрывать. В облаке дыма и пыли гибнет мост. Тихая Луга уносит его останки.

Бол. Сабск. Район обороны 1-го батальона ЛПУ имени С. М. Кирова

Александр Девятков, лейтенант, командир взвода

Наш взводный опорный пункт находился почти у моста через Лугу.

Немцы вышли к противоположному берегу, когда моста уже не было. Они открыли сильный артиллерийский и минометный огонь по нашему берегу. Били по окопам, по деревне. Горели избы. Под прикрытием артогня начали переправу на надувных лодках.

Сколько их было, мы не считали. Как только лодки достигли середины реки, мы открыли плотный ружейно-пулеметный огонь. Помогли нам и артиллеристы. Противник еще несколько раз и в разных местах пробовал форсировать реку, но мы не позволили ему сделать это. Всю ночь он вел обстрел деревни. Всю ночь в Сабске горели дома. Вода в Луге была кроваво-багряной.

Я обошел окопы, поговорил с каждым курсантом. Настроение у ребят боевое. Почти каждый интересовался, будем ли контратаковать противника. Я и сам ждал такого приказа.

К полуночи подвезли ужин. Холодная каша с мясом была необычайно вкусна. После ужина разрешил подчи-

ненным по очереди отдыхать, не ослабляя наблюдения за противником.

Лужское направление. Деревня Городец. НП артиллерийской группы 117-й стрелковой дивизии.

Георгий Федотович Одинцов, полковник, командир полка АККУКС

Накануне в состав Лужской оперативной группы вошел 41-й стрелковый корпус под командованием генерала А. Н. Астанина. В тяжелых боях под Островом и Псковом его дивизии 111-я, 90-я и 235-я понесли большие потери в людях и технике. И все же это было существенное подкрепление на нашем направлении.

Пополнилась и наша сводная артиллерийская группа. В ее состав влились два дивизиона 51-го корпусного артиллерийского полка. Привел их из-под Пскова капитан С. П. Горобец. Прибыл обещанный генералом Свиридовым дивизион из 28-го корпусного артиллерийского полка. Теперь наша группа имела около 90 стволов среднего и крупного калибра.

Знакомство с прибывшими артиллеристами оставило приятное впечатление. Командиры и бойцы хорошо подготовлены, материальная часть в порядке. По указанию начальника артиллерии Лужской оперативной группы генерала Краснопевцева мы подключили дивизионы к боевой работе. Появилась возможность не только надежно поддерживать огнем нашу пехоту, бороться с вражескими танками, но и вести контрбатареиную борьбу, наносить массированные удары по скоплениям войск врага в его ближайшем тылу.

Деревня Рютень. КП опергруппы штаба 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

Вместе с комдивом разбирались в причинах отхода батальонов 483-го полка со своих позиций. Здесь же присутствовали артиллерийские начальники — полковники Фомин и Одинцов, заместитель командира 24-й танковой дивизии полковник Родин. Мнение единое: будь твердое, четкое управление, батальоны сумели бы удержаться. Узким местом оказалось взаимодействие.

Я заверил Алексея Григорьевича Родина, что штаб

учет справедливые претензии танкистов, и решил не откладывая поехать в 483-й полк. По дороге меня перехватил оперативный дежурный:

— Товарищ подполковник, вас срочно требует командир дивизии!

Что-то случилось. Машошин зря не любил дергать своих помощников.

— Садись! — Комдив резким движением подвинул ко мне рабочую карту, а сам продолжал говорить по телефону. На карте его рукой были нанесены синим карандашом жирные стрелы. Острие одной уперлось в село Ивановское, другая целилась на Шимск — Новгород.

— Начальник штаба группы «порадовал»: немцы в районе Ивановского плацдарм на Луге захватили. Чувствуешь, чем это пахнет?

Я еще раз внимательно оценил обстановку. Противник явно намерен совершить глубокий обход нашей группировки под Лугой. Но чем это вызвано? Не мог же он отказаться от наступления на нашем направлении, кратчайшем на Ленинград? Загадка.

— Надо остановить подльца, — резюмировал Машошин. — Так и передай Харитонову: любым путем пусть восстановит положение.

Когда я приехал в полк, там уже находился полковник А. Г. Родин. Он представил мне командира 3-го мотострелкового полка, который готовился наступать правее 1-го батальона, вдоль железной дороги в направлении станции Плюсса. Что ж, такому подкреплению рады. В оставшееся время мы еще раз проверили готовность батальонов к наступлению, уточнили с артиллеристами и танкистами вопросы взаимодействия.

До начала атаки остаются минуты. Смотрим на часы. Кто прикуривает одну папироску от другой, кто сосредоточенно вглядывается вдаль. Волнение скрыть трудно. И вот сигнал. Пять артиллерийских дивизионов обрушили на боевые порядки противника шквал огня. Затем пошли танки, поднялась пехота.

Поначалу бой уходил все дальше и дальше. Распался на отдельные очаги, замирал, вновь вспыхивал. Противник сопротивлялся слабо. Казалось, еще немного, еще рывок — и 1-й батальон выйдет к берегу реки Плюсы. Но немцы словно опомнились и со стороны станции бросили в контратаку автоматчиков и несколько танков. Характер боя изменился.

Прозевай Шелович этот момент — и пришлось бы начинать все сначала. Помогли 1-му батальону соседи — мотострелки 3-го полка, наступавшие справа, и 3-й батальон, который к этому времени овладел населенным пунктом Любинское.

Вечером я отправил в штаб Лужской оперативной группы донесение, в котором сообщил, что батальоны восстановили утраченные позиции и овладели северным берегом реки Плюссы. В том бою 483-й полк разгромил два батальона пехоты противника.

Деревня Крупели. 24-я танковая дивизия

Николай Рыбаков, капитан, командир танкового батальона

Командира полка и меня накануне вызвал заместитель командира дивизии полковник А. Г. Родин. Он приказал получить полный комплект боеприпасов, полностью заправить машины и на каждого бойца иметь трехсуточный сухой паек.

Вопросов у нас не было: вступаем в бой. Двинулись по шоссе на Плюссу. За деревней Раковичи нас обстреляли из пулеметов два фашистских истребителя. Конечно, вреда не причинили, но люки пришлось закрыть.

Вечером сосредоточились в лесу неподалеку от Городца. К нам приехали полковник Родин и подполковник, командир пехотного полка. Решено одну роту направить на Ширеги, другую, старшего лейтенанта Фридляндского, на Лямцево. Подполковник дал нам для прикрытия по стрелковой роте на каждую танковую.

С первыми лучами солнца пошли в атаку. Я с ротой Фридляндского. Для старшего лейтенанта это первый бой. И не только для него. Начало сложилось не в нашу пользу. Необстрелянные танкисты торопятся, стреляют с ходу, мажут. Немцы спокойно выкатили две противотанковые пушки и сразу же подбили наш танк. И все же через час-полтора мы вместе с пехотинцами выбили фашистов из Лямцево. Здесь нас встретил полковник Родин. Он рассказал, как наступает первая рота. В деревне Крени рота столкнулась с танками противника. Маневрировать некогда. Противник дрогнул и начал отходить. Рота пробилась на Ширеги, где и закрепилась.

Вскоре батальону подвезли горячее и боеприпасы. И мы пошли снова вперед. По пути раздавили фашистскую легковую машину, отбили три противотанковые пушки

и вышли к Плюссе. Нажали еще и выбили противника из Плюссы. Здесь захватили два противотанковых орудия, рацию, много разного имущества. У нас потери небольшие: несколько человек ранено и три машины подбито.

**Северо-Западный фронт. 11-я армия. Деревня Взъезд.
КП 70-й стрелковой дивизии**

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии

Преодолев сопротивление наших войск под Псковом и Порховом, противник направил одну из своих группировок на Новгород. Его передовые отряды вошли в соприкосновение с боевым охранением 237-й стрелковой дивизии, оборонявшейся на уторгошском направлении. Гитлеровцам удалось захватить город Сольцы, в районе которого предполагалось создать предполье оборонительной полосы нашей дивизии.

Противник рвался вперед, невзирая на открытые фланги и растянутость коммуникаций. Его усилия были направлены на то, чтобы быстрее выйти на оперативный простор — за Новгород.

Два дня назад нас, командиров и начальников штабов, вызвал командарм 11-й армии. Сразу предупредил:

— Карты не понадобятся. Запоминайте. По приказу маршала К. Е. Ворошилова нашей армии предстоит остановить и разгромить наступающего на Новгород противника. Для этого армия ударами по сходящимся направлениям окружает и уничтожает прорвавшегося врага. Справа, в направлении на Болоцк, наступает 237-я дивизия; в центре — на Сольцы — 70-я, имея задачу в дальнейшем выйти в район Бараново; с юга, в направлении на Ситню, действует 183-я дивизия. В состав ударной группировки входит 21-я танковая дивизия 10-го мехкорпуса.

Полки между тем продолжали совершенствоваться оборону. До поры до времени план предстоящих действий сохраняли в тайне.

Документальная строка

Главнокомандование Северо-Западного направления издало приказ № 3 от 14.7.41 г., в котором говорилось: «Товарищи красноармейцы, командиры и политработники! Над городом Ленина — колыбелью пролетарской ре-

волюции — нависла прямая опасность вторжения врага... Всеми мерами борьбы приостановить дальнейшее вторжение врага на нашу территорию... Наша земля должна стать могилой гитлеровскому фашизму».

Приказ подписали К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов.

15 ИЮЛЯ

★
**ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Кингисеппское направление. Станция Веймарн. КП 2-й дивизии народного ополчения

Маркиан Михайлович Попов, генерал-лейтенант, командующий войсками фронта

Вторые сутки находимся у Угрюмова. Обстановка продолжает оставаться крайне напряженной. Разведчикам удалось захватить пленного из штаба 41-го корпуса Рейнгардта. По документам и картам окончательно установили, что на наше правое крыло противник двинул 1-ю и 6-ю танковые дивизии, а на Нарву продолжает двигаться 36-я моторизованная.

Ночью звонил начальник разведотдела фронта П. П. Евстигнеев. Он информировал о событиях у нашего соседа генерала Собенникова. 11-я армия Северо-Западного фронта начала наступление под Сольцами. Думаю, что боевые действия на новгородском направлении привлекут внимание фельдмаршала Лееба, заставят его не рисковать. У него набирается немало горячих точек: в Эстонии активно обороняется наша 8-я армия, под Лугой — 177-я дивизия Машошина. И вот Сольцы!

Как пойдут дела здесь, на Ивановском и Сабском плацдармах? Успеем ли создать достаточно сильный заслон танкам Гепнера? Главное — усилить оборону в противотанковом отношении, подтянуть артиллерию и 1-ю танковую дивизию.

Пока же придется опираться на ополченцев. Понимаю, как трудно Угрюмову. За год от комбата до командира дивизии выдвинулся. Вчера его первый бой закончился неудачно. Задача не выполнена. Мы наблюдали тот бой. Картина удручающая. После короткой, но сильной артиллерийской подготовки танки пошли впе-

ред. Пехота поднялась и двинулась за ними, но, попав под сильный пулеметный и автоматный огонь противника, залегла. После повторных вызовов артогня командирам удавалось еще несколько раз поднимать стрелков в атаку, но эти атаки успеха не имели. Понеся потери, ополченцы отошли. Приказал командиру дивизии перейти к обороне, а начиншу фронта Бычевскому, находившемуся со мной, отдал распоряжение плотнее прикрыть этот участок минами и установить заграждения.

Село Среднее. КП 1-го стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения

Николай Степанович Угрюмов, Герой Советского Союза, полковник, командир дивизии

Получив указания командующего войсками фронта, я немедленно выехал в полк. Удалось собрать ополченцев в лесу недалеко от Среднего. Взамен выбывшего Добрякова командиром полка назначил майора Соколова, кадрового военного.

Пока мы занимались с командиром полка, в Среднее прибыл главнокомандующий Северо-Западного направления К. Е. Ворошилов с группой командиров и отрядом пограничников. Я представился маршалу, доложил обстановку. Не дослушав меня до конца, Ворошилов, показав на столпившихся недалеко от нас бойцов, спросил:

— Это что за сборище?

Я ответил, что это бойцы роты, которая отошла из Ивановского.

— Идем, полковник. Хочу поговорить с этими войсками.

Ворошилов и сопровождавшие его командиры направились к строю. Кто-то из командиров-ополченцев пытался доложить маршалу, но стушевался. Ворошилов поморщился, махнул рукой и подошел к бойцам. Внимательным, изучающим взглядом осмотрел их. Заметив, что у одного из солдат нет оружия, главнокомандующий спросил:

— Где винтовка, товарищ боец?

Я не расслышал ответа. Виновник что-то невнятно проговорил и густо покраснел.

— Даю пять минут, чтобы нашел винтовку. Иначе под трибунал. Понял?

Боец бросился выполнять приказание. Маршал продолжал осматривать строй. Затем он остановился. Все ждали, что скажет Ворошилов.

— Тот, кто бежит с поля боя, бросает оружие,— изменник и предатель! Мы будем беспощадны к таким! Вы добровольцы, Красная гвардия города Ленина. И воевать должны как красногвардейцы. А надо будет, и мы пойдем. Я сам поведу вас в атаку!..

Последние слова маршала были встречены криками «ура!».

Прибытие в дивизию, в самое пекло главнокомандующего Северо-Западного направления свидетельствовало о том, какое значение придавалось ликвидации Ивановского плацдарма противника. Уезжая, К. Е. Ворошилов еще раз приказал во что бы то ни стало взять Ивановское.

Приведя в порядок подразделения, во второй половине дня мы вновь попытались штурмовать Ивановский плацдарм. Бойцы сражались храбро. В передовых цепях находились коммунисты, политработники полка. Но и эти наши атаки не принесли успеха. Противник прикрыл плацдарм сильным артиллерийским и минометным огнем, с флангов контратаковали его автоматчики.

Ополченцы несли потери. Погибли многие командиры. Геройски пали на поле боя комиссар полка А. С. Константинов, парторг В. Наумов, комсорг Михаил Корсымов. К вечеру мы вынуждены были прекратить атаки и перейти к обороне.

В течение 15 июля подходили последние эшелоны дивизии. Выгрузился дивизион гаубичного полка. Мы начали подготовку к новым боям: все хорошо понимали, что противник будет расширять плацдарм.

Деревня Извоз. КП ЛПУ имени С. М. Кирова

Яков Васильевич Завалишин, батальонный комиссар, начальник отдела политпропаганды училища

В Сабске пожары продолжались всю ночь. Было смрадно и душно. Искры долетали до наших окопов. Рассчитывая, что теперь кировцы покинули свои рубежи, противник вновь попытался захватить плацдарм. Дружным огнем курсанты отбили очередную атаку врага.

И вот снова шквальный артиллерийско-минометный огонь по всему нашему переднему краю. Под его прикрытием новая фашистская атака. На этот раз немцам удалось зацепиться за правый берег Луги. Под давлением превосходящих сил противника вторая рота отошла на новый рубеж. Для восстановления положения на помощь

ей была брошена третья рота старшего лейтенанта Румянцева.

Курсанты яростно контратаковали гитлеровцев. Началась рукопашная. Вот здесь кировцы и показали свою удаль и выучку. Действуя штыками и гранатами, они заставили гитлеровцев бежать к реке. Спасая свои шкуры, солдаты фюрера бросались в воду, а вслед им неслись победные крики и свист наших ребят.

Но торжествовать победу было еще рано. Противник ввел в бой резервы, переправил через реку несколько танков и под прикрытием артиллерийско-минометного огня атаковал наши позиции. В критический момент тяжело ранило командира роты Румянцева. Возглавил подразделение молодой коммунист курсант Гончаров. На фланге замолчал станковый пулемет, а без него трудно отражать врага. К «максиму» бросился батальонный комиссар Баранов. Пулемет ожил. Длинные очереди косили фашистов до тех пор, пока осколок мины не сразил героя политработника.

Понеся потери, роты 1-го батальона вынуждены были отойти и закрепиться на новых позициях.

Лужское направление. Южная окраина города Луги. Лангина гора. Штаб 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

Противник во что бы то ни стало хотел преодолеть главную полосу нашей обороны, для чего создал превосходство в танках и артиллерии, бросал на наши боевые порядки эскадрильи пикирующих бомбардировщиков. В результате неприятелю удалось потеснить подразделения 483-го стрелкового полка.

Машошин приказал разобраться в причинах отхода подразделений. Я послал в полк майора Ф. И. Андреева, начальника оперативного отделения штаба дивизии. Командир знающий и принципиальный, он мог объективно проанализировать случившееся.

Федор Изотович рассказал потом, что в сложившейся ситуации командиры батальонов и подполковник Харитонов прилагали все усилия, чтобы удержать позиции, но сил и средств явно не хватало. В ротах потери личного состава до двадцати процентов. Артиллерия не смогла отразить массированный удар танков противни-

ка, они ворвались в наши боевые порядки, и это решило судьбу боя.

Результаты проверки я доложил Машошину. Андрей Федорович хмурился, но слушал меня спокойно. Лишь иногда вставлял крепкое словцо.

— Все, начальник штаба? — спросил он.

— Все. Что ж еще?

— Конечно, надо бы наказать, под трибунал отдать, но победителей не судят! Не понял? — заметив мой недоуменный взгляд, сказал комдив. — Смотри! За пять дней фашисты продвинулись на четыре-пять километров. Чуешь, какой темп? Не тот, что две недели назад. Молодец Харитонов! Своим полком почти дивизию сковал. Так и укажи в донесении. Нет, я сам доложу командующему!

А в донесении мы сообщили так: «15.7.41 г. противник, подтянув свежие силы, вновь перешел в наступление. Потеснил 1/483 с 3 мсп на рубеж Лямцево, Крошево; 3/483 — на рубеж Городище — Заполье...»

И снова мы производили перегруппировку, подтягивали артиллерию, готовили новые контратаки. Дорогой ценой платил враг за каждый километр продвижения по нашей земле.

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Лес юго-западнее деревни Любач. КП 70-й стрелковой дивизии

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии

Дивизия продолжает развивать наступление. По лесам и болотам. А леса на Новгородчине похлеще карельских. Есть такие места, что за час километр-два еле одолеешь. Мы не случайно выбрали медвежьи тропы. Ведь гитлеровцы привыкли наступать по европейским автомагистралям, на больших скоростях, не вылезая из автомашин. Вот комдив и решил действовать по суворовскому принципу: «Где олень не пройдет, там русский солдат пройдет».

В центре, на направлении главного удара, наступает 68-й полк Героя Советского Союза капитана Анатолия Краснова. Молодой командир полка. Еще год назад был комбатом. Смелыми и решительными действиями, инициативой отличился на финской и заслуженно удостоен звания Героя. И в эти дни действует толково и напористо.

Начальник штаба полка капитан Фадеев в донесении сообщил, что командир решил изменить направление главного удара и обойти Сольцы с северо-запада. В 6.00 батальоны заняли исходные позиции для атаки. На правом фланге — 1-й батальон Кобзаря, в центре — батальон старшего лейтенанта Кудряшева. Комбат по характеру такой же, как и командир полка: любит находиться в самых горячих точках и не теряется в сложных ситуациях. Слева, в направлении Авиагородка, действует 3-й батальон степенного и рассудительного капитана Зеленина.

Краснов просит нажать на артиллеристов и танкистов из 21-й танковой дивизии, чтобы они не опоздали к началу атаки. Командир дивизии генерал Федюнин выслушал меня, еще раз прочел донесение и недовольно заметил:

— А не слишком ли торопится Краснов? Хотя и говорят, что смелость города берет, только, я думаю, пусть поближе подойдет 252-й. Уточните, где сейчас находится полк.

Донесение Краснова заставило задуматься. Конечно, заманчиво неожиданно ворваться в Сольцы. А вдруг не хватит сил? Дивизионная разведка сообщила, что в Сольцах небольшой гарнизон и, по-видимому, тыловые подразделения противника. А вот артиллерийские разведчики насчитали в районе аэродрома до сорока вражеских танков. Это сила немалая.

Командир дивизии решил поехать к Краснову и на месте разобраться в обстановке, а мне дал указание готовить командный пункт к перемещению в район Пирогово.

С большим трудом удастся связаться по радио с начальником штаба 252-го стрелкового полка капитаном Мустафиным. Переговоры идут медленно. Система кодирования оказалась довольно сложной, а шифровальщик в полку недостаточно опытным. Как хорошо бы иметь проводную связь! Удастся выяснить, что полк при поддержке двух артиллерийских дивизионов разгромил до батальона мотопехоты противника и развивает наступление вдоль шоссе Шимск — Сольцы.

— Крепко помогла авиация, — сообщил Мустафин. — Наши самолеты появились внезапно. Всего не более эскадрильи. Они атаковали автоколонну противника. У врага началась паника. Этим воспользовались наши пехотинцы.

Около одиннадцати часов начальник связи доложил, что с новым командным пунктом связь установлена. Оперативное отделение, разведка, связисты, шифровальщики и оперативная группа политотдела тронулись вперед.

Новый командный пункт хорошо укрыт в лесу. Когда мы прибыли туда, бойцы уже успели раскинуть несколько палаток, построить шалаши и отрыть щели. Связь работала отлично, и я немедленно связался с командивом.

Андрей Егорович сообщил, что полк Краснова ведет бой на окраине Сольцов. «Убедил, видно, капитан генерала», — подумал я. Противник оказывает слабое сопротивление, еще не может опомниться от внезапного удара.

Первой в город ворвалась рота лейтенанта А. Лукичева. Помню этого командира. Он пришел в дивизию после финской. Недолго командовал взводом и перед войной получил роту.

Хорошо воюют артиллеристы майора Подлуцкого. Сержант Ягодин прямой наводкой с первого выстрела подбил танк противника. Огнем и колесами поддерживает наступление пехотинцев батарея лейтенанта Николая Хованова. На аэродроме батарейцы уничтожили около десятка танков. Как оказалось, противник использовал летное поле в качестве базы для заправки и мелкого ремонта танков. Батарейцы расстреливали их, как мишени на полигоне.

В конце нашего разговора генерал распорядился выдвинуть вперед наш резерв — батальон капитана Щеновского из 329-го полка. Полк прикрывает правый фланг дивизии на стыке с 237-й, которая, не встретив противника, ушла в направлении на Б. Звады — Болоцк.

Вечером готовил донесение в штаб армии. Итоги боевого дня весьма утешительные. 68-й и 252-й стрелковые полки очищают Сольцы от противника. Артиллерийским огнем и гранатами подбито и уничтожено 15 танков и 20 автомашин. Захвачены пленный и документы, по которым установлено, что имеем дело с 8-й танковой дивизией гитлеровцев. Она должна была захватить Новгород.

Продолжаем подсчитывать трофеи. Один трофей весьма любопытен. Наши бойцы в разбитом немецком автобусе обнаружили мешок советских денег. Как полагается в таких случаях, составили акт и под специальной охраной отправили деньги в штаб армии.

Документальная строка

Из сообщения Совинформбюро за 15 июля: «На псковско-порховском направлении с утра в ходе боев наши войска окружили группу мотомехчастей противника и уничтожали ее по частям, захватив значительное количество танков, машин и разного рода оружия. Остатки противника отбрасываются на запад».

Из письма командира 237-й стрелковой дивизии полковника В. Я. Тишинского семье: «Дорогие дети! Все это время был в горячей работе. Сегодня наконец сложили сволочей, и они бегут. Со мной все благополучно. Сегодня я назначен командиром стрелковой дивизии и сейчас иду снова в работу...»

16 ИЮЛЯ ★ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Штаб Северного фронта

Борис Владимирович Бычевский, подполковник, начальник Инженерного управления фронта

После трех суток напряженной работы в зоне боев и неоднократных разъездов между Кингисеппом и Лугой я вернулся в штаб фронта. Здесь только и разговоров что о контрударе под Сольцами войск Северо-Западного фронта.

Зашел к начальнику штаба фронта. Обычно сдержанный, Дмитрий Никитич был в радостном возбуждении:

— Слышал, как развернулись дела у соседа? Я уже звонил Ватутину. Поздравил. Эх, черт возьми, нам бы сейчас в самый раз ударить левым флангом! К сожалению, у нас на левом крыле пока потрепанная в боях под Псковом 235-я стрелковая дивизия и 1-я дивизия народного ополчения. Явно не те силы. Но я верю, настанет и другое время. Ватутин сказал, — продолжал Никитшев, — что Ставка довольна действиями под Сольцами. И я, конечно, не упустил случая напомнить ему, чьи дивизии принесли фронту успех. Вы, Борис Владимирович, были под Кингисеппом. Как там дела?

— Держатся. Хотя потери немалые. Авиация и артиллерия противника свирепствуют.

Никишев прошелся по кабинету.

— Да, трудно. Но будет еще труднее. Так что готовьтесь...

Из штаба я отправился в Смольный к Алексею Александровичу Кузнецову: необходимо было решить вопрос о замене под Кингисеппом личного состава строительных отрядов, в которых большинство были женщины-ленинградки, на людей, предназначенных для оборонных работ, и доложить о кризисе со взрывчаткой. Может быть, городские организации смогут помочь.

Алексей Александрович быстро принял меня и оперативно решил вопросы. Надо сказать, что как товарищ А. А. Жданов, так и А. А. Кузнецов нам ни в чем не отказывали. Все понимали, что на Лужском рубеже решается судьба Ленинграда.

Кингисеппское направление. Бол. Сабск. КП батальона ЛПУ имени С. М. Кирова

Александр Синев, старший политрук, военком батальона

Бои в Сабске продолжались и 16 июля. Выгодные рубежи переходили из рук в руки по несколько раз. Около одиннадцати часов дня мы вновь пошли в контратаку. Начальник училища усилил наш батальон десятой ротой, поддержал артогнем. Противник не выдержал удара курсантов и отошел за Лугу. Но через некоторое время на наших позициях начался настоящий ад. Гитлеровцы били из орудий и минометов всех калибров. На курсантские окопы пикировали немецкие бомбардировщики. И мы вынуждены были оставить северный берег Луги.

Полсуток не прекращалась схватка. На курсантов страшно глядеть: потные, уставшие, в пыли. Про еду забыли, да и вряд ли кому хотелось есть. Мучила жажда.

К полуночи напряжение боя спало. На КП батальона пришли командиры рот. Подводим итоги, делимся впечатлениями. Товарищи критикуют интендантов: не думают, как обеспечивать людей водой и пищей в бою. Плохо с эвакуацией раненых. Лейтенант Каретников с тяжелым ранением пролежал в окопе около трех часов.

Рассказывают об отличившихся в бою. Курсант Федоров гранатами и огнем из винтовки уничтожил до десятка фашистов. Два дня назад мы принимали его в партию. Биография — несколько слов: учился, работал, вступил в комсомол. На вопрос об обязанностях комму-

ниста Федоров ответил: «Бить фашистов, не щадя своей жизни».

Курсант Савченко воевал на финской. В бою спас жизнь лейтенанту Каретникову: метким выстрелом уложил немецкого унтер-офицера, который целился в лейтенанта. Ротные единодушно хвалят минометчиков: плотным и метким огнем они рассеяли группу противника до тридцати человек, прорвавшуюся в наш тыл у колхозного двора.

Район Кингисеппа. Штаб 235-го отдельного разведывательного батальона 191-й стрелковой дивизии

Илья Орлов, старший лейтенант, начальник штаба

Мы почти непрерывно вели разведку. Высылали разведгруппы на машинах и пешим порядком. В разные направления, на десять, пятнадцать, а то и двадцать километров. Дороги на Ленинград прямые. Прозеваем противника — дело может обернуться непоправимой бедой.

Левый фланг, когда там заняли позиции ополченцы, меньше стал беспокоить. А вот за шоссе на Гдов опасались. Отходившая с боями 118-я стрелковая дивизия тянула за собой противника.

Однако опасность пришла все же с левого фланга, со стороны Ивановского, после того как противник захватил плацдарм на Луге. Враг подтянул свежие силы, и полк майора В. П. Якутовича не выдержал натиска.

Чтобы восстановить положение, командир дивизии послал Якутовичу свой резерв. От нас взял роту бронемашин. В ночь на 16 июля мы отправили броневички. Я наказал командиру роты младшему лейтенанту Коркину (он перед войной прибыл к нам с курсов) действовать осмотрительно, под прикрытием пехоты и артиллерии.

Днем от Коркина известий не поступало. Судя по артиллерийской канонаде, у Якутовича было горячо. Поздно вечером Коркин вернулся в батальон. Прежнего подтянутого младшего лейтенанта было не узнать: какой-то надломленный, растерянный. Спрашиваю его:

— Что случилось, товарищ младший лейтенант?

— Роту сожгли... То есть машины...

Коркин немного пришел в себя, стал рассказывать, как прошел первый бой в его жизни. Командир батальона решил использовать броневички как танки, впереди пехоты. Коркин пытался возражать, но комбат пригро-

зил ему оружием. Стрелковые роты, прижатые пулеметным огнем противника, залегли, и машины оказались без прикрытия. Гитлеровцы открыли по ним огонь из противотанковых пушек. Маневрировать по воронкам и ямам, среди кустарника колесные машины, естественно, не могли и горели как свечи. Лишь один экипаж сержанта Хрусталева сумел вывести машину из боя.

Жалко, конечно, машины, но еще больше жаль людей. Почти все экипажи погибли. А какие ребята были...

Деревня Юрки. Штаб 3-го батальона 2-го стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения

Степан Бардин, старший политрук, военком батальона

В деревне Забелье ополченцы сбили заслон вражеских автоматчиков и начали обтекать Юрки с двух сторон. Гитлеровцы сообразили, какими неприятностями грозит для них маневр ополченцев, и открыли огонь. На какое-то время наше движение замедлилось. Но подошли 3-й стрелковый полк дивизии и артиллерийский дивизион, и мы снова устремились вперед.

Рота Тамаркина вихрем влетела в Юрки. За ней восьмая рота. Прошло максимум полчаса, и Юрки были очищены от гитлеровцев. Но противник не хотел мириться с потерей важного рубежа. У околицы появились вражеские автоматчики. Их поддерживали танки. Ополченцы, не ожидавшие такой быстрой контратаки, замесались в поисках укрытий. Признаться, и мы с комбатом тоже растерялись. А гитлеровцы продолжали наседать, хотя огонь наших бойцов и замедлял их движение.

Командир батареи Лаповский ударил по танкам. Да так удачно, что первыми же выстрелами подбил два из них. Остальные повернули назад. Сразу же ослаб огонь автоматчиков. Рота Тамаркина ринулась в атаку.

Получив отпор от добровольцев Московской заставы, фашисты оставили деревни Забелье, Юрки, Малые Пелешы — важные опорные пункты на восточном берегу Луги. Но продолжали удерживать Ивановское.

Лужское направление. Деревня Толково. КП 111-й стрелковой дивизии

Сергей Васильевич Рогинский, подполковник, командир дивизии

В этот день меня вызвали в штаб 41-го стрелкового корпуса, который находился в лесу недалеко от деревни

Жельцы. Генерал Астанин сообщил, что вывод частей и соединений корпуса на Лужский рубеж необходимо завершить к исходу 16 июля, рубежи обороны занять в соответствии с решением командующего Лужской оперативной группой. Потом заинтересовался состоянием дивизии. Я доложил, что на 16 июля она имеет около половины штатного состава. Из окружения вышли все командиры полков со своими штабами. Судьба бывшего комдива И. М. Иванова пока неясна. Говорят, что он погиб у села Мараморки, недалеко от Пскова.

— Жаль человека,— тихо проговорил Андрей Никитович. Оживился и спросил:— А как дела с артиллерией? Сколько стволов осталось?

— Десять!

— Точно? — Комкор даже поднялся с места. — Это ж вам артполк теперь подавай! У Краснопевцева ни черта нет. Доложу Свиридову, пусть решает.

Затем генерал Астанин по карте определил рубеж обороны дивизии и наметил передний край. Справа — совхоз Муравейно, слева — деревня Лесково. Я прикинул ширину фронта — не менее тридцати километров.

— Многовато, товарищ генерал!

— Ты оцени местность, используй ее грамотно. Здесь овраги, болота, речки — гитлеровцы не полезут. Детали уточни в штабе.

Приказ есть приказ. Несколько успокоил меня начальник штаба корпуса полковник Вербицкий. Он сказал, что есть распоряжение командующего фронтом в кратчайший срок пополнить дивизию личным составом и материальной частью. А начальник тыла корпуса полковник Юдин попросил, чтобы мы представили заявки на недостающее имущество.

Формально командир корпуса еще не являлся командующим лужским участком обороны, но фактически он уже возглавлял группировку на этом важнейшем операционном направлении.

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Северная окраина города Сольцы. НП 68-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии

Анатолий Краснов, Герой Советского Союза, капитан, командир полка

После полуночи вернулась полковая разведка. Начальник штаба капитан Фадеев доложил, что в районе клад-

бища противник сосредоточивает танки. Уже подтянули около восьмидесяти. Сообщил новость генералу Федюнину. Комдив ответил:

— Используй всю артиллерию: дивизионы 221-го артполка, батареи отдельного противотанкового дивизиона и свою, полковую. И главное — без паники!

С командирами-артиллеристами стали подсчитывать возможности. Набрали примерно пятьдесят стволов. На каждое орудие полтора фашистских танка. Неплохо!

Всю ночь артиллеристы оборудовали огневые позиции, подвозили снаряды. На рассвете гитлеровцы бросили в атаку первый эшелон танков. Их встретил огонь противотанковых пушек. Потеряв несколько машин, гитлеровцы решили пойти в обход. И снова попали под огонь пушек. Артиллеристы полковника Чижика подпускали фашистские танки метров на триста — четыреста и били в упор. И эта вражеская атака была отражена.

Гитлеровцы предприняли новую. Но теперь они послали вперед автоматчиков, чтобы расчистить дорогу танкистам. Мы предвидели такой вариант действий и успели отвести почти все орудия на запасные позиции, а вперед выдвинули стрелковые роты. Отдельным танкам врага удалось вклиниться в боевые порядки батальонов. Их уничтожали бутылками с горючей смесью.

В тот день весь полк узнал о подвиге бойца Семейкина. На его окоп мчался гитлеровский танк. Семейкин не дрогнул. Как только танк проскочил рядом с окопом, Семейкин швырнул в него бутылку с горючей смесью. Объятый пламенем танк остановился. Из него стали выскакивать гитлеровцы, но тут же попадали под пули наших бойцов.

Несколько атак противника отбил в тот день наш полк. Отличившихся, пожалуй, и не перечесть. Батарейцы лейтенанта Николая Хованова врукопашную схватились с фашистами, прорвавшимися на огневые позиции. Красноармеец Коровин придушил гитлеровца руками. Мужественно сражался с врагом комбат старший лейтенант Кудряшев.

Немало бойцов и командиров пали на поле боя в Сольцах. И среди них — любимец полка, отсекар бюро ВЛКСМ младший политрук Петр Гусев. Вместе с бойцами роты Лукичева он одним из первых ворвался в город и своим примером увлек остальных.

Отважно воевал и наш комиссар старший политрук Александр Оньков. Он почти все время находился в

батальонах, там, где решался успех дела. Я сказал ему:

— Александр Георгиевич, ты же комиссар полка. Надо ли так рисковать?

Он ответил вопросом:

— Анатолий Андреевич, а ты что, по-другому роль коммуниста в бою представляешь?

Больше мы на эту тему не говорили. Командирам подразделений я приказал, чтобы берегли комиссара.

Лес восточнее деревни Городище. ПМП 835-го стрелкового полка 237-й стрелковой дивизии

Федор Езерский, красноармеец, санинструктор

Наш полковой медпункт размещался недалеко от штаба полка. Развернули одну палатку-перевязочную и открыли несколько щелей на случай бомбежки. На большее не было сил и времени. Без конца поступали раненые. Рассказывали разное. А мысль одна: дали фашистам прикурить. Если бы побольше артиллерии да танков, то гнали бы до самой границы.

Из 1-го батальона санитары принесли тяжело раненного пулеметчика. Раздроблена кисть правой руки. Парень рассказывал, как дрался с фашистами:

— Покосил я их немало. Потом чувствую, что спусковой крючок не могу нажать, рука не слушается. Посмотрел, а у меня не рука, а кровавая каша. Меня даже сперва замутило. Но тут немец опять попер. Перебросил я приклад «дегтяря» к левому плечу и стал давать с левой. А дальше не помню. Фашисты словно куда-то провалились, стало тихо. Очнулся, когда меня на шинельке два санитары тащили. Волоком. Аж чертики в глазах прыгали...

Иногда к нам попадали раненые из соседних полков. Они тоже говорили об успешном наступлении.

Документальная строка

Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии». В соответствии с Указом во всех полках, дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях РККА учрежден институт военных комиссаров, а в ротах, батареях и эскадронах — институт политических руководителей. Управления и отделы полити-

ческой пропаганды реорганизованы в политические управления и политические отделы.

Указ о введении института военных комиссаров был встречен в армии с большим подъемом.

17 ИЮЛЯ

★
ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ
ДЕНЬ ВОЙНЫ

Кингисеппское направление. Лес южнее станции Веймарн. КП 2-й дивизии народного ополчения

Николай Степанович Угрюмов, Герой Советского Союза, полковник, командир дивизии

17 июля противник продолжал атаки на участке 1-го полка под Ивановским. Ополченцы держатся. Стойко отражают все попытки фашистов вклиниться в нашу оборону. Бойцы и командиры за эти дни прошли такую школу, что в иных условиях для этого годы понадобились бы.

Я заметил, что люди стали выносливее, терпеливее и, главное, мужественнее. Многие перестали кланяться каждой пуле.

Нравится мне новый командир 1-го полка майор А. Соколов. Человек с твердым характером, волевой. Вместе с комиссаром полка решительными мерами наводит порядок, искореняет у ополченцев «гражданскую» психологию. Ведь дело доходило до анекдотических случаев.

Мне докладывали такой факт. Командир взвода, не согласившись с решением командира роты, подал рапорт о переводе его в другое подразделение, так как боялся, что не «сработается» со своим ротным командиром. В другом подразделении бойцы обратились к парторгу с жалобой на неправильные действия командира взвода. Выходит, надо людям разъяснять элементарные истины, а порой разговаривать и построже, обстановка-то боевая.

И мне и комиссару дивизии П. Т. Тихонову приходится учить командиров и начальников штабов искусству организовывать бой, управлять подчиненными, взаимо-

действовать с другими подразделениями. Требуем, чтобы и карты вели по правилам, и в документах была командирская точность и ясность.

Знаю, некоторые на меня успели комиссару пожаловаться: дескать, Угрюмов заставляет уставы учить, а надо воевать. Когда Тихонов сказал мне об этом, я ответил, что мы — не партизанское войско в худшем смысле этого слова, а регулярная воинская часть, и пока нам не хватает умения воевать.

Конечно, я понимал, что не следует слепо держаться буквы устава. Еще и свое соображение иметь надо. Но командирская инициатива рождается в результате военных знаний. Эту истину я еще на финской понял, когда батальоном командовал.

Район деревни Юрки. КП 3-го батальона 2-го стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения

Степан Бардин, старший политрук, военком батальона

Вечером с комбатом были у командира полка В. С. Лифанова. Он чисто выбрит, в новой гимнастерке, туго перехваченной широким ремнем. И комиссар Г. Е. Гродзенчик под стать ему. Своим видом подчеркивают, что порядок и дисциплина и на фронте превыше всего.

Командир полка кратко обрисовал обстановку, затем стал перечислять мероприятия, которые нам следует осуществить. Его указания показались мне чересчур назидательными: улучшить учет потерь личного состава, использовать имеющиеся возможности для обучения ополченцев основам общевойскового боя, подумать над организацией дежурства на переднем крае... Двадцать восемь пунктов записал я в блокнот. Когда перечитал их, понял, что все к месту сказано, для нашей же пользы. Эти пункты были той азбукой, которая помогала из вчерашних обувщиков, моторостроителей, инженеров и студентов делать бойцов Красной Армии.

Вернувшись в батальон, мы с комбатом стали обсуждать, как лучше выполнить указания командира полка и тем самым повысить боеспособность батальона.

Район Бол. Сабска. КП батальона ЛПУ имени С. М. Кирова

Александр Синева, старший политрук, военком батальона

Особенно тяжелым был для нас день 17 июля. С утра фашистские самолеты бомбили наши позиции. Затем

гитлеровцы атаковали сразу в нескольких местах. Наиболее яростно — 1-й батальон, через позиции которого проходил тракт на север. Здесь враг пустил танки. Я видел, как курсант бутылками с зажигательной смесью уничтожил фашистский танк.

После боя отыскал смельчака. Им оказался курсант Бодров из шестой роты. Выпускник. Осенью должен был получить лейтенантское звание. Спрашиваю его:

— Страшно было, когда на окоп танк пошел?

В ответ слышу:

— Страшно, товарищ старший политрук! Когда танк стал разворачиваться, я подумал, что сейчас начнет утюжить мой окоп. И тогда конец. Не знаю, откуда сила взялась: две связки по три гранаты под гусеницы бросил, еще успел бутылки «КС» метнуть. Как поджег танк — не видел. Первой или второй бутылкой — не помню. Куда делся экипаж машины — тоже не заметил. Лежал на дне своего окопа. А потом, как говорят, пришел в себя, выбрался наверх и пополз доложить командиру отделения...

Рассказ Бодрова потряс меня. Сколько же надо силы воли, мужества, чтобы в критическую минуту не дрогнуть!

Район деревни Слепино. ОП батареи 1-го Ленинградского артиллерийского училища

Василий Грицаев, старший лейтенант, заместитель командира батареи

Наш дивизион занял огневые позиции юго-восточнее Слепино. В боевых порядках стрелков развернули передовой наблюдательный пункт. Конечно, хорошо было бы иметь передовые наблюдательные пункты в каждой батарее, но у нас не хватало средств связи — радиостанций, телефонных аппаратов и даже полевого кабеля. Мы выехали на фронт, имея то имущество и материальную часть, которые были положены для обеспечения учебного процесса.

После боевого крещения 14—17 июля мы чувствовали себя увереннее. Командиры стали смелее маневрировать огнем. И когда гитлеровцы пошли в атаку одновременно на разных участках, наши командиры быстро и точно переносили огонь, меняли его темп. Особенно четко работал командир взвода управления старший лейтенант П. Черников.

Деревня Сабск

Ирина Дмитриева, колхозница

Не верилось, что немец к нам придет. Места у нас глухие, в стороне от большака. Да и слух в народе пошел, будто он через город Лугу на Ленинград метит. Спрашивали недавно об этом военных (они по берегу Луги окопы рыли). Те отвечали, что не пойдет сюда враг — не пустят. И вообще скоро погонят его назад.

Дни стояли погожие, и все деревенские были кто в поле, кто на своих огородах. Мы с сыном картошку в огороде пропалывали. Он распрямился, прислушался и говорит:

— Мам, что-то гудит на той стороне. То ли машины, то ли трактора.

Я тоже прислушалась. И верно: на той стороне Луги какой-то шум. Вдруг как ухнет! И вроде как земля качнулась...

— Мамка! — крикнул сынок. — Наверно, мост взорвали!

Хороший мост был. Два года назад всем колхозом его справили и дорогу к нему насыпали.

Потом с той стороны нехристь начал из пушек по деревне бить. Избы огнем занялись. Народ увидел пожары — к избам бросился. Только не подступиться к ним: пули так и свищут. Кто посмелее, те подхватили вещички — и в лес. Мы тоже в лес подались.

На третий день вернулись. Деревни как не было. Одни головешки дымятся. И немец хозяйничает. Наша изба чудом уцелела. В ней офицеры поселились, а нам в хлеву разрешили жить.

Приказ вышел: собрать всех убитых русских и снести в гумно. Мы попросили захоронить солдатиков похристиански, как положено, а фашисты подожгли гумно. Вместе с солдатиками. Мы улучили момент и ушли с детишками в лес от беды.

Лужское направление. Южная окраина города Луги. Лангина гора. КП 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

Под вечер из штаба корпуса вернулся Машошин. Доложил ему обстановку, подал папку с документами. Андрей Федорович ворчливо заметил:

— Штабы заработали. Теперь начнут друг друга бумажками обстреливать.

Машошин не переносил бумаготворчества. Однако одним документом комдив заинтересовался. Прочел раз, потом еще. Это была разведсводка противника. Утром прислали ее из штаба 41-го стрелкового корпуса. В ней ярко и с преувеличением расписывалось инженерное оборудование нашей обороны. Андрей Федорович отложил бумажку в сторону и сказал:

— А знаешь, гитлеровцы не дураки! Это ж они как бы оправдательный документ составили. Смотри, дескать, фюрер, какие чудеса большевики нагородили, вот и затормозилось наступление. — Машошин снова взял сводку в руки. — Каждый холмик укреплен... А знаешь, Иван Семенович, поговори-ка с нашим инженером. Надо подумать о дальнейшем развитии инженерных заграждений.

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Западнее города Сольцы. НП первой минроты 68-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии

Константин Шпанкин, лейтенант, командир минроты

Днем и ночью ведем бой. Противник цепляется за каждый дом. Бросает против нас танки, броневики, автоматчиков. Особенно старается удерживать ключевые позиции. К утру отбросили его за железную дорогу, что проходит в двух-трех километрах от города. Наш 1-й батальон вышел на западную окраину Сольцов. Жаль, что вовремя не подвезли боеприпасы. Мы наверняка смогли бы овладеть Большим и Малым Заборовьем — двумя деревушками за железной дорогой.

Сегодня за них предстоит сражаться. Враг шпарит пулеметным огнем по железнодорожной насыпи, бьет из минометов, тяжелых орудий. К насыпи не подойти. А мы ответить не можем: снарядов и мин нет. Остался лишь минимум на тот крайний случай, если противник пойдет в атаку.

Разговаривали с местными жителями. Они рассказывали, как бесчинствовали фашисты в Сольцах. У одного коровенку угнали, у другого сундуки вверх дном перевернули. И не смей пожаловаться. Офицеры и солдаты вели себя одинаково — как воры. Запомнилась старушка лет семидесяти. Она все упрашивала разыскать супостата, высокого с золотым зубом гитлеровца,

который забрал у бабки самовар, единственную ее ценность и усладу. «Вот тебе и «культурные» европейцы. Бандиты настоящие!» — слушая жителей, думал я.

К середине дня подвезли боеприпасы. Комиссар полка старший политрук Оньков лично ими занимался.

Согласно боевому приказу полк 17 июля в 19.00 возобновил наступление.

Юго-западной деревни Городище. 835-й стрелковый полк 237-й стрелковой дивизии

Вячеслав Марак, лейтенант, командир взвода разведки полка

Наш взвод конной разведки действовал в составе разведотряда, которым командовал майор Ковтун. Получив боевую задачу, мы выступили в ночь на 17 июля. Прошли почти до деревни Большие Звады, потом повернули на юг, к реке Мшаге. Вокруг тишина. Ни наших войск, ни противника. В каком-то болотце мирно квакают лягушки. В районе деревни Новоселье вышли к позициям стрелкового батальона 841-го полка. Разговариваем с комбатом. Он даже и не подозревает, что справа никаких соседей нет. И в случае чего — надейся на свои силы.

Майор Ковтун приказал разведать северный берег Мшаги и далее дороги на Большие Звады. Я выслал разведдозор. Его возглавил замполитрука Василевский. Парень толковый, третьего года службы. Если б не война, осенью быть бы ему дома и продолжать учить ребятшек в сельской школе.

Через некоторое время получаю от Василевского сообщение, что на полевой дороге обнаружены следы мотоциклов. Я удивился: на карте никакой дороги нет. Но связной уверял, что сам ее видел и мотоциклетная колея совсем свежая. Поднимаю взвод, и скачем вперед.

Замполитрука оказался прав: дорога, какие нередко прокладывают в летнюю страду к полям или лугам, петляла передо мной вдоль опушки леса. На влажной земле четко отпечатались следы мотоциклетных шин. В какую сторону ехать? И в этот момент мы услышали характерный шум работающего мотоцикла. Решил устроить засаду. Коней отвели подальше в лес, сами замаскировались.

По первому мотоциклу огонь из ручного пулемета открыл Василевский. И мотоциклиста, и пулеметчика

скосил одной очередью. Другие мотоциклисты под прикрытием автоматного огня развернулись и быстро удрали. По документам установили, что убитые гитлеровцы принадлежат к разведывательному батальону 3-й моторизованной дивизии.

Документальная строка

Из письма командира роты 532-го стрелкового полка 111-й стрелковой дивизии лейтенанта М. Т. Ворожейкина к жене:

«Назначен командиром роты. Бойцов пока раза в два меньше, чем было у меня в Ярославле. Вот-вот должен получить пополнение из Ленинграда. Тогда, наверное, и пустят нас в дело. А пока живем в лесу, по-лагерному. С питанием нормально. Как ты доехала, как тебя встретил Урал? Беспокоюсь за ребятшек. Береги себя и их, а я буду бить фашистов так, чтобы скорее вернуться домой. Твой Михаил».

18 ИЮЛЯ ★ **ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Кингисеппское направление. Деревня Новопятницкое. 191-я стрелковая дивизия

Николай Дибцов, старший политрук, инструктор политотдела дивизии

Военный совет Северного фронта в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР о введении института военных комиссаров и политруков решил укрепить кадрами политработников части Лужской оперативной группы. Утром у нас в резерве политсостава побывал член Военного совета фронта дивизионный комиссар Клементьев. Он обрисовал обстановку под Лугой и Кингисеппом. Подчеркнул, что необходимо любой ценой остановить противника. Комиссары и политруки обязаны мобилизовать бойцов на это, решительно бороться с проявлениями трусости, паники, твердой рукой насаждать дисциплину и организованность,

После этого напутствия мы поехали в части. Я был в распоряжение начальника политотдела 191-й стрелковой дивизии и от комиссара дивизии Скрыльникова получил указание идти во 2-й батальон 552-го стрелкового полка. Определились и другие товарищи, прибывшие в дивизию.

Командир батальона капитан Савченко встретил меня сухо. Он был чем-то очень озабочен. Примостившийся возле него телефонист без конца вызывал какую-то «Березу». Комбат кивнул головой на ящик из-под мин и пригласил сесть. Потом рассказал, что утром численно превосходившим противником батальон оттеснен с прежних позиций, а теперь приказано любой ценой вернуть их. Контратака назначена на полдень. Оставался час до ее начала, а о готовности доложил только командир шестой роты. И Савченко попросил меня проверить готовность пятой роты.

Пятая рота — это и была «Береза» — занимала позиции на левом фланге батальона. Ей предстояло оседлать шоссе. Командир роты, младший лейтенант, сразу пожаловался на то, что не может связаться с комбатом: связь порвана, и нет кабеля восстановить ее. Из командиров взводов остался лишь один. Чувствовалась растерянность ротного.

Решил поговорить с бойцами. Встретили обрадованно. Куча вопросов: почему нет питьевой воды? Когда доставят махорку? Что нового на фронте? Расспросил их о том, как воюют. Разговор начался о предстоящем наступлении. Выяснилось, что боевой задачи бойцы пока не знают. Сказали, придет сержант — он теперь за командира взвода — и скажет, куда наступать надо. Разъяснил красноармейцам боевую задачу роты, вместе с командирами уточнили на местности, как должны действовать взводы и отделения.

Подшло время атаки. Застрекотали ручные и станковые пулеметы. Бойцы дружно поднялись и перебежками двинулись вперед. Достигли шоссе. Дальше продвинуться не смогли. Противник прижал бойцов к земле сильным пулеметным огнем, а потом стал бить из минометов и орудий. Пришлось отходить на исходные позиции.

По дороге на КП батальона встретил заместителя командира полка майора Писаренко. Докладываю ему о настроении бойцов, о сорванной атаке. Майор слушает рассеянно и думает о чем-то другом.

— Что ты, старший политрук, кипятишься? — перебивает он. — «Мин нет, махорки нет!..» Мне танки отбивать нечем. На весь полк два орудия. А ты про махорку толкуешь...

Лужское направление. Район деревни Жельцы. 259-й отдельный саперный батальон 41-го стрелкового корпуса

Трофим Кузнецов, старший лейтенант, командир саперной роты

Разведка сообщила, что западнее озера Врево противник сосредоточивает мотопехоту и танки. На это направление выделили батальон из 24-й танковой дивизии. Нашей роте приказали помогать танкистам.

Меня вызвал командир танкового батальона.

— Слушай, инженер! Мои хлопцы обнаружили лесную дорогу. На карте ее нет. Она выходит на шоссе. Смотри! — Капитан развернул передо мной карту. — Не исключено, что противник ею воспользуется, чтобы скрытно выйти на наш фланг. Я решил устроить здесь засаду. Надо бы заминировать дорогу.

Что за разговор! Погрузив мины в машину, мы вместе с танкистами отправились в путь.

Старший сержант Трусов и красноармеец Вельдиманов, бывший взрывник из Медногорска, самые опытные минеры. Они устанавливали противотанковые мины. А Сеньшин и Ашпетов прикрывали их. Бойцы торопились: летняя ночь коротка. Начинало светать, когда Трусов доложил о выполнении задания.

Противник в тот день не прорвался через наш заслон.

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Западнее деревни Дуброво. ОП 227-го гаубичного полка 70-й стрелковой дивизии

Иван Логашин, политрук батареи

Продолжаем гнать противника. 252-й стрелковый полк, который мы поддерживаем, занял деревни Крюково, Дуброво. С утра начался бой за Плосково — небольшую деревушку на берегу реки Ситни. У гитлеровцев тут, как сообщили разведчики, оборонительный рубеж. Видны

окопы, проволочные заграждения. По огню можно предполагать, что этот рубеж враг будет отстаивать всеми силами.

Командир дивизиона капитан Волчанский получил указание подготовить сосредоточенный огонь по местам скопления войск противника и неподвижный заградительный огонь на направлении его вероятных атак. А с боеприпасами туго. Меньше четверти боекомплекта на батарею оставалось. Волчанский вызвал меня, приказал ехать на склад и добывать снаряды.

— Ты не возражай. Кроме тебя, никому! Дорогу знаешь, да и вид у тебя авторитетный.

Подготовили мы несколько ЗИСов и двинулись на Уторгош. До складов добрались благополучно. Но что-то в документах было неправильно оформлено, и младший воентехник, заменявший начальника склада, наотрез отказывался выдавать снаряды. Лишь после долгих и настойчивых увещеваний нам удалось получить боеприпасы. К ночи они были доставлены в дивизион, и, как оказалось, весьма кстати. Ранним утром танки противника атаковали позиции 252-го стрелкового полка.

Наш дивизион встретил врага сильнейшим огнем. Снарядов не жалели. Гитлеровцы, понеся потери, вынуждены были прекратить атаку и отойти на прежние позиции.

Документальная строка

Из письма красноармейца В. Н. Снегова к матери: «Дорогие мамаша, Нина и Толик! Я нахожусь в тех местах, где в позапрошлом году рыбачили папаня и дядя Коля. Три дня назад мы выбили фашистов из города Сольцы. Теперь продолжаем наступать. Гоним фашистов дальше. Если все так будет, то, может, к зиме и домой вернусь... Ваш сын и брат Василий».

Из мемуаров фон Манштейна, бывшего командира 56-го моторизованного корпуса: «Противник большими силами с севера ударил во фланг вышедшей на реку Мшага 8 тд и одновременно с юга перешел через реку Шелонь. Сольцы — в руках противника. Таким образом, главные силы 8 тд, находившиеся между Сольцами и Мшагой, оказались отрезанными от тылов дивизии, при которых находился и штаб корпуса...»

19**ИЮЛЯ****ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
ДЕНЬ ВОЙНЫ****Ленинград. Штаб Северного фронта**

Маркиан Михайлович Попов, генерал-лейтенант, командующий войсками фронта

Мы еще не знали детально замыслов противника, но в общих чертах представляли, чего добивается гитлеровское командование, каков план его действий. Нам стало ясно, что на Лужском рубеже бои частного порядка перерастают в крупную оборонительную операцию. По ходу сражения за минувшие десять дней можно было полагать, что первый этап операции — бои в предполье — мы сумели выиграть. Противнику не удалось с ходу прорваться к Ленинграду. Ликвидирована и его попытка выйти на Нарвское шоссе к Красногвардейску, в тыл Лужской группировки. Мы заставили врага перейти от действий передовыми отрядами к развертыванию основных сил, вводить в бой резервы.

В самые напряженные дни я видел, как на кингисепском участке дрались ополченцы. И был потрясен. Люди с гранатами бросались на танки врага, со штыками наперевес шли на его пулеметы. Как командующий, я чувствовал вину за то, что не могу надежно поддержать их артиллерийским огнем, защитить танковой броней, прижать врага бомбовыми ударами с воздуха. У фронта не было в резерве даже артиллерийского дивизиона. Неоткуда было снять хотя бы одну танковую роту. Наши летчики не знали отдыха.

Главным образом за счет необычайно высокого морального духа, стойкости и мужества бойцов и командиров нам удалось нейтрализовать преимущество врага в технике и оружии, сбить темп его наступления, решительными и дерзкими контратаками заставить противника перейти к обороне.

Не смогли гитлеровцы справиться и с оборонявшейся в Эстонии 8-й армией, дивизии которой после трехнедельных боев по численности были едва больше стрелкового полка, а количество орудий и минометов не превышало одного-двух десятков стволов. 8-я армия, о разгро-

ме которой не раз трубило немецкое радио, удерживала свои позиции, не допускала противника на побережье Финского залива, не позволяла ему овладеть столицей Эстонии — Таллином.

Мы не ослабляли внимания к мурманскому, петрозаводскому, олонекскому направлениям, к делам на Карельском перешейке, где наши 14-я, 7-я и 23-я армии вели тяжелые оборонительные бои, сдерживая натиск превосходящих сил противника. Но главной задачей для нас оставалась оборона Ленинграда с юго-запада. Важность этого направления трудно переоценить. Почти ежедневно приходилось отвечать на один и тот же вопрос Ставки: «Как дела на Луге?» В тревожно-напряженной интонации, с какой он задавался, я чувствовал связь между событиями на Лужском рубеже и развитием Смоленской оборонительной операции, беспокойство за судьбу Ленинграда и Москвы.

Выигрывая время по дням и часам, мы понимали: его надо максимально использовать. Продолжали совершенствовать оборонительные рубежи на Луге, под Красногвардейском, у стен Ленинграда и в самом городе. На наших глазах Ленинград превращался в город-крепость.

Партийные и советские органы города и области решали и другую весьма важную задачу: продолжали эвакуацию оборудования фабрик и заводов, материальных и других ценностей, населения, в первую очередь женщин и детей. Эшелоны шли один за другим. И приходилось лишь удивляться, как четко и организованно справлялись железнодорожники с этим огромнейшим потоком.

Все это можно было объяснить только величайшей ответственностью каждого за судьбу Родины, за судьбу Ленинграда. В этом и проявлялся советский патриотизм.

Кингисеппское направление. Деревня Лычно. Пятая рота ЛПУ имени С. М. Кирова

Сергей Орловский, сержант, командир отделения

Противник почему-то прекратил атаки. Весь день стоит жуткая, непривычная тишина. Командир батальона решил выслать от нашей роты разведку. Меня назначили старшим разведгруппы. Командир роты старший лейтенант Туркин приказал переправиться через Лугу, выйти

к Лососкино, где, по непроверенным данным, сосредоточивается противник, и уточнить эти сведения.

Состав группы старший лейтенант разрешил подобрать по моему усмотрению. Я взял Степанова, Симакова, Никитина и Александрова. С ними учился в одном взводе два года и знал их, как себя.

В полночь прошли передний край. Переправились через реку и по краю мшистого болотца, густо проросшего сосняком, углубились в тыл противника. Ночь теплая, лунная. Хотя для нас милей бы непогода.

Через некоторое время неожиданно встретили трех курсантов из группы, ранее высланной в разведку от 1-го батальона. Выяснилось, что они заблудились в лесу и теперь возвращались в батальон. С ними я отправил первое донесение.

Перед рассветом на землю опустился густой туман. По времени мы должны быть около Лососкино. В дымке показались расплывчатые силуэты каких-то строений. Решили подождать сигнала от наших дозорных Никитина и Симакова.

Вскоре мы слышали шаги и тихое кваканье лягушки — это Никитин. Дозорные сообщили, что на краю деревни они видели двух человек. Кто они — не разглядели: может быть, местные жители, а может, и гитлеровцы. Для более полного выяснения обстановки Никитин предложил сходить в деревню. Вдвоем с Симаковым они отправились.

До крайней избы оставалось метров тридцать, когда к ней подошли дозорные. Раздался окрик: «Хальт!»

Никитин и Симаков шарахнулись в сторону. Немцы бросились им наперерез, открыли огонь из автоматов. На выстрелы из избы выскочили человек пять, что-то полопотали с патрульными, потом вернулись в дом. Вновь стало тихо.

Соблюдая осторожность, мы обошли деревню. Под липами и возле них стояли броневики и автомашины. Насчитали около тридцати. У сараев заметили три танка и две противотанковые пушки. Хорошо бы захватить «языка» или документы. Но как? Выручил случай.

Мы вновь дошли до околицы. Вражеские патрульные прохаживались взад и вперед. Один из солдат неожиданно остановился и вдоль изгороди направился в нашу сторону. Свернул за угол. Огляделся по сторонам, повесил автомат на кол. Я успел шепнуть Никитину, чем-

пиону нашего училища по боксу: «Берем!» Он кивнул головой: понял.

И как только немец присел по естественной надобности, мы кинулись на него. Он и пикнуть не успел. Сунули ему в рот два носовых платка, связали брючными ремнями и потащили к лесу. Чтобы он не брыкался, Никитин легонько стукнул его прикладом, да не рассчитал — пошла кровь.

Вскоре его напарник спохватился, открыл стрельбу. В деревне начался шум. Чтобы отвлечь внимание гитлеровцев, Александров, Симаков и Степанов побежали в сторону, стреляя из винтовок. А мы с пленным стали углубляться в лес.

Пока слышалась стрельба, мы ориентировались по выстрелам. Затем гитлеровцы прекратили погоню.

Поздно вечером мы вернулись из разведки.

Лужское направление. Южная окраина города Луги, Лангина гора. Штаб 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

483-й стрелковый полк продолжал удерживать позиции в предполье. Противник бросал против него крупные силы. С каждым днем все яростней становились его атаки. Деревушки, высотки, перекрестки дорог по несколько раз переходили из рук в руки.

Мы понимали: долго так не продержимся. Заметно усилились действия разведывательных групп противника на наших флангах, где появились соседи: справа — 111-я стрелковая дивизия, слева — 235-я. Не исключено, что гитлеровцы перенесут усилия на фланги, не ослабляя нажима на главном направлении — вдоль железной дороги и Псковского шоссе.

Оценивая обстановку, командир и штаб придавали особое значение инженерному обеспечению обороны. Кто бывал под Лугой, тот знает, что местность там сильно пересеченная, лесистая и болотистая. Высотки перемежаются с низинами, небольшими озерами, речками и ручейками. Тактически грамотное использование ее в сочетании с огнем открывало большие возможности для создания прочной обороны. Мы продолжали совершенствовать оборону с учетом изменений обстановки.

Если посмотреть с высоты, что вблизи деревни Раковичи, стоявшей вдоль Псковского шоссе, можно заметить небольшую речушку Старицу. Тоненькую голубую ниточку в качестве оборонительного рубежа никто всерьез не принимал. Открытие сделал майор Гринберг, дивизионный инженер. Он предложил вынести передний край главной полосы обороны, проходивший западнее Лесково, Бараново и по берегу озера Черемеенское, на северный берег Старицы.

— Пойма реки — заболоченный луг. Здесь не то что танкам, а и пехоте не пройти, — докладывал командиру дивизии майор Гринберг. — Северный берег мы эскарпируем. Работы немного: он и так достаточно крутой. За эскарпом посадим надолбы, проволочные заграждения, минные поля, а на высотах можно поставить противотанковые пушки. Псковское шоссе будет надежно прикрыто.

Предложение было дельное.

— Пиши, начальник штаба, приказ. Задержали немца на Плюссе, подержим еще и на Старице, — выразил свое решение Машошин.

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Деревня Пирогово. КП 70-й стрелковой дивизии

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии

Вечером ко мне в палатку зашел военком дивизии полковой комиссар Б. О. Галстян с газетой в руках. Настроение у него приподнятое, хотя вид крайне усталый. Когда и где он спит, никто не знает. По-моему, в старенькой «эмке» по пути в полки.

— Начальник штаба, газету «Известия» читал? — лукаво поглядывая на меня, спросил Галстян.

Я чистосердечно признался, что, кроме донесений и приказов, в эти дни ничего не читал.

— Посмотри! Домой пошли, — он передал мне газету, как видно уже походившую по рукам. Читаю: «Вот уже несколько дней части Н-ской орденоносной дивизии громят фашистские войска, захватившие район Сольцы. Доблестные красные воины, прославившие свою Родину в боях с белофиннами, дерутся с озверелыми гитлеровцами со всей большевистской напористостью и страст-

ностью. Решительным натиском они опрокинули врага, обратив его в бегство.

Река Шелонь. Мост, еще несколько дней назад соединявший оба берега, взорван. Вблизи него отважные саперы под непрерывным огнем противника построили новый мост...»

— Это же о нашей 70-й! Кто писал? Я что-то корреспондентов не видел. — И удивленно смотрю на комиссара.

— Были. Были из «Правды», из «Красной звезды». Сейчас в полк к Краснову поехали. Да ты дальше читай.

Дочитал статью до конца, аккуратно сложил газету. Мысленно представил себе, как обрадуются мои домашние, получив такой подарок с фронта.

— Так что начальник штаба скажет? Познакомь меня с обстановкой,— подсаживаясь ближе к моей рабочей карте, говорит с мягким южным акцентом Галстян.

Кадровый политработник, прекрасный товарищ, он отлично разбирался в тонкостях оперативно-тактического искусства. Командир дивизии и все мы охотно принимали его дельные, продуманные советы.

Я доложил Бениамину Оганесовичу обстановку. Части дивизии за эти дни продвинулись почти на сорок километров. К исходу дня 329-й полк вышел на рубеж Низы — Бараново. Ему навстречу идет 68-й, а 252-й полк полковника Зарецкого встретил сильное сопротивление противника в районе Дуброво, где и ведет бой.

— Не выпустим фашистов. Устроим им окружение. Как думаешь? — выслушав меня, спросил комиссар.

Ответить на вопрос трудно. Дивизия понесла большие потери. В некоторых ротах осталось по двадцать — тридцать человек. Не хватает стрелкового оружия, особенно пулеметов. Растянулись тылы. Да и у соседей положение не лучше.

— К обороне надо переходить, закрепляться,— ответил я.

Галстян нахмурился. Видимо, мой ответ не удовлетворил его. Все мы желали наступать, гнать врага, но реальное соотношение сил складывалось не в нашу пользу.

Документальная строка

Из директивы № 33 германского главного командования сухопутных войск: «Продвижение в направлении

Ленинграда возобновить лишь после того, как 18-я армия войдет в соприкосновение с 4-й танковой группой, а ее восточный фланг будет обеспечен силами 16-й армии. При этом группа армий «Север» должна стремиться предотвратить отход на Ленинград советских частей, продолжающих действовать в Эстонии».

20 ИЮЛЯ
★
**ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
ДЕНЬ ВОЙНЫ****Ленинград. Штаб Северного фронта**

Владимир Петрович Свиридов, генерал-майор, начальник артиллерии фронта

Мы последовательно и настойчиво проводили мероприятия по укреплению оборонительных рубежей на дальних подступах к Ленинграду и продолжали активные боевые действия, сдерживая и изматывая врага. Только за один день 20 июля дивизион 488-го легкоартиллерийского полка 191-й дивизии совместно с 546-м стрелковым полком, отражая атаку противника, подбил несколько фашистских танков. В этой схватке артиллеристы проявили стойкость и мужество. Пять танков шло на единственное орудие, уцелевшее во взводе лейтенанта А. Смирнова. Расчет не дрогнул. Вступив в единоборство с противником, он поджег два танка.

Стойко сражались с врагом бойцы и командиры 8-го отдельного противотанкового дивизиона. У них легкие, 45-миллиметровые пушки. Комдив полковник Лукьянов сообщил, что батарея Чапыгина из этого дивизиона за два дня уничтожила восемь фашистских танков, пулеметную точку и десятка два гитлеровцев.

Идет слава о подвигах артиллеристов старшего лейтенанта Останина из артполка АККУКС. Вражеским танкам и пехоте удалось прорваться к огненным позициям артиллеристов. Батарея встретила гитлеровцев метким огнем. Завязался упорный бой. Артиллеристы потеряли три гаубицы, несколько расчетов вышло из строя,

но противник не прошел. Отважный командир Михаил Останин представлен к ордену Ленина.

Меня и начальника артиллерии Лужской оперативной группы генерала С. А. Краснопевцева кое-кто из общевойсковиков упрекал в несправедливом распределении средств усиления. Признаю такой грех. Основное количество артиллерии сосредоточено на участке 177-й дивизии. Более 170 стволов. Но именно эта сила и помогла нашей пехоте остановить врага. Концентрировать силы и средства, в том числе и артиллерийские, на решающих направлениях научила война.

В июльские дни командование Северного фронта принимало все меры к наращиванию сил на Лужском оборонительном рубеже. 20 июля в состав ЛОГ вошел 1-й стрелковый полк 3-й дивизии народного ополчения и встал по северному берегу Луги, в стыке между ЛПУ имени С. М. Кирова и 111-й стрелковой дивизией. В тот же день в район Котлов прибыла 4-я дивизия народного ополчения. Завершилось формирование 14-й отдельной противотанковой артиллерийской бригады, и ее 94-й полк занял огневые позиции в районе деревни Слепино. В состав стрелковых дивизий вошли пулеметно-артиллерийские батальоны.

Все эти меры существенно усилили нашу оборону. Но мы были еще далеки от того, чтобы ликвидировать превосходство врага в технике и вооружении. Только в дивизионной артиллерии общий некомплект достигал сорока процентов. Особенно тяжело было с материальной частью в противотанковых подразделениях, принявших на себя основную тяжесть борьбы с бронетельями противника. Фашистская пехота в основном вооружена автоматическим оружием — пулеметами и автоматами. Наши же стрелковые роты чаще всего имели только винтовки. Неравные условия борьбы создавали напряженную обстановку, требовали гибкого маневрирования силами и средствами, твердого управления войсками.

Кингисеппское направление. Деревня Слепино. КП ЛПУ имени С. М. Кирова

Яков Васильевич Завалишин, батальонный комиссар, военком училища

Обстановка на нашем участке продолжала оставаться крайне напряженной. После упорных боев противнику удалось захватить Сабский плацдарм. Достался он вра-

гу недешево. Гитлеровцы оставили здесь сотни трупов, сожженные танки и бронемашины и вынуждены были перейти к обороне.

Мы получили некоторую передышку. Командование училища использовало это время, чтобы доукомплектовать подразделения. Нам разрешили подбирать на должности ротных политработников курсантов-коммунистов выпускного курса. Это решение Политуправления Северного фронта кировцы расценили как большое доверие. На политработу направлялись лучшие из лучших, проверенные в боях курсанты: в третью роту — Укладников, в шестую — Михайлов, в седьмую — Журавлев. Вновь назначенных товарищей проинструктировали работники политотдела и военкомы батальонов.

Сегодня, 20 июля, получил первые политдонесения молодых политических руководителей рот. Вот что они пишут. Курсант А. Поддубский, политрук пятой роты: «Нам было приказано выбить гадов с высоты. С нее они, очевидно, корректировали артиллерийский огонь. Под огнем противника курсанты форсировали речку и поползли к высотке. Курсанты Васильев и Чаплин меткими выстрелами уничтожили вражеский пулеметный расчет и захватили немецкий пулемет. Как им пользоваться, не знали. Я подполз к ним и показал, Васильев тут же начал стрелять по врагам из их же пулемета.

Я решил, что каждый курсант должен знать не только свое оружие, но и врага. Надо использовать любые возможности для его изучения...»

Донесение политрука шестой роты курсанта Михайлова: «Доношу, что политико-моральное состояние бойцов и командиров хорошее. Тов. комиссар, если возможно, вышлите пар 35 сапог и хотя бы 5 гимнастеров и бланки боевых листков. Я обходил вчера и сегодня взводы и проводил беседы, в основу беру приказ и директиву.

Тов. комиссар, ряд курсантов заявляет, что 2 раза дают пищу — «очень мало». Газеты получил только сегодня. Тов. комиссар, если можно, то прошу Вас выслать мне самозарядную винтовку...»

Донесение политрука седьмой роты курсанта Журавлева вызвало тревогу. Он сообщал о том, что командир роты, старший лейтенант, не признает политрука без «кубиков». На совещания с командирами взводов Журавлева не приглашает, о своих мероприятиях не желает советоваться. Придется поправить командира.

Молодые политруки делают первые шаги твердо и уверенно. Сама жизнь заставляет их проявлять инициативу, определять свое место в боевом строю.

Деревня Юрки. КП 3-го батальона 2-го стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения

Степан Бардин, старший политрук, военком батальона

Сегодня состоялось первое батальонное партийное собрание. Пришло более шестидесяти коммунистов. Остальные не явились по уважительным причинам: несли службу в боевом охранении, дежурили у пулеметов и в стрелковых ячейках.

Обсуждали итоги боев и задачи по выполнению приказа о создании прочной обороны. Доклад сделал комбат. Выступления в прениях короткие, деловые. Вдумываясь в их содержание, я острее почувствовал, насколько велика роль партийной организации в батальоне. Коммунисты не просто бойцы — стрелки, пулеметчики, минометчики, а люди, которые вместе с командиром и военкомом разделяют ответственность за неприступность нашего рубежа и готовы драться за него до последней капли крови.

Вот взял слово рядовой Васильев, бывший слесарь «Скорохода». На предприятии он был на хорошем счету, слыл мастером своего дела. Успел отличиться и в бою. Одним из первых поднялся в атаку, не дрогнул, когда появились перед нашими позициями танки противника.

На таких, как Васильев, можно положиться, не подведут. Но все ли такие? Бойцы Мазуров, Ионов, Стронгин, Качан и Набиркин делом доказали, что достойны похвалы, как и Васильев, как командир роты Тамаркин, политрук Амитин. А вот рядовой Теленков не выдержал физической нагрузки, на марше отставал и теперь какой-то хмурый. Боец Гравчик обратился с просьбой отпустить его обратно на хлебозавод: мол, не может видеть кровь и трупы убитых. Путилов испугался танков. Будет ли толк от таких бойцов? Преодолеют ли они свои слабости? Что нужно для этого сделать?

После собрания мы с комбатом Лупенковым наметили план работы на ближайшее время. В нем предусмотрели многое из того, о чем говорили коммунисты. Не откладывая, начали осуществлять намеченное. Получив согласие командования полка, вечером отправили по-

исковую группу во главе с комсомольцем Ионовым. Ночью они столкнулись с разведдозором противника. Ионов подпустил врага на близкое расстояние и открыл огонь. В перестрелке был убит обер-ефрейтор. Среди фотографий, найденных в его карманах, оказались снимки: на берегу моря рослый, широкоплечий молодой мужчина. Рядом с ним белокурая улыбающаяся женщина. Под снимком дата: 10 июня 1941 года. На другом — деревенская улица. Группа солдат с автоматами. Женщина. К ней от страха прижался малыш. Обер-ефрейтор держит на весу за задние ноги поросенка. Смеется, доволен добычей! На фотографии дата: 10 июля 1941 года.

Мы рассматривали эти фотоснимки, изобличающие гитлеровскую армию. Нас переполняли гнев и ненависть к врагам.

Лужское направление. Район деревни Городец. НП артиллерийской группы 177-й стрелковой дивизии

Георгий Федотович Одинцов, полковник, командир артполка АККУКС

Гитлеровцы, подтянув свежие части и перегруппировав силы, рано утром возобновили попытки прорваться к переднему краю главной полосы обороны 177-й стрелковой дивизии. После упорных атак им удалось занять населенный пункт Заполье и продвинуться на Городец, где находился мой наблюдательный пункт.

С высокой сосны, в кроне которой была устроена площадка для наблюдения, просматривалось Псковское шоссе. По нему двумя колоннами двигался противник. Справа шли танки и автомашины, а с левой стороны — артиллерия. Не мешкая, двум командирам дивизионов из полка АККУКС я приказал подготовить огонь по голове колонны, двум другим, из 51-го корпусного артиллерийского полка, по середине, а командиру дивизиона 3-го артиллерийского училища, 122-миллиметровые пушки и 152-миллиметровые гаубицы которого позволяли вести огонь на большую дальность, накрыть хвост колонны.

Не отрывая глаз от стереотрубы, веду наблюдение за колонной. Вот она подошла к первому рубежу неподвижного заградительного огня. И тотчас ударили дивизионы. Они метко вели огонь. Свернуть с дороги фашистам было нельзя: справа и слева болото. Охваченные паникой, они разбежались в разные стороны. А на доро-

ге продолжал бушевать огонь. Теперь уже били все пять дивизионов. Горели танки, автомашины.

Часа через полтора на НП приехали генерал Краснопевцев и начальник артиллерии 41-го корпуса полковник Потапов.

— Что у вас тут происходит? Мы за Лугой слышали страшный грохот,— поинтересовался генерал.

Я доложил о разгроме вражеской колонны и предложил с наблюдательной площадки осмотреть нашу работу. Краснопевцев и Потапов поднялись на сосну и долго разглядывали дымившиеся остатки фашистской техники. Когда гости спустились на землю, полковник Потапов сказал:

— Да, такого побоища я еще не видывал. Хороший урок получили гитлеровцы!

Город Луга. Городской Совет депутатов трудящихся

Михаил Георгиевич Кустов, председатель исполкома городского Совета депутатов трудящихся

Районный комитет партии, городской и районный Совет депутатов трудящихся провели большую работу по мобилизации населения города Луги и Лужского района на строительство оборонительных сооружений. В течение двух-трех недель июля до 50 тысяч лужан — рабочих, колхозников, служащих, домашних хозяек, учащихся ремесленных училищ и старшеклассников школ — вместе с ленинградцами возводили оборонительные сооружения на подступах к своему городу. Их руками были отрыты траншеи и противотанковые рвы, построены доты и дзоты, расчищен от зарослей восточный берег реки, созданы лесные завалы.

Мне рассказывала участница строительства, бригадир трудовой бригады учителей Е. П. Дубровина: «Наша бригада в количестве пятнадцати человек отрывала ров в районе совхоза «Калгановка». Работали мы дружно, добросовестно. Вначале шел песчаный грунт, работать было легко. Дальше стало труднее — грунт твердый, а у нас в руках только лопаты. Очень уставали, но на это никто не жаловался».

Противник обстреливал из орудий, чуть не каждый день были налеты вражеской авиации. Но люди работали, не считаясь с опасностью и трудностями. Все понимали, что надо делать. Этим определялся ритм жизни прифронтовой Луги.

Как-то на заседании исполкома обсуждались меры по усилению помощи Красной Армии. Несмотря на то что оборудование многих предприятий было вывезено, значительная часть населения эвакуирована или занята на оборонительных работах, местная промышленность использовала все возможности, чтобы выполнять заказы для армии. В кузницах и мастерских мы организовали ремонт военных повозок, тракторов и даже танков. Наш леспромхоз взялся изготавливать ящики для снарядов и мин. Часть выпечки хлеба пекарни передавали на снабжение войск. Конечно, это была мизерная помощь. Но что могла сделать маленькая Луга? И нам было приятно, что командование 41-го стрелкового корпуса, 177-й дивизии высоко оценивало нашу помощь фронту и не раз благодарило лужан за это.

Северо-Западный фронт. Юго-восточнее Луги. Лес западнее деревни Поташкино. КП 70-й стрелковой дивизии

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии

В последние дни темп нашего наступления стал спадать. Противнику удалось вывести из-под удара часть своих сил и закрепиться. Правда, мы надеялись, что вот-вот подойдут свежие части, сменят нас и контрудар будет развиваться дальше. Но приказ штаба корпуса, который получили 20 июля, был категоричен: дивизия отходит на рубеж Медведь — Шимск и занимает оборону по восточному берегу реки Мшаги с задачей не допустить прорыва противника на Новгород.

Представляю, насколько сложно будет оторваться от противника, совершить более чем сорокакилометровый марш и занять оборонительный рубеж. Мне ничего не оставалось, как «порадоваться» новостью командира дивизии. Но генерал сам зашел в штабную палатку. Заметив мой расстроенный вид, спросил:

— Что-нибудь стряслось?

Вместо ответа я дал Федюнину приказ из корпуса.

— Да, похоже на то, что наше наступление завершилось, — ознакомившись с документом и не скрывая разочарования, сказал генерал Федюнин. — Не знаю, как историки нас рассудят, но думаю, что мы свое дело сделали. Испортили немцам прорыв на Новгород, да и по-

колотили их изрядно. Давай, Николай Андрианович, по-мозгуем, как обороняться будем.

Я развернул рабочую карту, густо испещренную значками и стрелками, отражавшими каждый километр нашего наступления, и как бы иными глазами увидел подвиг, который совершили однополчане, отводя удар от Ленинграда. Мы намечали пути отвода полков, силы арьергарда, прикидывали варианты прикрытия дивизии от ударов противника с воздуха. Предстояло решить множество сложных вопросов, прежде чем в части пойдут приказы и распоряжения.

— А что нового сообщают сверху о противнике? — отложив карандаш, спросил Федюнин.

— На нашем направлении наблюдается движение крупных сил. Предположительно — 1-й армейский корпус.

— Что? Армейский корпус? Откуда он взялся?

«Армейский корпус германской армии, — вспомнились мне данные справочника по иностранным армиям, — имеет в своем составе три пехотные дивизии...»

— Николай Андрианович, донесение насчет пополнения послал?

— Отправил вчера нарочным.

— Придется еще разок тылы почистить, — вслух размышлял Федюнин. — Вот что, начальник штаба. Прикажи срочно подсчитать, сколько у нас в тыловых подразделениях активных штыков наберется, — заключил командив.

Не менее двух часов мы обсуждали решение командира на выход дивизии в новый район. А потом к этому делу подключили командиров штаба, начальников служб. Успех выполнения боевой задачи во многом зависел от творческой, организаторской работы людей, причастных к выработке командирского решения.

Документальная строка

Командование 70-й ордена Ленина стрелковой дивизии представило к награждению свыше 50 бойцов, командиров и политработников, отличившихся в боях под Сольцами. Среди них — комиссар 68-го стрелкового полка старший политрук Александр Георгиевич Оньков.

Выписка из наградного листа: «Тов. Оньков хорошо подготовленный в военном отношении политработник. Находясь непосредственно с передовыми подразделениями полка, руководил наступлением на г. Сольцы 15, 16

и 17 июля с. г. <...> Тов. Оньков непосредственно сам корректировал артиллерийский огонь своей артиллерии...

В самые трудные минуты боя умело находил место, где ему необходимо быть, и обеспечивал успех боя. За героизм и личную отвагу, мужество и умелые действия т. Оньков достоин награждения орденом Ленина».

Представление подписали командир дивизии генерал-майор Федюнин и комиссар дивизии полковой комиссар Галстян.

21 ИЮЛЯ ★ ТРИДЦАТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Кингисеппское направление. Деревня Язвище. КП 1-го батальона ЛПУ имени С. М. Кирова

Александр Синева, старший политрук, военком батальона

Ночью заняли новый рубеж обороны южнее деревни Язвище. В самом названии деревни было что-то мрачное. Такой она и предстала перед нами. Покинутая жителями, она казалась вымершей. Одиноко выла собака.

Мы с командиром батальона выбрали под КП баньку, примостившуюся на небольшой высоте под старым раскидистым вязом. Прокопченные стены еще хранили запах березового веника. Но не успели связисты подтянуть «нитку», как комбат неожиданно предложил:

— Идем отсюда, комиссар! Окоп надежней.

Я не стал возражать. Может, и прав комбат. Признаться, не могу я привыкнуть к мысли, что деревенские избы, поля созревающей ржи, огороды стали полем боя и потому подвергаются огню и уничтожению. Да разве я один так думаю? Как-то курсанты стали разбирать старый сарай. Вдруг появился заместитель начальника училища полковник Бурбо.

— Что вы делаете? Кто позволил? — стал он резко выговаривать курсантам.

Парни вытянулись, опустили руки по швам. Один, посмелее, сказал:

— Товарищ полковник, так противник все равно побьет, а нам бревна на накат требуются.

Бурбо, видимо, сообразил нелепость своего вмешательства:

— Так бы сразу и доложили. Что ж, для дела можно и разобраться...

До рассвета оставалось еще два-три часа. Наши связные натаскали в окоп лапника, и мы прилегли отдохнуть. Не могу заснуть. В мыслях последние события. Минула неделя, как мы не выходим из боя. Сколько же атак отбили за эти дни? Двадцать? Тридцать?.. Я настолько привык к непрерывному адскому грохоту, что, когда наступает тишина, становится не по себе.

Комбат рядом спит. Что-то бормочет во сне, вздыхает. Стоит мне чуть пошевелиться, как он тотчас же открывает глаза: «Что случилось, комиссар?» Успокаиваю его, и он снова моментально засыпает.

На рассвете вернулись разведчики. Поиск удался. Захватили «языка» — ефрейтора из мотополка 1-й танковой дивизии. Щуплый, с бесцветными глазами, он с любопытством разглядывал нас. Пленный оказался словоохотливым. Он заявил, что если бы не юнкера, которых здесь, как он слышал, двенадцать тысяч, то немцы давно были бы в Ленинграде. Теперь они ждут на подкрепление танковый корпус.

Разведчики доложили свои наблюдения. Они слышали, что за ложиной, по которой течет Пеледа — приток Луги, всю ночь урчали моторы танков и автомашин. Выслушав их доклад, командир батальона резюмировал:

— Похоже на то, что кончается передышка.

Южнее Кингисеппа. КП 253-го разведбата 191-й стрелковой дивизии

Илья Орлов, старший лейтенант, начальник штаба

Бои в районе Ивановского, на левом фланге дивизии, не ослабевают. Не исключено, что противник может нанести удар на Кингисепп — важный опорный пункт и крупный узел дорог, закрыть пути отхода из Эстонии 8-й армии. И не случайно командир дивизии не дает покоя разведчикам, требует вести разведку непрерывно всеми видами.

Ночью в батальон приехал начальник разведки дивизии. Он сказал о том, что командир дивизии полковник Лукьянов недоволен разведчиками: по данным фронта, на Гдовском шоссе возобновилось активное движение противника в нашем направлении, а дивизионная раз-

ведка об этом ничего не знает. Что за противник? Каковы его намерения? Приказал немедленно выслать разведгруппу в направлении Гдовского шоссе.

Мы пытались объяснить нашему начальнику, что люди измотаны до предела, почти непрерывно в деле. Но майор был непреклонен. И правильно: плохо воевать с противником, о котором ничего не известно.

Тут же определили, в каком направлении целесообразно провести разведку. Решили послать отделение конных разведчиков. Небольшой группой проще просочиться в тыл противника. Я попросил комбата капитана Князева разрешить мне вести группу. Местность знал хорошо, немецким языком владел. Он согласился.

Выехали ранним утром. По краю довольно большого болота прошли километров пятнадцать. Затем углубились в лес. Оставили лошадей и пешими вышли к Гдовскому шоссе. Я предполагал, что войска противника могут избрать районом сосредоточения большое село Черновское, и не ошибся. По направлению к нему двигались колонна автомашин, мотоциклисты. Периодически проходили танки, артиллерия.

Наблюдение мы вели почти весь день. Конечно, взять контрольного пленного, хотя это было и очень заманчиво, не представлялось возможным. Вернулись около полуночи. Увидев меня, капитан Князев обрадовался, крепко обнял:

— А я, Илья, собирался ехать на выручку.

Я подробно доложил комбату результаты наших наблюдений. Он согласился с выводами, что враг подбрасывает резервы. Судя по количеству войск, он, вероятно, готовился к крупному наступлению.

Лужское направление. Южная окраина города Луги. Лангина гора. КП 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

Сегодня к нам приехал начальник штаба 41-го стрелкового корпуса полковник Вербицкий. Мы часто разговаривали с ним по телефону, но очно довелось встретиться впервые.

Начальник штаба корпуса попросил ознакомить его с оперативными документами. Мне было приятно показать старшему начальнику наши документы. Знал, что краснеть не придется. С первых дней боевых действий

я требовал от командиров штабов дивизии и полков тщательно обрабатывать каждый документ и скидок на войну никому не делал.

— Я много слышал о вас, Иван Семенович,— отложив в сторону папку донесений, сказал Вербицкий.— Мне говорили, что вы до войны прошли хорошую школу штабной работы в оперативном отделе штаба Ленинградского военного округа.

— Правильно, товарищ полковник. Моим учителем был генерал Чибисов.

Начальник штаба корпуса поинтересовался организацией взаимодействия с соседями, с танкистами и артиллеристами. В довоенном «Наставлении по полевой службе штабов» указывалось, что «начальник штаба лично организует и обеспечивает взаимодействие войск». С первых же дней войны при выполнении этого требования встретилось немало трудностей. Не обошли они и нас: не хватало средств связи, хотя командиры-связисты проявляли немало инициативы: прокладывали не только полевые кабели, но использовали и гражданские линии связи; не хватало людей для их охраны и восстановления — связь часто прерывалась в самые критические моменты, а без нее терялось управление войсками; нарушались плановые таблицы боя: то пехота своевременно не поднимается в атаку, то танки запаздывают, то саперы не сумели в установленный срок выполнить поставленную задачу. Словом, организация взаимодействия в бою оказалась не такой простой вещью, как мы ее представляли в довоенное время. И я, не скрывая этих неувязок, докладывал начальнику штаба корпуса наши трудности. Вербицкий внимательно слушал, делал какие-то пометки в рабочей тетради, уточнял вопросы.

— Одно скажу вам, товарищ Павлов, нам многому придется учиться и переучиваться,— подводя итог нашему разговору, сказал Вербицкий.

Закончив работу в штабе, он решил ознакомиться на местности с состоянием обороны дивизии.

— Нас с командиром корпуса беспокоит стык вашей дивизии с 253-й. Она полностью еще не восстановила свою боеспособность, вся надежда на вас...

Мы дозвонились до начальника штаба 235-й дивизии и договорились встретиться с ним на высоте, через которую условно проходила разграничительная линия между соединениями.

Прихватив двух бойцов, мы отправились в путь. За

деревней Калгановка свернули налево. Мощенное булыжником шоссе сменилось хорошо укатанной грунтовой дорогой. Справа от нее виднелись брустверы окопов, пулеметные гнезда. Попадались отдельные группы бойцов, занятых окопными работами. Слева изумрудно-зеленой зыбью переливались луга. Спелая трава ждала косарей.

В районе совхоза «Солнцев Берег» мы встретились с начальником штаба 235-й стрелковой дивизии майором Сорокиным. Полковник Вербицкий выслушал наши доклады по организации взаимодействия при различных вариантах боевых действий и высказал ряд замечаний. На обратном пути мы сделали несколько остановок: беседовали с командирами и бойцами, проверяли их готовность к встрече с врагом.

Район деревни Старица. КП 1-го стрелкового полка 3-й дивизии народного ополчения

Александр Гордон, старший политрук, отсекр партбюро полка

Едем к фронту. Ночью на эшелон налетели вражеские самолеты. Машинист то резко тормозил, то рывком набирал скорость. С полок вагона летели каски, котелки. Наш товарный вагон-теплушка скрипел и стонал так, что казалось, вот-вот развалится. Но все окончилось благополучно. На рассвете 21 июля выгружаемся на станции Верест, затерянной в лесах и болотах Волосовского района. Теперь наш путь к деревне Старица, что на правом берегу Луги.

Идем лесными дорогами. Солнце поднимается все выше и выше, и в сосновом лесу становится невыносимо душно. Пот заливает глаза. На привалах бойцы бросаются в поиски хотя бы крохотного ручейка, но июльская жара высушила их.

После полудня прибыли к месту назначения. Вблизи деревни Старица будут располагаться штаб полка и спецподразделения. Пока начальник штаба решает, где кто будет находиться, мы с удовольствием лежим на траве. Меня находят посыльный и говорит, что комиссар полка просит зайти к нему.

Батальонный комиссар Павлов сидел на опрокинутом ящике и писал.

— Александр Семенович, присаживайся! — Он взглянул на меня и кивнул головой на обрубок сосны. — От-

дохнул? А я вот план работы на завтра составляю. Хотел бы согласовать. Ты не против, если проведем расширенное заседание партийного бюро? Доклад командир полка сделает. Я с ним договорился.

Что ответить комиссару? Почему он, а не мы, партбюро, решает вопрос о заседании? Не могу привыкнуть к армейской структуре, к взаимоотношениям с командиром и комиссаром. У меня такое чувство, будто партбюро и я, как секретарь, выполняем какую-то второстепенную роль. Вероятно, просто еще не осмыслил особенностей армейской партполитработы и продолжаю быть инструктором Фрунзенского райкома партии.

Обстановка внесла коррективы в наши планы. Заседание бюро отменили. Получили приказ командира корпуса в ночь с 21 на 22 июля вывести батальоны в назначенные районы. Я и отсекр бюро ВЛКСМ Горбунов отправились в подразделения работать с людьми.

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Восточнее деревни Пашково. 329-й стрелковый полк 70-й стрелковой дивизии

Александр Строилов, старший лейтенант, командир роты

После очередной стычки с противником по приказу сверху начали отводить подразделения на новый рубеж. Комбат Шиновский сказал, что, вероятно, в районе села Б. Медведь зайдем оборону.

Где-то справа грохочет артиллерия. Чья? Наша? Противника? Может быть, там и появилась опасность, которая заставила командование принять решение отойти на указанные рубежи? Очень невысока ротная «колокольня», чтобы с ее высоты оценивать общую обстановку. Но горько оставлять врагу политую кровью родную землю.

Двигаемся друг за другом. Двадцать шесть злых, измотанных, полуголодных бойцов. С нами два ручных пулемета и один станковый, два-три десятка патронов на брата. Вот и вся наша сила. Неделю назад у меня было 115 бойцов.

После привала исчез красноармеец Суханов. Он, как мне сказали, из мест ~~В~~ Деревне Ночное у него родня. Там теперь немцы. Где он? Нас осталось двадцать пять человек. Ни одного командира взвода. Весь ротный «военный совет» — я, три младших командира и старшина.

Идти стало труднее, продираемся через болото. Под ногами хлюпает темно-бурая жижа. Иду впереди. За мной ступает связной Ахметов. Смелый парень. Мастер на все руки: и костер разожжет, и сапоги починит, и стреляет метко. Замыкают колонну старшина роты и сержант Савельев.

Начинает светать. По моим расчетам, прошли километров пятнадцать. Артиллерийской канонады не слышно.

Документальная строка

Из политдонесения политотдела 2-й ДНО в Политуправление Северного фронта: «...особо ожесточенный характер имели бои в ночь с 20 на 21 июля, когда полками дивизии проводилось решительное наступление. Наши части в этом наступлении проявили исключительное упорство и мужество. 1 сп ворвался в с. Ивановское, захватил его северную часть, но под ураганным огнем противника часть из Ивановского отошла, заняв, однако, лучшие позиции для обороны под селом Ивановское... Начальник политотдела 2-й ДНО батальонный комиссар Красовский».

22 ИЮЛЯ ★ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Штаб ВВС Северного фронта

Александр Александрович Новиков, генерал-майор авиации, командующий ВВС фронта

На земле установилось некоторое затишье. Но в воздухе продолжают ожесточенные бои. Фашисты делают попытки крупными силами прорваться к Ленинграду. Сегодня в сводке Совинформбюро сообщалось о том, что 20 и 21 июля противник дважды пытался совершить налет на Ленинград.

Утром 20 июля мне доложили, что курсом на Ленинград с юга в сопровождении двенадцати «мессершмиттов» идут девять «юнкерсов». Отразить вражеский удар приказано летчикам 7-го истребительного корпуса ПВО.

В районе Салюзи противника перехватило звено из 14-го истребительного авиаполка в составе Евстигнеева, Головина и Зинченко. Они сбили два самолета врага. Завязался бой. На помощь нашим подоспели летчики из 19-го истребительного полка. Немцы, потеряв десять машин, обратились в бегство. В этой воздушной схватке отличился молодой летчик лейтенант В. Клыков. Он уничтожил «мессершмитт». Но и его машину фашистам удалось поджечь. Клыков не сразу покинул горящий самолет. Он тараном сбил еще одну вражескую машину и лишь потом выбросился с парашютом.

21 июля тридцать Ю-88 и Ме-110 едва не прорвались к городу. Огонь наших зенитчиков и яростные атаки советских истребителей заставили фашистов повернуть назад. Сбито пять вражеских машин.

Сегодня в налете на город участвовало почти девяносто фашистских самолетов. Для их отражения мы подняли семьдесят пять истребителей. На подступах к Ленинграду разыгралось воздушное сражение. Лишь двум или трем вражеским бомбардировщикам удалось прорваться через наш заслон. Тринадцать «юнкеров» нашли себе могилу на советской земле.

Нашим авиаторам очень трудно. Сил у нас недостаточно. Новые формирования только еще готовятся. И меня, как командующего ВВС, постоянно беспокоят вопросы, как сгруппировать авиацию, за счет чего и какие направления усилить, чтобы хотя бы в какой-то мере нейтрализовать численное и качественное преимущество авиации противника. В последнем мы сильно проигрываем врагу. У нас еще преобладают старые машины И-16, имеющие скорость 450 километров в час и вооруженные четырьмя пулеметами калибра 7,62 миллиметра. Новые машины Як-3 с 20-миллиметровой пушкой, МиГ-3, имеющие скорость свыше 600 километров в час и вооруженные реактивными снарядами и крупнокалиберными пулеметами, только начинают поступать в авиационные полки.

Помимо организационно-технических и тактических вопросов немаловажное значение имеет моральное состояние летно-технического состава. В первые дни войны тревожила мысль: как отразятся на настроении и боевом духе авиаторов наши неудачи на фронте, потери, превосходство врага на земле и в воздухе? Ответила сама жизнь. 27 июня в районе Пскова пошел против «юнкера» на таран истребитель младший лейтенант

Петр Харитонов. В тот же день таранил врага летчик И. Мясиков. Через день еще два тарана — С. Здоровцева и М. Жукова.

Не успели вручить первым Героям Золотые Звезды, как мне доложили о таранных ударах капитана Л. Михайлова, лейтенанта А. Лукьянова, старшины Н. Тотомина. Словом, такого мужества, такой готовности к самопожертвованию я, повоевавший в небе Испании, не мог даже предполагать. Моральный фактор, который явно недооценили гитлеровские генералы, стал нашим мощным оружием.

Кингисеппское направление. Деревня Язвище. НП командира батареи 1-го Ленинградского артиллерийского училища

Василий Грицаев, старший лейтенант, командир батареи

Кировцы доложили, что противник что-то замышляет. Он всю ночь сосредоточивал войска на правом фланге. Возможно, попытается прорваться на Слепино. Получаю приказ командира дивизиона занять огневые позиции по опушке леса севернее деревни Язвище.

На галопе выезжаем в назначенный район. Здесь, где дорога на Слепино уходит в лес, я и выбрал место для огневых. Орудия расставил так, чтобы прикрыть дорогу. Окопались, приготовились стрелять прямой наводкой.

День обещал быть жарким. На небе ни облачка. Около девяти часов гитлеровцы открыли по боевым порядкам кировцев артиллерийский огонь. Били и по селению. Минут через двадцать деревни Язвище как не было — сгорела.

Фашисты рассчитывали, что ветер будет в нашу сторону и огонь заставит курсантов покинуть окопы на восточной окраине деревни. Но ветер внезапно переменял направление. Вражеским танкистам пришлось обходить деревню с восточной стороны, чтобы выйти на дорогу.

Я решил бить по танкам врага прямой наводкой с 200—250 метров. Но у нас не было бронебойных снарядов. Как быть? Вспомнил, что однажды на занятиях по артстрелковой подготовке мы подобную задачу решали: использовали шрапнельные снаряды, трубку в этом случае ставили на удар.

Из-за пылавших изб показались первые неприятельские машины. Они двигались на Слепино, явно нас игнорируя. Танки приблизились к нам метров на триста. У разведчика Иванова сдают нервы. Он кричит:

— Да почему же мы не стреляем?

— Замолчи! — приказываю ему, а сам чувствую, как приливает к голове кровь, холодная испарина выступает на теле. Такой момент! Лишь бы ребята не дрогнули. Командую: — Первое, прямой наводкой, огонь!

Наводчик Макаров первым же снарядом попал в гусеницу. Танк завертелся на месте, а в это время наводчик второго орудия Гридчин метким выстрелом заклинил башню еще одного вражеского танка. Машины остановились. Сделали несколько выстрелов по нашим позициям, но ущерба не причинили. Затем танки развернулись и по полю направились вправо. Здесь их встретил огонь батарей Астафьева и Зонова.

Вечером комиссар дивизиона в политдонесении сообщал итог боя: 22 июля курсантский дивизион 1-го ЛАУ подбил двенадцать фашистских танков.

Лужское направление. Южная окраина города Луги, Лангина гора. Штаб 177-й стрелковой дивизии

Вольф Гринберг, майор, дивизионный инженер

В ночь на 22 июля я находился на КП штаба дивизии. Оказавшись в землянке, решил хоть раз за всю неделю снять сапоги и по-человечески выспаться: со стороны противника активности не ожидалось. Однако вспомнил, что не ответил на последнее письмо жены. Достал его из кармана гимнастерки, перечитал и уселся писать ответ. Запищал зуммер полевого телефона.

— Товарищ майор, перед нашим передним краем противник сделал проходы в минном поле, — докладывал инженер 486-го стрелкового полка старший лейтенант Поплавский.

— Много мин сняли?

— Десятка три. Противотанковых. Проходы обозначили вешками.

Фашисты готовят наступление. Хотят воспользоваться темнотой и рассчитывают на нашу беспечность. Надо их перехитрить.

— Поплавский, слушайте! Немедленно поставьте мины на прежние места. Немецкие обозначения не трогай-

те. Пусть они думают, что мы ничего не заметили. Поняли?

Продолжать письмо я уже не мог: мысли там, в полку. С первыми лучами солнца мы добрались до штаба полка. Красноармеец, охранявший командный пункт, сказал, что командир и полковой инженер ушли на передовую. Я отправился туда же и нашел их на КП батальона.

В сторону Ленинграда косяком прошло несколько самолетов. Где-то слева начали дуэль артиллеристы. Поплавский показал мне проходы, сделанные противником. В бинокль разглядел еле белевшие в траве вешки.

— Владимир Дмитриевич,— обратился я к командиру полка,— огоньком проходы прикрыты?

— Не беспокойся, встретим как положено! — ответил майор Хубулаури.— Пушки поставлены на прямую наводку.

Часов в восемь гитлеровцы пошли. Первыми двигались легкие танки. Ждем. Артиллеристы прильнули к прицелам. Командир полка не опускает бинокль. И вот в грохоте боя слышим характерный взрыв. Из-под гусениц танка летит земля. Машина неуклюже разворачивается.

— Есть! Есть! — как мальчишка, радуется Поплавский.

По подорвавшемуся танку открывают огонь артиллеристы. Градом пуль осыпают фашистов пулеметчики.

— Инженеры! — кричит нам командир полка. — Еще один подорвался. Поздравляю!

Я вспомнил одну из первых встреч с начинжем фронта подполковником Б. В. Бычевским. Когда я докладывал в начале июля наши соображения о минах полях, он резко заметил: «Плохо. Так можно было делать до войны, на учениях. Ставьте мин в три, четыре раза больше. Не жалейте! Действуйте не по шаблону». Как он оказался прав!

Деревня Ропти. НП-батареи 710-го гаубичного артиллерийского полка 177-й стрелковой дивизии

Порфирий Муштаков, лейтенант, командир батареи

К вечеру на наблюдательный пункт приехал командир полка подполковник Стрельцов. Он объявил личному составу батареи благодарность за стрельбу, поинтересо-

вался у бойцов настроением, питанием. Потом сказал мне:

— Показывай, лейтенант, свое хозяйство.

Мы прошли на огневые позиции. Командир осмотрел укрытия, землянки бойцов. Остался доволен. Но я чувствовал, что подполковник что-то не договаривает.

— Молодцы, основательно устроились,— еще раз похвалил меня командир. — Но придется батарею сменить позиции.

Я с удивлением посмотрел на него. Зачем? Мы уже дважды меняли огневые позиции. Командир понял мое недоумение и пояснил:

— Разведка противника усиленно прошупывает левый фланг дивизии, стык с нашей соседкой, 235-й, и кто знает, что он может предпринять. Комдив приказал занять позиции в районе юго-восточнее населенного пункта Бор и поддерживать огнем батальон 502-го стрелкового полка.

Хотя и жаль было расставаться с обжитыми землянками, надежными укрытиями, пристрелянными рубежами, но приказ есть приказ. Было лестно, что командир полка поручает мне, молодому командиру, обеспечение стыка дивизии. Я отлично сознавал, какую ответственность возлагает он на меня.

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Район деревни Городище. 835-й стрелковый полк 237-й стрелковой дивизии

Вячеслав Марак, лейтенант, командир взвода разведки полка

Второй день ковыряем сухую новгородскую землю. Роем окопы, траншеи, котлованы. Саперы ставят мины: «коробочки» — против пехоты, «кастриульки» — противотанковые, заготовливают кольца для проволочных заграждений. Видимо, надолго здесь застрянем.

Комполка подполковник Кибальчич приказал посадить в окопы всех: химиков, повозочных, санитаров. Не пощадил и разведчиков. Наша конная разведка стала теперь обыкновенной пехотой. Оставшихся лошадей передали в полковую батарею, и ребята при возможности бегают к батареям навещать своих четвероногих друзей.

Взводу достался неплохой участок — вдоль берега небольшого ручейка. На суглинке. У моего приятеля,

командира стрелковой роты Крыжевского, куда хуже. Бойцы только и знают отбивать лопаты. А ему приказано отрыть еще ложные окопы. «У тебя, Крыжевский, рота!» — сказал ему комбат. Хотя вся рота немногим больше взвода.

После обеда к нам пришел секретарь партбюро полка старший политрук Пелевин. Поинтересовался настроением бойцов, посочувствовал, что нас используют не по специальности. «Не беспокойтесь, — сказал, — как только получим пополнение, в первую очередь восстановим роту разведки. Без разведки воевать нельзя». Затем прочитал свежую сводку Совинформбюро. Всюду идут упорные бои. Но медленнее стали наступать фашисты, сбили их с первоначального темпа. И незаметно разговор начинается о наших делах. Вспоминаем, как несколько дней гнали фашистов. А старшего политрука больше интересует, как разведчики настроены воевать в обороне. Что ж, заранее могу сказать, что без приказа не отступят, руками будут душить фашистов и перед танками не струсят. За две недели боев я узнал, кто чем дышит. На своего комиссара — замполитрука Василевского, к примеру, как на самого себя могу положиться. Да и такие, как Пахомов и Гаплик, надежные ребята. Хочу просить командира полка присвоить им сержантские звания и назначить командирами отделений. От толкового и смелого младшего командира в бою многое зависит.

Документальная строка

Защитники Лужского рубежа постоянно получают письма от трудящихся города Ленина, коллективов фабрик и заводов с наказом стойко и мужественно бороться с врагом, преградить ему путь к Ленинграду.

На письмо старейших рабочих путиловцев-кировцев ответили ополченцы 2-й дивизии: «Дорогие товарищи кировцы! В своем обращении вы пишете: «Будьте стойкими и храбрыми в бою, умножайте славные традиции питерских рабочих, будьте достойными сынами великого города Ленина, не жалейте жизни своей в боях за Родину, за честь, за свободу». Прошло несколько дней нашей боевой жизни. И много славных подвигов, много примеров храбрости и отваги уже проявили наши бойцы. Ваш наказ, старейших производственников Кировского завода, мы выполним с усердием и честью».

Ленинград. Штаб Северного фронта

Маркиан Михайлович Попов, генерал-лейтенант, командующий войсками фронта

С середины июля стало совершенно очевидным, что противник будет развивать наступление на Ленинград по трем главным операционным направлениям: кингисеппскому, лужскому и новгородскому. Командующему и штабу Лужской оперативной группы становилось все более сложно управлять войсками. Необходимо было найти какую-то более совершенную структуру.

23 июля при очередной встрече главнокомандующий Северо-Западного направления маршал К. Е. Ворошилов сообщил мне, что Ставка одобряет решение о реорганизации управления войсками на Лужской оборонительной позиции. В тот же день решение было закреплено соответствующим документом. Штаб Лужской оперативной группы расформировывался. Создавалось три самостоятельных участка обороны: кингисеппский, лужский и восточный.

Командующим кингисеппским участком стал генерал В. В. Семашко. Ему подчинили 191-ю и 90-ю стрелковые дивизии, 2-ю и 4-ю дивизии народного ополчения, Ленинградское пехотное училище имени С. М. Кирова, приморский сектор береговой обороны, бронепоезда, батареи и дивизионы береговой и железнодорожной артиллерии КБФ. Лужский участок обороны в составе 111-й, 235-й и 177-й стрелковых дивизий, 1-го полка 3-й дивизии народного ополчения, 24-й танковой дивизии, Ленинградского стрелково-пулеметного училища, двух арtpульбатов и арtpолка АККУКС принял командир 41-го стрелкового корпуса генерал А. Н. Астанин. Командовать восточным участком обороны, в который вошли 70-я, 128-я и 237-я стрелковые дивизии, 1-я дивизия народного ополчения, 1-я отдельная горнострелковая бригада и 21-я танковая дивизия, был назначен генерал Ф. Н. Стариков. В тот же период по указанию Ставки расформировали некоторые стрелковые корпуса и на

базе их штабов сформировали штабы участков обороны. Это облегчало управление войсками Лужской оборонительной позиции.

Кингисеппский участок обороны. Район Кингисеппа. КП 191-й стрелковой дивизии

Дмитрий Акимович Лукьянов, полковник, командир дивизии

Командование дивизии срочно вызвали в штаб вновь образованного кингисеппского участка обороны. Командующий генерал Семашко принял нас в своем блиндаже, добротном, сооруженном по всем правилам фортификационной науки, даже с электрическим освещением.

На походном столике лежала карта с нанесенной обстановкой, отражавшей положение сторон. Про себя я отметил, что Валентин Валентинович, только что ставший командующим участком, положение представлял неплохо и вопросы задавал конкретные.

Мы доложили генералу о всех нуждах. Просили выделить для дивизии недостающее количество винтовок, пулеметов, ручных гранат, особенно Ф-1, очень удобных в оборонительном бою, пополнить орудиями противотанковый дивизион и артиллерийский полк. Командующий при нас же отдал необходимые распоряжения начальникам служб. Затем поставил задачи по укреплению обороны. Он предупредил, что со дня на день следует ожидать крупного наступления гитлеровцев.

— Ведите разведку! Днем и ночью. Самое опасное для нас — неведение того, что делает противник, — заключил он.

Военком участка полковой комиссар Мельников заинтересовался настроением бойцов и командиров и тем, как они обеспечены питанием. На эти вопросы отвечал военком Скрыльников. Расплывчатые ответы вызвали неудовольствие военкома участка, человека принципиального и требовательного.

Деревня Слепино. КП ЛПУ имени С. М. Кирова

Яков Васильевич Завалишин, батальонный комиссар, военком училища

Минуло десять дней непрерывных жесточайших боев, характер которых постоянно менялся. То мы шли в наступление, то отбивали атаки противника. Десять дней

непрерывных бомбежек, обстрелов, предельного нервного напряжения. Люди буквально валяются с ног от усталости. Спят при первой же возможности, в любом положении, забывая о еде, о своем внешнем виде: перестают умываться, бриться. Обмундирование износилось. Словом, вчерашних курсантов-кировцев, отличавшихся в Ленинградском гарнизоне своим внешним видом, выправкой и подтянутостью, не узнать.

Изменился на глазах и характер людей. Еще месяц назад у некоторых прорывалось ребячество. За десять дней парни заметно посерьезнели, повзрослели. Большие потери, которые мы понесли в те дни, отразились на моральном состоянии людей. И все же тяжелейшие испытания не сломили духа курсантов. Они верили в свои силы, их сознание и патриотические чувства оказались достаточно высокими.

Как комиссар училища, я не мог не видеть и тех, кто не выдержал испытаний, дрогнул перед натиском врага. Мне передали докладную курсанта А. А. Савина: «Мною совершен очень грубый проступок... Где-то близко около окопа разорвался снаряд, и у меня сильно зашумело в голове. Вот в этот момент я выбежал из окопа и убежал в лес, наткнулся на брошенный окоп и залег в нем. Там я пробыл около 20 часов. Вернулся в расположение взвода, и меня направили в Особый отдел. В прошлом беспризорник. Воспитывался в детдоме. Затем был воспитанником части. Прошу вашего разрешения о направлении меня на передовую линию. Вину свою искуплю, и больше в жизни такого поступка не будет».

Докладную показал начальнику училища.

— Под трибунал будем отправлять? — с какой-то необъяснимой отцовской болью спросил он.

— Поверим, Герасим Васильевич, — говорю ему.

— Вот и хорошо, — посветлело лицо полковника Мухина.

Война обязывала нас принимать крутые меры к паникерам, трусам и дезертирам. Но это было не легко делать. Страшно было совершить ошибку и зря погубить человека. Ведь далеко не каждому сразу удавалось победить в себе первого и главного врага — страх. У иного инстинкт самосохранения подавлял сознание.

Лужский участок обороны. Район деревни Твердыть. Позиции стрелково-пулеметного училища

Николай Семенов, курсант, командир пулеметного расчета

Больше недели стоим в обороне на берегу Луги. Тишина. Ребята купаются, собирают землянику, которой здесь полным-полно. Донимают комары — злейший и пока единственный противник. Костры запрещены, и все оружие против них — махорка да собственные ладони.

Ночью отчетливо слышна артиллерийская канонада. По словам политрука, севернее сражается Кировское пехотное училище, а южнее — какой-то стрелковый корпус. Что мы здесь торчим, среди болот и непроходимых лесов? Непонятно. Политрук говорит, что мы прикрываем важное направление на Ленинград, наша задача не допустить высадки десанта и прорыва немецких танков.

Высадка десанта, конечно, возможна. Но танки здесь вряд ли пройдут. Уж какой день над нами кружит гитлеровский самолет-разведчик. Сегодня он летал около двух часов. Что он высматривает? Надо быть начеку!

Муравейно. КП 486-го стрелкового полка 111-й стрелковой дивизии

Виталий Канонюк, старший сержант, отсекар бюро ВЛКСМ полка

Позавчера разведчики ушли в тыл противника. Их повел Иван Сухов, необыкновенно удачливый, хитрый и опытный следопыт, воевавший еще на Карельском перешейке.

Все эти дни мы переживали за ребят. И вот они вернулись. Привели с собой «языка», лет двадцати солдата. Одет в серый мундир. Пилотка небрежно сдвинута набок. На ногах какие-то коричневые полусапожки.

Пленный всегда вызывает любопытство, и вокруг него сразу же образовался круг. Гитлеровец уселся на камень, похлопал рукой по карманам мундира и знаком показал, что хочет курить. Кто-то моментально протянул ему пачку «Беломора». Бойцы возмущенно зашумели. Пленный спокойно, не обращая внимания на шум, закурил и что-то стал говорить. Не понимая языка, бойцы продолжали разглядывать чужеземца.

— Ах ты сволочь! — вдруг рванулся к нему наш радист, неплохо знавший немецкий язык.

— Что он сказал? Переведи! — попросили ребята.

— Говорит, что, когда мы будем у них в плену, он тоже угостит прекрасными немецкими сигаретами. А сейчас у него нет даже марок, чтобы рассчитаться с русским солдатом.

Бойцы продолжали возмущаться, все ближе подходили к пленному. Гитлеровец перепугался, побледнел, что-то быстро заговорил, снял с руки часы и стал их совать бойцам. Не знаю, чем бы это все кончилось, но из землянки вышел майор Воробьев и потребовал прекратить безобразие. Шум смолк. Пленный вскочил, вытянулся и стал объяснять майору, что он не фашист, а простой солдат, что в Германии он был рабочим. Командир полка слушать не стал и приказал отвести гитлеровца к начальнику штаба.

На допросе пленный показал, что он служил денщиком у начальника штаба пехотного полка 269-й пехотной дивизии. По поручению майора отправился в ближайшую деревню найти мед и случайно заблудился, что он русских не убивал и просит поступить с ним так же.

Деревня Ташино. КП 732-го стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии

Иван Смирнов, лейтенант, помощник начальника штаба полка по разведке

В полк поступило пополнение. Среди прибывших немало добровольцев-ленинградцев, коммунистов и комсомольцев. Многие из них назначены политбойцами. Я познакомился с политбойцом Афанасием Ионовичем Голофаевым. Член партии, машинист паровоза.

Афанасий Ионович — участник гражданской войны. Служил в войсках Буденного, был четыре раза ранен. Знает станковый пулемет, хорошо стреляет из винтовки. Я попросил комиссара полка назначить Голофаева в разведроту заместителем политрука. Военком спросил, не помешает ли возраст, ведь за сорок перевалило.

Однако я убедил военкома. Возраст не помеха. Голофаев — человек рабочей закалки, опыта и мудрости ему не занимать. И у разведчиков будет иметь авторитет.

Раздобыл я Афанасию Ионовичу нарукавный знак

политсостава — красную звездочку, восемь треугольничков, по четыре на каждую петлицу гимнастерки. Рассказал, что знал о его новых обязанностях.

— Не беспокойтесь, товарищ командир. В гражданскую я коноводом у комиссара полка был, видел, чем он занимался.

Восточный участок обороны. Деревня Городище. ПМП 835-го стрелкового полка 237-й стрелковой дивизии

Федор Езерский, красноармеец, санинструктор

Что-то непонятное творится у нас. Наступление приостановили, хотя неплохо гнали оккупантов. Два дня рыли окопы, говорили, что здесь будем занимать оборону. А сегодня днем вызвали в штаб полка наших начальников — военврача 1-го ранга Яхонтова и политрука санроты. Доктор вернулся явно не в духе. Обычно слова грубого не скажет, а тут набросился на меня: «Почему носилки к месту не прибраны?» Будто я старшина и за порядок отвечаю. Вскоре мы узнали причину. Приказано всех больных и раненых срочно эвакуировать в медсанбат и подготовиться к маршу.

Молча снимаем палатки, укладываем в ящики медицинские инструменты и прочее имущество, грузим их на повозки. Внутри злость кипит: «На новый рубеж отходить будем! Что ж это за новый, коль отходить?»

Темнеет. На дорогу вытягиваются седьмая и восьмая стрелковые роты, пулеметчики, две пушки из полковой батареи. Это авангард полка. Меня и еще троих санинструкторов под командой военфельдшера Алексея Шарпова назначили идти с авангардом.

Военфельдшер объявил маршрут движения: идем на Турскую горку. Словом, не вперед, а назад.

Первые километры идем молча, как и положено в строю, а потом шепотком, погромче начинается разговор. О мирной жизни, о прошлых боях и снова о самом больном: почему отходим? И хотя мы знаем, у каждого бойца, как говорят, свой сектор обзора и обстрела, но и о войне солдат свое суждение имеет.

Мой сосед, что шагает рядом, пожилой солдат. Его все Савельичем зовут. Он божится: собственными ушами слышал, что командиры говорили о прорыве крупных сил фашистов на Лугу и Шимск. А нас отводят, чтобы не попасть в окружение.

Документальная строка

23 июля в «Правде» опубликованы секретные документы германского главного командования о подготовке немецко-фашистскими войсками широкого применения отравляющих веществ в войне против СССР. Документы и химическое имущество 2-го батальона 52-го химического минометного полка, в том числе инструкция «Стрельба химическими снарядами и минами», захвачены в районе Ситни войсками Северо-Западного фронта.

Приказ наркома обороны СССР требовал «сделать службу химической защиты частью боевого использования войск и самым решительным образом пресекать недооценку химической опасности».

24 ИЮЛЯ ★ ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Смольный

Николай Дмитриевич Шумилов, секретарь Ленинградского горкома ВКП(б)

Во второй половине дня 24 июля в Смольном состоялось первое с начала войны собрание партийного актива Ленинграда. Его участники были вызваны в Смольный повестками. Присутствовали секретари и ответственные работники обкома и горкома ВКП(б), секретари райкомов партии, парторги ЦК ВКП(б) на предприятиях, военные товарищи, советские и хозяйственные руководители, профсоюзные и комсомольские работники, редакторы газет.

Собрание состоялось в Актовом зале, в том самом, где в 1917 году В. И. Ленин провозгласил Советскую власть. Открыл его секретарь горкома ВКП(б) А. А. Кузнецов. Он предоставил слово К. Е. Ворошилову. С волнением слушали собравшиеся главнокомандующего Северо-Западного направления об обстановке на фронтах, о положении дел на Северо-Западе. Враг рвется к Ленинграду. Его надо остановить во что бы то ни стало. К. Е. Ворошилов призвал быстрее строить рубежи обороны, мобилизовать для этого ленинградцев, ускорить формирование и обучение дивизий народного ополчения,

Обстоятельства требуют максимального напряжения сил, подчеркнул он.

А. А. Жданов сказал, что многие жители Ленинграда еще не отрешились от беспечности и не все представляют глубину опасности, нависшей над городом. Нужны подтянутость, бдительность, железная дисциплина. Необходим твердый революционный порядок. Нужно всемерно укреплять подступы к городу и сам город, привести в боевую готовность все средства противовоздушной обороны, привлечь для работы максимум сил, в том числе инженерных.

Собрание закончилось пением «Интернационала». Присутствующие были взволнованы. Исполняя гимн, они как бы клялись быть до конца верными делу Ленина, партии, своему народу, отдать все силы борьбе за Родину, против злейшего врага.

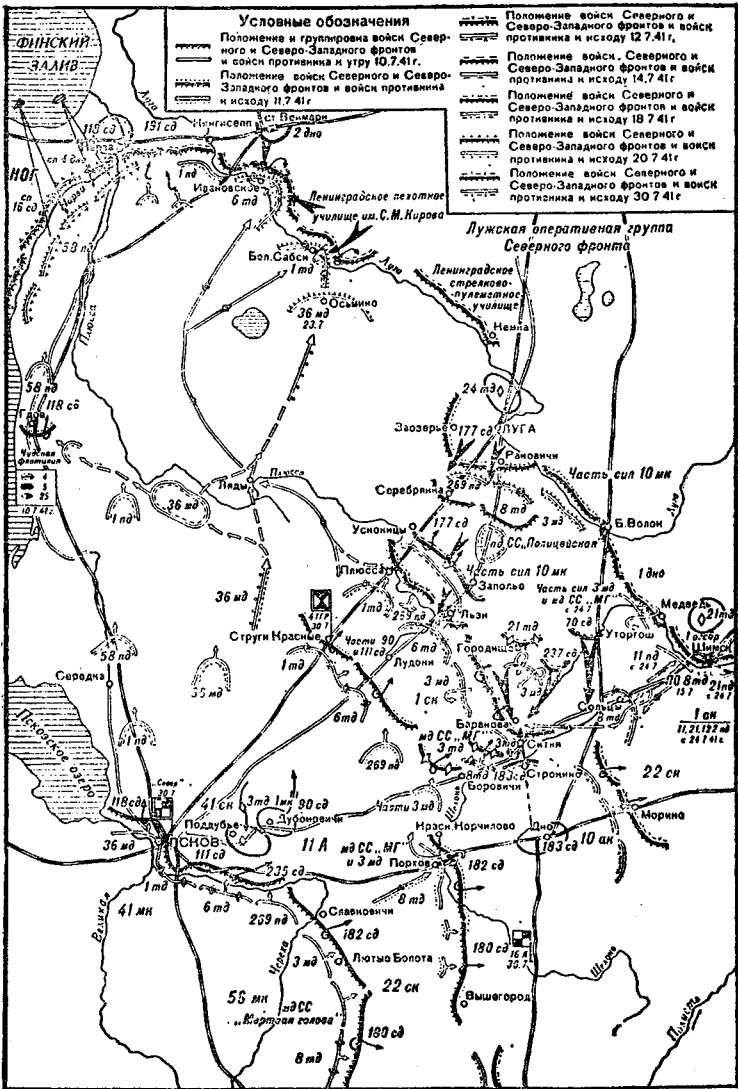
Кингисеппский участок. Деревня Слепино. КП ЛПУ имени С. М. Кирова

Яков Васильевич Завалишин, батальонный комиссар, военком училища

Левее нас вдоль лесистого берега Луги заняла оборону 90-я стрелковая дивизия. Училище вошло в оперативное подчинение командиру дивизии. Мы несколько сократили свою полосу обороны и с таким соседом на левом фланге стали чувствовать себя спокойнее.

Вчера командир дивизии полковник Вехин принял решение силами училища и 268-го стрелкового полка провести небольшую вылазку с целью улучшения наших позиций — попытаться выбить противника из Сабска. Все, казалось бы, предусмотрели. После короткой артподготовки 268-й стрелковый полк атакует гитлеровцев на левом фланге, где у них обороняется не более роты. Училище наступает в центре и овладевает деревней.

И вот атака. Курсанты дружно перемахнули через брустверы окопов и рванулись в дымящийся населенный пункт. Вскоре их уже не было видно. Прошло минут двадцать. Из Сабска слышна перестрелка. Она то в центре селения, то смещается влево. Мы нервничаем: от комбата капитана Сергеева никаких известий. Связи с ним нет, потому как у начальника связи крайне ограниченное количество кабеля и аппаратов. Остается ждать посыльного.

Боевые действия на лужском и новгородском направлениях (10—30 июля 1941 г.).

Наконец появляется курсант, посыльный от Сергеева. По его лицу нетрудно понять, что случилось серьезное.

— Комбат приказал доложить... Пехота соседей отходит... Ее танками давят... Огонь нужен,— едва переводя дух, сбивчиво говорит курсант.

— Где батальон? — Мухин склоняется над картой. — Покажите, где противник?

Курсант проводит линию по юго-восточной части поселка. Сабск наш! Мухин вырывает листок из записной книжки и пишет: «Держитесь! Хоть бы один час. Помощь организуем».

— Возвращайтесь и передайте комбату: «Надо держаться!» — Мухин вручил записку курсанту.

Начальник училища вызвал по телефону артиллеристов и упросил их дать минут на десять сосредоточенный огонь по юго-восточной части Сабска.

— Григорий Иванович! — Теперь уже Мухин сумел связаться с командиром 90-й дивизии. — Как обстановка у твоих? Плохо? Где они сейчас? Отходят на прежние позиции...

Усилием воли Герасим Васильевич сдерживает себя. Поправить что-либо уже поздно, и одному Сергееву в Сабске не удержаться.

Лужский участок обороны. Город Луга. Райком ВКП(б)
Иван Дмитриевич Дмитриев, секретарь райкома партии

Всю ночь напролет в райкоме шла напряженная работа. Лишь под утро, оставшись один, я задремал за столом. Разбудил телефонный звонок.

— Иван Дмитриевич, вы? Говорит Петрова. Фашисты двигаются к Луге.

— Откуда ты говоришь? Какие фашисты?

— Из Югостиц, из правления колхоза. Уже прошли двадцать танков и автомашины с солдатами. Иван Дмитриевич, я решила...

Что решила Тося, узнать не удалось: оборвалась связь.

Звоню на командный пункт 177-й дивизии Машошину. Он не ответил. Попросил начальника штаба и передал ему сообщение Петровой.

— А она ничего не напутала? — усомнился Павлов.

— Не думаю, Петрова достаточно серьезная девушка и понимает ответственность за такую информацию.

Вслед за Петровой позвонила заведующая наволокской почтой Вера Егорова. Гитлеровцы в Наволоках, а это в восемнадцати километрах от Луги.

Южная окраина города Луги. Лангина гора. КП 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

Около двух часов ночи начальник разведки дивизии майор Масленников доложил, что южнее озера Черемнецкое разведчики прослушивают гул моторов. По его предположению, там накапливается противник. Я приказал выдвинуть небольшую группу вперед и уточнить сообщение.

На рассвете позвонил секретарь Лужского райкома партии Дмитриев. Он передал сообщение о появлении противника в районе Наволоки — Югостицы. Это уже вызывало тревогу.

Звоню оперативному дежурному штаба корпуса. Хотелось узнать, известно ли им что-нибудь о действиях противника в полосе нашего соседа — 235-й дивизии. Дежурный ответил, что с дивизией почти полсуток нет связи. О противнике сведения прежние. Я попросил немедленно доложить о моей информации начальнику штаба корпуса Вербицкому. Затем приказал начальнику оперативного отделения майору Андрееву предупредить полки и артиллеристов о повышении бдительности и направился к командиру дивизии.

Андрей Федорович Машошин, полковник, командир дивизии

Сообщение начальника штаба о появлении на левом фланге противника для меня не было неожиданностью. Я все время чувствовал, что рано или поздно гитлеровцы заинтересуются стыком с 235-й и, получив отпор в центре, будут прорываться на флангах. Хотел было позвонить в 235-ю дивизию, спросить об обстановке, но вспомнил, что после вчерашней бомбежки связь еще не восстановлена.

Начальник штаба доложил о предварительных распоряжениях, отданных войскам. Я согласился, что в первую очередь необходимо усилить наблюдение за противником по всей полосе обороны дивизии. Не исключе-

но, что действия противника на левом фланге являются отвлекающим маневром. И почему бы нам не нанести удар по противнику первыми, пока он не сосредоточился и не повел разведку?..

— Иван Семенович, а как ты смотришь на то, чтобы мы своим 502-м полком прощупали фашистов?

— Если не упустим время, толк может быть.

Так и решили. Я дал необходимые указания начальнику штаба и собрался ехать в 502-й стрелковый полк, командный пункт которого находился в деревне Ропти. Но не успел выйти, как меня позвали к телефону. Звонил командир корпуса генерал Астанин.

— Машошин! Что у тебя случилось? — слышу его характерный, с легкой хрипотцой голос.

Докладываю обстановку.

— Это я уже знаю, — перебивает Астанин. — Что нового?

Ссылаясь на сообщение командира 502-го полка, информирую, что противник выдвигает передовые отряды к нашим позициям. Затем доложил свое решение. Командир корпуса одобрил его и сказал, что отдаст необходимые распоряжения танкистам полковника Чеснокова и командиру 235-й стрелковой дивизии генерал-майору Лебедеву.

— Будем наносить контрудар, а не «булавочный укол», — подвел итог разговору командир корпуса.

Решение генерала Астанина мне было по душе. Надо не отбиваться, а бить врага!

Северо-западнее деревни Ропти. КП артполка АККУКС
Георгий Федотович Одинцов, полковник, командир артполка

Рано утром позвонил Машошин:

— На стыке с 235-й дивизией сосредоточиваются крупные силы противника. Вероятно, замышляет выйти на Лугу. Помогай!

Дал команду 3-му дивизиону артполка АККУКС и командиру 51-го корпусного артиллерийского полка развернуть батареи для ведения огня по деревне Наволоки, расположенной на восточном берегу Черемнецкого озера. Командиров дивизионов предупредил, чтобы они были готовы прибыть ко мне на НП, имея с собой радиостанции.

До Череменецкого озера было не меньше двух десятков километров. Водитель гнал машину насколько было возможно. Вскоре мы прибыли на северо-восточный берег озера в район санатория «Красный вал». Я облюбовал высотку, с которой хорошо просматривалось почти все озеро, и стал наблюдать за его противоположной стороной. Там то подъезжали, то отъезжали грузовики, автоцистерны, легковые машины. Левее шоссе шла перестрелка.

Через некоторое время ко мне прибыл старший лейтенант Черняев, командир дивизиона нашего арtpолка.

— Рация с вами? — поинтересовался я. — Выходите на связь. Видите скопление машин в Наволоках и Солнечном Берегу? Готовьте в район Наволок сосредоточенный огонь.

Черняев умел точно стрелять. Он быстро подготовил данные, передал на батарее. Над нами прошуршал снаряд и разорвался в озере. Черняев прибавил прицел. Дивизион дал залп по цели.

Минут через пятнадцать вступили в дело дивизионы 51-го корпусного артиллерийского полка. Неожиданный и массированный артогонь вызвал панику в стане противника. Гитлеровцы стали откатываться назад к деревне Югостицы.

Ропти. КП 502-го стрелкового полка 177-й стрелковой дивизии

Яков Михайлович Шапиро, майор, командир полка

Я находился на КП в Ропти, когда около пяти утра командир 3-го батальона доложил, что в районе Наволок слышен шум моторов. А через несколько минут позвонил начальник штаба дивизии. Он предупредил, что, по данным разведки, противник сосредоточивает силы в районе стыка с 235-й дивизией.

Мы с комиссаром выехали на КП 3-го батальона. На месте комбата не оказалось, красноармеец-связист сказал, что он ушел в роту. Я вышел из блиндажа. Со стороны Наволок доносились автоматные очереди. Редко стреляли орудия. Навстречу мне бежали бойцы. Остановил нескольких, узнал, что они из 801-го стрелкового полка 235-й дивизии, находились в боевом охранении. Их атаковали автоматчики противника и потеснили.

Пока я разбирался с ними, подошел командир батальона и вместе с ним лейтенант из 235-й дивизии. При-

казал лейтенанту собрать бойцов и немедленно вернуться на позиции, а сам вместе с комбатом занялся уточнением обстановки. Пока противник действовал небольшими группами, вел разведку. Но не исключались и крупные силы. Придя к такому выводу, вернулся в Ропти на командный пункт.

Здесь уже находился полковник Машошин. Как обычно, скорее по привычке, чем по необходимости, он отругал меня за то, что якобы прозевал накапливание противника, но, услышав артиллерийскую канонаду, удовлетворенно улыбнулся:

— Сейчас Одинцов им даст. Молодец! Вовремя успел.

Из этой реплики я понял, что артиллерийская группа дивизии уже получила задачу на сосредоточенный огонь по скоплению живой силы и техники противника и приступила к ее выполнению.

— Смотри сюда, майор! — Андрей Федорович достал из потертой планшетки карту. — Вместе с 801-м полком 235-й дивизии и танковым батальоном из 24-й наносишь удар по противнику юго-восточнее Наволок и развиваешь наступление на Югостицы. Другой танковый батальон 24-й дивизии с десантом мотострелков будет наступать в обход Черменецкого озера и нанесет удар в районе Великого Села во фланг и тыл фашистской группировки. Запомни! Времени на подготовку нет. А теперь поехали, все уточним на местности.

Расчет на внезапность и решительность действий наших подразделений оправдался. В первый день боя мы продвинулись на восемь — десять километров.

Деревня Дрегли. КП 732-го стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии

Иван Смирнов, лейтенант, помощник начальника штаба полка по разведке

Накануне мы договорились с начальником разведки дивизии майором Ивановым поехать в район деревни Борки, где находились позиции боевого охранения полка, и встретить выходящую из тыла противника дивизионную разведгруппу.

Едем лесом, потом лугом. Роса еще не сошла, и трава казалась седой. Дорога спустилась к реке и пошла вдоль берега Луги. Здесь передний край обороны. Остановились возле пулеметчиков. Сержант, командир рас-

чета, доложил о выполняемой задаче. Мы уже собирались ехать дальше, как он неожиданно сказал:

— Товарищ майор, в той стороне,— он показал рукой в направлении Югостиц,— почти всю ночь гудели моторы.

— А ты не ошибаешься?

— Нет.

Мы переглянулись.

За деревней Холуи переехали через мост и направились к боевому охранению. До деревни Борки оставалось километра два, когда явственно стали слышны гудки автомашин, громыхание танков. Оставив машину в лесочке, мы кустами подошли почти к самой дороге и застыли в изумлении. По ней сплошным потоком двигались грузовые машины. К некоторым были прицеплены орудия, какие-то фургоны. Мы насчитали около сотни, а машины все шли и шли.

Город Луга. 49-й танковый полк 24-й танковой дивизии
Юрий Круковский, старший сержант, командир танка

Утром 24-го нам сыграли тревогу. Пока механики-водители проверяли машины, нас собрал командир батальона старший лейтенант Соколов и поставил задачу. Она состояла в том, чтобы обойти с запада озеро Черемнецкое, выйти к населенному пункту Конезерье, а затем в районе Великого Села ударить фашистам во фланг и тыл.

Первые километры шли с открытыми люками. За озером усилили наблюдение. Лес кончился, и дорога пошла через ржаное поле. На гребне высотки показались деревенские избы. Развернулись в боевую линию. Слева от меня машина замполитрука Толи Соколова. Он выполняет обязанности политрука роты, а в бою действует как командир машины.

И для меня, и для Панферова, механика-водителя, и для башенного стрелка Славика это первый бой. Меня то охватывает нетерпение поскорее встретиться с противником, а то вдруг становится страшно. Ребята, которые уже побывали в боях, рассказывали, что у фашистов противотанковая артиллерия сильна и пушек предостаточно.

— Командир! Справа автоколонна! — кричит мне Славик,

Я прильнул к оптическому прицелу. Четко вижу, как из леса к деревне идут машины.

— Осколочным — заряжай!

Первый выстрел по голове колонны. Разрыв впереди головной машины. Меняю прицел, вновь нажимаю на спуск. Отлично! В прицел вижу разрывы чьих-то снарядов. Догадываюсь: стреляет мой друг Толя Соколов. Его машина стала правее меня. Толя у нас не только политрук роты, но и замечательный командир танка. Он уже успел отличиться. Неделю назад участвовал в боях за Плюссу в группе полковника Родина.

Гитлеровцы заметались. Несколько машин на большой скорости умчались в деревню. Остальные повернули обратно. Нам дали приказ преследовать и уничтожить прорвавшиеся части противника. Но когда мы вошли в деревню, там ни фашистов, ни жителей не было.

Вперед ушла разведка — танковый взвод лейтенанта Тарасенко. Ждем, пока подтянутся наша пехота и артиллерия. Комбат вместе с ротными обходит экипажи, проверяет людей, матчасть. Вид у него озабоченный: горючего в баках осталось немного, а когда подвезут, сказать трудно.

Южная окраина города Луги. Лангина гора. КП 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

День 24 июля по напряженности обстановки был особенным. Не прекращая атак на участке 483-го полка в направлении на поселок и железнодорожную станцию Серебрянка, противник передовыми отрядами вышел в район Наволок. До Луги оставалось около двадцати километров. Создалось угрожающее положение. Остановить врага можно было только мощным артиллерийским огнем и контратакой пехоты. Такую задачу поставил командир дивизии перед артиллерийской группой полковника Одинцова и командиром 502-го стрелкового полка.

С нашей оценкой обстановки согласился командир корпуса генерал Астанин, но контратакой ограничиваться не стал, а решил провести контрудар в направлении Наволоки — Югостицы — Великое Село силами нашей и 235-й стрелковой дивизий во взаимодействии с двумя танковыми батальонами 24-й танковой дивизии. Этими

силами можно было не только остановить противника, но и разгромить его югостицкую группировку.

Решение задачи усложнялось тем, что на организацию взаимодействия с артиллеристами и танкистами времени мы практически не имели. Все вопросы решались в ходе боевых действий.

После массированного удара артиллерии и налета авиации 3-й батальон 502-го полка начал наступление в направлении Наволок. Три стрелковые роты 235-й дивизии с танками пошли в обход Югостиц. Бой продолжался весь день. К вечеру стало известно, что мы перемололи почти два батальона живой силы противника. Ночью провели перегруппировку, чтобы с утра продолжить выполнение поставленной командиром задачи.

Восточный участок обороны. Лес восточнее деревни Верхний Прихон. КП 70-й стрелковой дивизии

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии

Сегодня на нашем участке, как пишут в сводках Совинформбюро, «ничего существенного не произошло». Авиация противника совершала регулярные разведывательные полеты. Наша дивизия продолжала оборонять рубеж Медведь — Бор по восточному берегу реки Мшаги. Справа от нас — 237-я стрелковая дивизия, слева прикрывает подступы к Шимску 1-я горнострелковая бригада.

После почти недельных тяжелых боев приводим части в порядок: получаем пополнение, доукомплектовываемся боевой техникой и оружием. И создаем надежную во всех отношениях оборону, ибо нет сомнений в том, что в ближайшее время противник возобновит попытки прорваться на Новгород.

Документальная строка

Начальник штаба 177-й стрелковой дивизии подполковник И. С. Павлов 24 июля 1941 года доносил в штаб 41-го корпуса:

«1. С утра 24.07.41 г. противник сосредоточил большие силы перед передним краем полосы обеспечения на нашем левом фланге и соседа слева на рубеже: лес вост. Солнц. Берег, Гаскино, в районе Югостиц, Погост Петровский...

Скопление до 300 автомашин с артиллерией в лесу

восточнее Дубровка. Колонна пехоты силой до двух батальонов в движении из Погост Петровский на Горки Петровские...»

Из оперативной сводки штаба 41-го стрелкового корпуса:

«О положении на левом фланге 177 сд к 24.00 24.07.41 г.

1.....

2. Для уничтожения противника в районе Наволоки — Югостицы выделены три стрелковые роты с тремя танками 235 сд, которые отбросили противника от Стрешево и ведут бой севернее и западнее Наволок...

3. 24 тд. Один танковый батальон действует через Подгорье, Холуи, Лунец, ведет бой с противником зап. Югостицы. Второй танковый батальон через Ракович, свх. Ивановское, Люблино, Мал. Конезерье наступает на Велик. Село.

4. Артиллерия ведет усиленный огонь по району Репьи, Югостицы.

5. Наша авиация в составе 8 самолетов с пикирования бомбила противника по дороге Югостицы — Наволоки и вторично в составе 5 самолетов. В деревне Наволок возник пожар».

25 ИЮЛЯ ★ **ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Ленинград. Штаб Северного фронта

Борис Владимирович Бычевский, подполковник, начальник Инженерного управления фронта

25 июля главнокомандующий Северо-Западного направления К. Е. Ворошилов подписал приказ о создании комиссии по руководству строительством оборонительных сооружений. Необходимость создания такого органа диктовалась требованием ускорить строительство оборонительных сооружений вокруг Ленинграда, и в первую очередь завершить строительство Лужского рубежа. В состав комиссии вошли секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов (он стал председателем), председатель Ленгорсовета П. С. Попков, председатель Лен-

облесполкома Н. В. Соловьев, крупнейший специалист в области строительной механики академик Б. Г. Галеркин, директор Кировского завода И. М. Зальцман, академик Н. Н. Семенов.

Столь авторитетный состав комиссии подчеркивал ее широкие полномочия и большой круг задач. Ее решения являлись обязательными для всех партийных, советских, общественных организаций и руководителей предприятий. К строительству и оборудованию оборонительных рубежей комиссия имела право привлекать ученых, инженеров. Она могла проводить мобилизации рабочих и служащих, транспорта.

Ответственность за разработку тактических и специальных вопросов, связанных со строительством оборонительных сооружений, и приемка работ возлагались на генерал-майоров П. А. Зайцева и В. П. Свиридова. В эту же группу включили и меня как начальника Инженерного управления фронта.

Наша тройка была оперативным органом. Мы были обязаны решать конкретные вопросы строительства оборонительных рубежей, согласовывать их с командирами, штабами и строительными организациями.

Оборонительными работами постоянно интересовались товарищи К. Е. Ворошилов и А. А. Жданов. Маршал часто выезжал на строительство и был в курсе всех событий. Однажды он вызвал в Смольный генерала Зайцева и меня. В кабинете главкома находились секретарь горкома партии А. А. Кузнецов и председатель горисполкома П. С. Попков. К. Е. Ворошилов засыпал нас вопросами:

— Почему у вас так много людей на ближних подступах к Ленинграду? Вы где думаете оборонять город, в Красногвардейске? В Петергофе? Оттуда по городу можно из орудий бить! Почему у вас под Красногвардейском и Колпином рабочих больше, чем под Лугой?

Маршал конечно же был прав. Действительно, в начале июля работы развернулись именно так. Генерал Зайцев, возглавлявший строительство тыловых рубежей, сосредоточил главные силы и средства вблизи города. Секретари райкомов партии против такого распределения не возражали. Была в этом доля вины и Инженерного управления: считали, что оборонительные рубежи и другие инженерные сооружения в районах, занимаемых войсками, части и подразделения оборудуют своими силами.

— Пора такое местничество прекратить,— заключил К. Е. Ворошилов. — Наряды на отправку людей под Лугу и Новгород надо выполнять в первую очередь.

После встречи с К. Е. Ворошиловым положение резко изменилось. Основная масса рабочей силы, инженерные части и материальные средства стали направляться на Лужский оборонительный рубеж. Комиссия под руководством А. А. Кузнецова привлекла дополнительные силы и средства для строительства оборонительных рубежей. Количество мобилизованных на оборонительные работы увеличилось до 500 тысяч человек. Для технического руководства строительством Инженерное управление фронта направило дополнительное количество командиров и преподавателей Ленинградского военно-инженерного училища, а также привлекло других специалистов-фортификаторов.

Кингисеппский участок обороны. Лес южнее Кингисеппа. КП 191-й стрелковой дивизии

Филипп Иванович Егоров, бригадный комиссар, военком дивизии

Известие о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз застало меня на высших курсах усовершенствования политсостава. Прошел месяц томительных ожиданий. 21 июля получил назначение на должность комиссара 191-й стрелковой дивизии и через день выехал в Ленинград.

После беседы с начальником Политуправления Северного фронта я отправился в дивизию. Ранним утром прибыл в Кингисепп. На улицах ни души. Разбитые окна, пожарища, кирпичная пыль на мостовой... Война добралась и до этого уютного городка.

Покружив между противотанковыми надолбами и завалами, я вместе с политруком, встретившим меня в Кингисеппе, выбрался из города. Наша машина свернула на проселочную дорогу. На ее обочинах были открыты узкие щели, предназначенные для истребителей танков. Дорога привела нас в редкий сосновый лес, где размещался штаб 191-й стрелковой дивизии. Оставив немудреные походные пожитки, я направился к командиру дивизии полковнику Лукьянову.

Дмитрий Акимович уже знал о моем назначении и встретил радушно. Он познакомил меня с начальником

штаба дивизии подполковником Талызиным. Предложил с дороги позавтракать.

— Сейчас гитлеровцы продирают глаза, потом эрзац-кофею попьют и начнут воевать,— со злой иронией пояснял мне комдив. — А в десять вечера у них отбой. По ночам только разведка действует.

По тону, каким все это говорилось, нетрудно было понять, что инициативу на этом участке фронта держит в своих руках противник и комдив не надеется ее вырвать. Почему? Чем дольше я слушал командира и начальника штаба, тем яснее становилась общая картина.

Фронт дивизии почти 35 километров. В последних боях полки понесли потери. Перспектив на пополнение в ближайшее время нет, дивизия обороняется на второстепенном участке. Словом, для себя я сделал вывод: надо поднимать боевое настроение, повышать боевую активность начиная с командиров. В тот же день отправился в полки.

Район деревни Слепино. НП 1-го дивизиона 1-го ЛАУ

Василий Грицаев, старший лейтенант, командир батареи

Командир дивизиона капитан Ложкин сообщил, что отныне наш дивизион вошел в состав 94-го артиллерийского противотанкового полка 14-й артиллерийской противотанковой бригады. Он предупредил, что ночью дивизион будет менять позиции.

Начинало темнеть. Жду приказа. Проходит час, другой. Уже совсем темно, а от командира дивизиона нет никаких известий. Впереди нас была курсантская рота Кировцев. Но она снялась и ушла. Куда? Никто не знает. Противник начал бросать осветительные ракеты: то впереди, то справа, то слева. Что это? Мы оказались в полукольце? А тут еще трассирующие пули со всех сторон небо чертят, страх нагоняют.

Послал двух курсантов на КП командира дивизиона. Через час они вернулись и доложили, что на КП никого нет. Вот так номер!

Принимаю решение отойти на старые огневые позиции в район Слепино. Там наши тылы. Они-то уж наверняка на месте. Приказываю подготовиться к маршу, соблюдать полную маскировку. Командирам взводов и орудий приказываю тщательно проверить наличие людей, оружия и имущества.

Что делать с ранеными? Кто-то из курсантов сказал, что неподалеку от нас видел машину с красным крестом. Идем. В ложине около дороги стоит «санитарка». Рядом девушка-сандружинница. Спрашиваю, как она попала сюда, из какой части.

Девушка вначале замялась: хотя я и командир, но человек неизвестный. Потом сказала, что приехала за ранеными, а свою часть не нашла: то ли с дороги сбилась, то ли место ей неверно указали. И теперь не знает, что делать. Я посочувствовал ей и сказал:

— Бери моих раненых и вези их в Красногвардейск, коль говоришь, что ваш госпиталь находится там.

Вначале она упрямылась, но водитель «санитарки» и я все же уговорили ее. Девушка согласилась взять раненых.

Спустя час снялись и мы. Ехали с потушенными фарами. На всякий случай открыли дверцы кабин. Орудия не зачехлены. Обстановка неясная, надо быть готовыми к любым неожиданностям.

За деревней Слепино нас остановил майор. Он оказался командиром из штаба 94-го артполка и был удивлен, что я не получил приказ о переходе в новый район. Как я понял, майор был в какой-то степени виновником происшедшего. Он по карте указал мне, где должен быть командный пункт капитана Ложкина, объяснил, как до него добраться.

Капитан Ложкин быстро разобрался с возникшим недоразумением и, определив место батареи, приказал прикрывать стык между позициями кировцев и 90-й дивизией.

Лужский участок обороны. Южная окраина города Луги, Лангина гора. КП 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

Как мы и предвидели, противник, потерпев поражение в районе Югостиц, перешел в наступление силами до двух полков пехоты с танками из Лямцево на Сар. Около девяти часов утра ему удалось сломить сопротивление 1-го батальона 483-го стрелкового полка и, вклинившись в его боевые порядки, начать продвижение вдоль железной дороги Псков — Ленинград на Серебрянку.

Обстановка становилась напряженной. Оборона 483-го полка могла не выдержать гитлеровского натиска.

Из штаба полка следуют донесения одно тревожнее другого. Комдив полковник Машошин и начальник артиллерии дивизии полковник Фомин решают прикрыть наших пехотинцев огнем всей артиллерийской группы дивизии.

Втроем определяем рубежи неподвижного заградительного и сосредоточенного огня. Машошин и Фомин выезжают в полк. Туда же вызваны полковник Одинцов, командиры артполков дивизии и корпусного артполка. Я остаюсь в штабе. Через штаб идет информация в корпус. Мы следим за обстановкой на флангах, координируем действия частей и служб дивизии.

Огневой заслон, поставленный нашими артиллеристами, оказался весьма эффективным. Противник вынужден был откатиться назад и прекратить атаки. Наши подразделения продолжали закрепляться.

Однако успокаиваться, как оказалось, рано. Днем противник вновь возобновил наступление. На этот раз в направлении Крошново — Малые и Большие Озерцы. Опять с воем носились его пикирующие бомбардировщики, гудела и содрогалась земля от разрывов бомб и снарядов.

В такой напряженной обстановке ни командир дивизии полковник Машошин, ни командир полка подполковник Харитонов конечно же не могли отсиживаться в блиндажах. Они понимали, что их присутствие в самом пекле боя оказывало огромное моральное влияние на бойцов и командиров. И когда я спросил по телефону начальника штаба полка Богатырева: «Где Машошин?» — он ответил: «Ушел вперед!»

У меня появилось какое-то тревожное предчувствие. Вновь позвонил в полк. «Ромашка», позывной полка, не отвечала. Пришлось ждать, пока связисты устранят обрыв на линии. Но мой разговор опередил звонок из штаба 483-го. Слышно плохо, но все же я уловил тревожную интонацию в голосе капитана Богатырева.

— Товарищ подполковник, у нас несчастье. Убит командир. — Богатырев замолчал.

«Неужели погиб Машошин?» — ужалила мысль.

— Кто? Повторите!

— Погиб Харитонов...

Позже выяснилось, что командир полка в критический момент остановил дрогнувших бойцов. Собрал их и сам повел в контратаку. Шальная пуля сразила командира — любимца полка. Ярость бойцов не имела предела. Дрались штыками, прикладами, но противник про-

должал усиливать нажим, и сильно поредевшие роты, цепляясь за каждый овражек, за каждый бугорок, отходили.

Бой продолжался до самого вечера. Ценой огромных потерь гитлеровцам удалось к исходу дня выйти на рубеж Серебрянка — Городец. Здесь контратаками и огнем дивизионной группы противник был остановлен.

Командир корпуса поставил задачу на следующий день: совместным ударом пехоты и танков выбить противника с занятого рубежа и восстановить положение. Группа командиров штаба и политотдела отправилась в 483-й полк помочь его командованию готовить подразделения к новым боям. Мы все понимали, что потеря командира полка тяжело отзовется на моральном состоянии личного состава, тем более что сведения о гибели командира были самые противоречивые. Одни говорили, что Харитонов был сражен наповал, другие утверждали, будто подполковник был лишь тяжело ранен, а убитыми оказались те, которые пытались его вынести. Потерю переживали все. Но острее всех командир дивизии. Не только потому, что он испытывал особую привязанность к Николаю Михайловичу. Мне кажется, он считал себя виновным в гибели Харитонова.

Юго-восточнее деревни Бор. НП батареи 710-го гаубичного артиллерийского полка 177-й стрелковой дивизии
Порфирий Муштаков, старший лейтенант, командир батареи

Мой наблюдательный пункт оборудован на самой макушке вековой сосны: площадка, на которой стоит стереотруба, между двух толстых сучков скамеечка, рядом — небольшой столик, телефонный аппарат. Обзор — километров на десять. Слева серебристыми блестками сквозь зеленую толщу леса пробивается Луга, справа — голубая гладь Черемнецкого озера.

На НП провожу почти целые дни. Результаты наблюдения записываю в журнал и докладываю командиру дивизиона старшему лейтенанту Ненашеву. Сегодня, 25 июля, первую запись сделал в 6.00: «В направлении Торашковичи проскочили две грузовые машины в сопровождении мотоциклистов».

7 часов 30 минут. Звонит Ненашев. Спрашивает о новостях, о том, как ведет себя фашистская батарея, которую мы вчера засекли. Отвечаю: пока молчит, навер-

ное, завтракают. Командир дивизиона приказывает: если батарея противника вновь обнаружит себя, подавить.

Восемь часов. На опушке леса правее деревни Репьи блеснул огонь. И вскоре донесся глухой раскат орудийного выстрела. Гитлеровская батарея заговорила. Командую исходные данные и вскоре слышу тяжелый вздох своих гаубиц. Чуть правее леса появляются четыре разрыва. Быстро ввожу корректуру и вновь командую: «Огонь!» В районе вражеской батареи два черных столба дыма. Не иначе — угодили в склад боеприпасов. Батарея противника замолкла.

Так первый раз мы выиграли единоборство с вражескими артиллеристами.

Восточный участок обороны. Южнее деревни Сосенка. КП 2-го стрелкового полка 1-й дивизии народного ополчения

Иосиф Михайлович Лебединский, полковник, командир полка

Противник на нашем участке фронта заметно активизировался. Подтянув свежие силы, он начал прощупывать боевые порядки дивизии.

Первым принял бой с разведывательным отрядом противника батальон капитана А. Ратникова. При поддержке 541-го корпусного гаубичного артиллерийского полка ополченцы разгромили фашистов, почти не понеся потерь со своей стороны.

После этого боя и мы решили активизировать свои действия. Даже частный тактический успех батальона или роты позволял бойцам почувствовать свою силу.

Предложения доложили командованию дивизии и получили поддержку. К нам приехали комиссар и начальник штаба дивизии. Они помогли подгруппировать батальон старшего лейтенанта В. Малетина для действий против опорного пункта противника.

В ночь на 25 июля я отправил полковую разведку с задачей захватить контрольного пленного. Ополченцы удачно решили ее: они привели «языка». Герои-разведчики Шувалов и Перегримов тотчас же попали в окружение бойцов и охотно рассказывали, как им удалось взять гитлеровца.

На допросе пленный показал, что перед нами подразделения 121-й пехотной дивизии. Они недавно полу-

чили пополнение, и, как он слышал, дивизия готовится к походу на Ленинград.

О показаниях пленного мы рассказали бойцам. Сообщение вызвало бурю негодования. Ополченцы-кировцы рвались в бой.

Под утро батальон старшего лейтенанта Малетина занял исходные позиции для наступления. После короткого артналета роты поднялись в атаку. Мне, старому солдату, эта картина знакома. Но такой порыв, такую стремительность видел, пожалуй, впервые. Наши ворвались в боевые порядки противника, завязали ближний бой и продвинулись вперед километра на два-три. Командир дивизии приказал закрепиться.

Большие Угороды. 1-й стрелковый полк 1-й дивизии народного ополчения

Алексей Прядехин, ополченец первой стрелковой роты

Фашистские самолеты и до того летали над нами. Иногда бомбили, чаще обстреливали из пулеметов. Поначалу было страшно, а потом привыкли и к бомбежкам, и к пикировщикам. Даже из винтовок стали по самолетам палить. А сегодня начался настоящий ад. Авиация прижала так, что и головы не поднять. Налет кончился — противник из орудий и минометов стал бить. Окопы ходуном ходят. Дым. Пыль. Грохот. Я кинулся на дно окопа, прижался к стенке. Чувствую, как мелкой дрожью меня трясет и тошнота подступает.

— Почему не стреляешь? — вывел меня из оцепенения голос командира отделения.

Я приподнялся, еще не очень соображая, откуда взялся наш сержант и что вообще происходит. Спросил:

— Куда стрелять-то?

— Ослеп? Видишь, прут?

Только теперь я заметил, как с противоположной опушки леса в нашу сторону медленно двигались группы людей. В их руках танцевали огоньками автоматы. Так вот они какие, гитлеровцы!

Я положил винтовку на бруствер, прицелился и выстрелил. Фашисты продолжали идти как ни в чем не бывало. Я еще раз выстрелил. Что за черт! Мне стало не по себе: неужели попасть не могу? А фашисты идут и идут, трещат из автоматов, и пули над головой — вжик, вжик.

Не знаю, как я догадался посмотреть прицел. Надо же, забыл поставить на нужное деление. Исправил оплошность и выстрелил. Справа от меня тоже раздался выстрел. И в самой середине фашистской цепи один из гитлеровцев повалился. Мне так хотелось, чтобы это произошло от моего выстрела.

Цепь продолжала двигаться на нас. И вдруг над головой что-то засвистело, завывало. Один за другим последовали разрывы артиллерийских снарядов. И тут я услышал работу наших пулеметов. Бойцы побежали вперед. Я тоже выскочил из окопа и побежал вместе со всеми, до хрипоты крича «ура!». И вдруг увидел, как улепetyвают гитлеровские вояки.

Документальная строка

Бюро Ленинградского горкома ВКП(б) приняло постановление «О приспособлении учебных винтовок и пулеметов в боевое оружие». В Красногвардейском районе собрано и отремонтировано 992 винтовки, 15 пулеметов, 2 миномета. Предприятия Выборгской стороны переделали в боевые и передали 4-й гвардейской дивизии 1050 винтовок и 20 пулеметов.

26 ИЮЛЯ ★ **ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Кингисеппский участок обороны. КП 191-й стрелковой дивизии

Николай Дибцев, старший политрук, военком медсанбата дивизии

Бригадный комиссар Егоров назначен военкомом дивизии всего несколько дней назад. Но авторитет его уже прочен. Твердый, решительный, бескомпромиссный, комиссар умеет выбрать главный из множества вопросов. В этом я еще раз убедился, присутствуя на совещании комиссаров частей, которое проводил Егоров.

Начало — ровно в 22.00. Регламент жесткий: пять—семь минут на выступление, и о самом важном. Первым докладывал комиссар 546-го стрелкового полка. В его руках толстая тетрадь. Начал с боевых успехов.

— Подождите! — прервал его бригадный комиссар. — Доложите, сколько метров траншей открыто на участке полка.

— Видите ли, товарищ комиссар... — смутился выступавший.

— Видел вчера! Полк и особенно первый батальон в землю не зарылись. Противнику ничего не стоит столкнуть вас с позиций. А вы нам об успехах толкуете, — с горечью проговорил Егоров.

Выступает военком 559-го полка батальонный комиссар Кольванов. Он сетует на нехватку в полку стрелкового оружия, на то, что потери почти не восполняются.

— Вы интересовались, как собирается оружие на поле боя? — спросил комиссар дивизии.

— Да. Лично занимался. Написан специальный приказ. Виновники наказаны.

— И решили, что порядок навели? — останавливает Кольванова бригадный комиссар и обращается ко всем: — Нет у нас, товарищи, порядка! Мы проверили медсанбат. Там лежат сотни винтовок, с которыми эвакуированы раненые. Лежат, как дрова. Слышите, товарищ Дибцев! Это вас касается.

Краска стыда заливает мое лицо. Мысленно ругаю себя: собирался доложить о скопившемся оружии, да все откладывал.

Предметные уроки, как должен вести дело комиссар полка, батальона, подкрепляя политическую работу организаторской, вникая во все стороны жизни бойцов, решая без проволочек вопросы, мы получали не только на совещаниях. Кстати, их Егоров проводил редко. Зато в полках и ротах, на переднем крае бригадного комиссара можно было встретить почти в любой день. Он появлялся один или с адъютантом. Доставал из кармана портсигар с папиросами или кисет с махоркой, угощал бойцов. И начинался разговор о солдатских нуждах и заботах.

Район Усть-Луги

Юлий Михайлович Жаботинский, профессор Всесоюзного института экспериментальной медицины

В первые же дни войны мы стали настойчиво добиваться отправки на фронт. Нас не отпускали. Институт вел важные разработки, в которых принимал участие большой коллектив ученых.

И вот поступило распоряжение направить группу сотрудников на оборонительные работы. Отобрали 30 человек добровольцев. В их числе были профессор И. С. Розенталь, один из учеников И. П. Павлова, профессор А. А. Браун, наш молодой ученый научный сотрудник Б. Аветикян, рабочие и служащие института. Записали и меня.

Участок работы нам назначили под Усть-Лугой, на самом правом фланге Лужской оборонительной позиции. Там среди сосен и нагромождения валунов мы должны были отрывать капоныры для артиллерии. Руководили работами военные инженеры КБФ.

Работали от зари до зари. По двенадцать часов и больше. Первое время редко кто выполнял норму, хотя и набили мозоли. Лучше всех дело шло у нашего дяди Васи, кочегара институтской котельной. Он был нашим «профессором»: показывал, как обращаться с лопатой, как ее точить, отбивать. Работал он ловко. Выполнив свою норму, помогал другим.

Работали мы почти весь июль. Втянулись в дело. Кое-кому физический труд, свежий воздух и простая пища пошли на пользу. Люди окрепли, закалились, исчезли «кабинетные» болезни. И вдруг из нашей группы всех научных сотрудников срочно отозвали в Ленинград. 26 июля мы были в институте. Оказывается, часть ученых отправляется во фронтовые госпитали, другие эвакуируются, чтобы продолжить научные изыскания для нужд фронта.

Лужский участок обороны. Южная окраина города Луги. Лангина гора. КП 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

Обстановка на нашем участке фронта продолжает оставаться сложной. Дивизии приходится сражаться на двух направлениях: вдоль Псковского шоссе, удерживая силами 483-го полка промежуточный рубеж обороны поселок Серебрянка — Люблино, и на юго-восток от Луги, где подразделения 502-го полка совместно с соседями — 235-й дивизией продолжают теснить противника на Великое Село.

Между этими районами боевых действий крупные озера — Черемнецкое и Врево, большие лесные массивы. Управление войсками, организация взаимодействия,

маневрирование силами и средствами крайне затруднены. Связь постоянно нарушается. Все это вынуждает нас особенно внимательно следить за действиями противника.

Ночью звонок из 483-го полка. Докладывает начальник штаба капитан Богатырев:

— В расположении противника усиленный шум моторов автомашин и танков. Его артиллерия ведет методический огонь по переднему краю...

Чуть позже возвратились из поиска разведчики. Они сообщили, что в лесах южнее Серебрянки и вдоль Псковского шоссе сосредоточено до двух полков пехоты противника с танками и артиллерией. Эти сведения подтвердили артиллерийские наблюдатели и звукометристы артполка Одинцова.

Выслушав мое предположение о том, что противник вновь попытается наступать в направлении на Серебрянку, Машошин облегченно вздохнул:

— Выходит, командир 269-й пехотной дивизии все же решил прорываться на Лугу по гладкой дороге. Что ж, господину генералу надо готовить встречу!

Машошин по-командирски глубоко умел оценивать обстановку, определять намерения противника. После тщательного анализа положения мы пришли к выводу, что наступления противника следует ожидать утром на участке обороны 1-го батальона. Машошин принял решение сорвать атаку противника сильным артиллерийским ударом. Об этом тотчас же были поставлены в известность артиллерийские начальники полковники Фомин и Одинцов. Они наметили рубежи, по которым дивизионы откроют огонь.

Гитлеровцы не ожидали артиллерийской контрподготовки. Движение их подразделений замедлилось, а затем сменилось беспорядочным бегством. Вражеская атака была сорвана.

Через час-другой появились немецкие бомбардировщики. Затем показались цепи вражеской пехоты в сопровождении танков. Прикрываясь железнодорожной насыпью, немецкие автоматчики подошли к нашему переднему краю и вклинились в боевые порядки 3-го мотострелкового полка, соседа справа. Создалась реальная угроза и 483-му полку: на этом участке оборонялась всего лишь горстка бойцов второй роты. Комбат решил усилить правый фланг и послал на подкрепление связистов, разведчиков, тех, кто оказался под рукой. Но бы-

ло поздно. Противник овладел станцией Серебрянка. Машошин приказал отвести батальон на новые позиции. Я доложил обстановку в штаб корпуса. Генерал Астанин согласился с решением комдива.

За полночь меня вызвал командир дивизии. У него я увидел полковника, лицо которого показалось мне знакомым. Но вспомнить, где мы встречались, не мог.

— Полковник Паничкин Яков Афанасьевич,— познaкомил нас комдив. — Прибыл на должность командира 483-го полка.

Андрей Федорович Машошин продолжил беседу с полковником. Из нее узнали, что Паничкин встретил войну командиром 16-й стрелковой дивизии. Обороняя дальние подступы к Таллину, она вела жесточайшие бои и понесла значительные потери. Оставшаяся часть личного состава была эвакуирована на кораблях Краснознаменного Балтийского флота. Дивизия фактически перестала существовать. Яков Афанасьевич был вызван в штаб фронта, где получил назначение на должность командира 2-й дивизии народного ополчения. Но в самый последний момент член Военного совета фронта изменил это решение. Паничкина назначили командиром 483-го полка. В те дни такое назначение не рассматривалось как понижение. 483-й стрелковый полк на лужском участке обороны играл важную роль: он сковывал действия целой немецкой дивизии. После гибели Харитонова ему нужен был не менее опытный командир.

Под утро мы проводили Якова Афанасьевича в полк. Пожелали ему боевых успехов.

Южнее деревни Югостицы. КП 732-го стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии

Иван Смирнов, лейтенант, помощник начальника штаба полка по разведке

Подразделения полка во взаимодействии с батальоном 502-го полка 177-й стрелковой дивизии и батальоном танков 49-го танкового полка продолжают вести боевые действия, тесня противника в направлении на Великое Село. Сегодня мы побывали в деревнях, где день назад хозяйничали фашисты. В деревне Репьи гитлеровцы сожгли девять домов, разгромили клуб, разграбили кооператив. Население возвращается из леса в родные места. Люди рассказывают о бесчинствах врага. В Югости-

цах представители «нового порядка» увезли с собой председателя сельсовета. Судьба его неизвестна.

В деревне Дубравы мы встретили наших танкистов. Командир танковой роты старший лейтенант, оказавшийся моим земляком из Иваново, предложил посадить наших пехотинцев на танки и с десантом двинуться на Великое Село. Наш комбат согласился. Сразу же нашлось десятка три добровольцев.

К вечеру, сбив небольшой заслон противника, наши подразделения ворвались в Великое Село. Но фашистов здесь уже не оказалось. Танки, которые должны были отрезать им путь отступления на Горки, опоздали. Окружить и уничтожить югостицкую группировку врага не удалось.

Восточный участок обороны. Деревня Косицкое

Донат Жеребов, военинженер 3-го ранга

Нас, военинженеров А. И. Белобокова, В. М. Шадрин и меня, включили в рекогносцировочную группу. В районе восточного сектора Лужской оборонительной полосы мы должны были определить начертание запасных позиций.

Из Ленинграда мы выехали на старенькой полуторке. По проселкам и гатям добрались до деревни Самокража, затерявшейся среди лесов и Менюшенских болот. Я и Шадрин остались в машине на окраине, а Белобоков отправился в ближайший лес, где, по нашим сведениям, должен был находиться командный пункт 1-й дивизии народного ополчения. Часа через полтора Афанасий Иванович вернулся. Хмурый, озабоченный. Мы уселись на поваленной сосне, приготовились слушать нашего старшего группы.

— Дивизия втягивается в боевые действия. Надо форсировать строительство. — Белобоков достал карту и показал, где нам предстоит работать.

— Не будем терять времени. Надо срочно найти подполковника Мальцева. Он возглавляет все оборонительные работы в этом районе.

Найти Мальцева оказалось делом несложным. Его КП находился на другом конце Самокражи: к покинутой хозяевами избе тянулась нитка полевого кабеля. Подполковник искренне обрадовался, когда узнал, кто мы и с какой целью прибыли.

— Понимаете, я ведь тут почти один на весь участок. Надо и размещением людей заниматься, и инструментом их обеспечивать, и технический контроль осуществлять. Вот и мотаюсь сутками.

По его усталому виду можно было предположить, что он нисколько не преувеличивал свои трудности.

— Итак, ваша задача: рекогносцировать местность для оборонительных позиций в районах Раджа, Косицкое, далее по восточному берегу Луги — Воронино, Большие Теребони, Покровка.

— Что будем «сажать» на местности — доты, дзоты? — спросил Белобоков.

— Траншеи и ходы сообщения рыть. Будь они под Островом и Псковом, немцы застряли бы на Великой.

— Вижу, наступает прояснение в умах, — оживился Афанасий Иванович и торжествующе посмотрел на нас.

Я вспомнил, как несколько дней назад, когда мы работали под Красным Селом, Белобоков довольно в резких тонах разговаривал с одним из руководителей управления строительства о том, что не пора ли начинать переходить к системе сплошных траншей.

— Это не ваше дело. Ваша задача протрассировать на местности противотанковые рвы и разметить огневые точки.

— А где же разместятся полевые войска, если им придется здесь занимать оборону? — не отступал Афанасий Иванович.

— Не ваша забота! Выполняйте инструкции.

Спокойный и выдержанный, Афанасий Иванович побледнел, весь как-то преобразился и стал горячо доказывать, что укрепленные районы должны иметь развитую систему траншей и ходов сообщения. Но его слушать не стали.

— Понимаете, — все еще не мог успокоиться Афанасий Иванович, — доты и дзоты, не связанные траншеями и ходами сообщения, разобщены. Обороняющиеся войска под сильным огненным воздействием противника лишаются возможности маневра. Это еще генерал Карбышев в своих трудах доказал.

Я впервые видел Афанасия Ивановича столь возбужденным. Белобоков был поклонником и учеником выдающегося ученого-фортификатора генерала Карбышева. И теперь ему не терпелось поскорее взяться за дело — живое воплощение идей его учителя.

Выяснив с Мальцевым все вопросы, Белобоков начал торопить нас с отъездом. Через полчаса мы снова тряслись в нашей полуторке по пути в Косицкое, где нам предстояло начать работы.

Документальная строка

Из оперативной сводки штаба 41-го стрелкового корпуса на 18.00 26 июля 1941 года.

«1. На правом фланге 177 сд противник нанес удар силами до двух полков и около 10 танков при поддержке артиллерии и минометов. С 12.00 до 13.00 захватил пос. Серебрянка и подошел к Червише.

2. В Югостицах, Дубровке танковый батальон 24 тд с отрядом 235 сд в 6.00 отбросил противника на Великое Село, уничтожил до 20 грузовых автомашин с пехотой, две легковые машины с офицерами и один мотоцикл. Разбитая югостицкая группировка противника под прикрытием своей пехоты отошла на Борки, Дедено, Добрыни, Турская Горка.

В Лишницы и Нежадва отмечена пехота с артиллерией и танками неустановленной численности. В районе Югостиц разбито до полка мотопехоты противника.

3. 177 сд ведет упорные бои на своем правом фланге вдоль железной дороги Серебрянка— Луга».

27 ИЮЛЯ ★ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Кингисеппский участок обороны. Деревня Редкино. Район обороны 2-го батальона ЛПУ имени С. М. Кирова

Александр Поддубский, курсант, политрук роты

Атаки, контратаки... То мы наступаем, то противник. Гитлеровцы предпочитают атаковать небольшими силами, а перед этим обрабатывают наши позиции артиллерийско-минометным огнем.

Мы тоже кое-чему научились. Больше действуем ночью, когда легче скрытно подойти к позициям противника и внезапно ворваться в его боевые порядки. Такие вылазки стали делать чаще после ротного партийно-

го собрания, на котором обсуждался вопрос о повышении боевой активности личного состава.

Сегодня ночью нам удалось выбить фашистов с небольшой высоты. Окопалось на ней не больше взвода. Гитлеровцы установили на высоте пулемет и простреливали почти весь передний край нашей роты. Вот мы и решили ликвидировать эту «занозу».

Нас было одиннадцать. Накануне вечером курсант Соколов разведкал подходы к высоте. Под покровом темноты мы прошли передний край, а дальше поползли попластунски. Фашисты изредка бросали осветительные ракеты. Под их мертвенно-бледным светом мы старались покрепче вжаться в землю. Потом снова продолжали ползти вперед.

До броска осталось метров десять. Кто-то громко считает: «Раз, два, три!» Резко вскакиваем и бросаемся вперед. Соколов прыгает в немецкий окоп первым. За ним другие ребята. Крики, вопли, выстрелы. Работаем штыками, прикладами. Стараемся не дать уйти живым ни одному фашисту.

Вопли и крики постепенно утихают. Правее — крики «ура!», пулеметные очереди. Это шумят наши, отвлекают внимание противника. А мы, захватив три пулемета, пятнадцать винтовок и автоматов, возвращаемся в роту. Потери фашистов человек двадцать, у нас трое раненых.

Лужский участок обороны. Деревня Жельцы. КП 41-го стрелкового корпуса

Борис Владимирович Бычевский, подполковник, начальник Инженерного управления фронта

Очередная поездка на лужский участок обороны. Впереди, в предполье, идет огневой бой. А на главной полосе и отсечных позициях трудящиеся Ленинграда и бойцы роют траншеи, противотанковые рвы, строят доты и дзоты.

Мы с командиром корпуса генералом А. Н. Астаниным и начальником строительства майором М. М. Зязиным объезжаем фронт работ. Астанина больше интересуют капитальные оборонительные сооружения. Андрей Никитович до войны был помощником командующего Прибалтийским военным округом по укрепленным районам, сказывается урковская закваска. Майор Зязин — сторонник полевой фортификации. Он делает упор на

окопы с козырьками, блиндажи, пулеметные ячейки, дрезомемляные огневые точки. И старается обратить внимание именно на эту качественную особенность в строительстве полевых оборонительных сооружений.

Я полностью поддерживаю его и внимательно отношусь к замечаниям генерала Астанина. Ход событий последних дней подсказывает, что на ряде участков советско-германского фронта не исключена возможность перехода к позиционной войне. Темп наступления противника далеко не тот, что был в первые десять — пятнадцать дней.

Обмениваемся мнениями об обстановке. Ясно, что противник перенес свои усилия на фланги лужского участка. Астанин не без основания беспокоится за левый фланг. И хотя удалось ликвидировать опасность вклинения в нашу оборону югостицкой группировки, противник имеет возможность продолжать атаки именно на этом направлении. 235-я дивизия пока остается слабым звеном. Фактически она формируется вновь. Командование корпуса приняло решение для усиления огневой мощи дивизии переместить в полосу ее обороны 51-й корпусный арtpолк, который имеет два дивизиона тяжелых орудий.

Южная окраина города Луги. Лангина гора. КП 177-й стрелковой дивизии

Вольф Гринберг, майор, дивизионный инженер

Я собирался ехать в 483-й полк. В это время позвонил командир дивизии и приказал срочно прибыть к нему с рабочей картой и схемами заграждений.

Возле домика командира дивизии я увидел группу командиров. Здесь были полковник Машошин, генерал Астанин, подполковник Бычевский и еще несколько товарищей. Машошин о чем-то громко рассказывал. Я подошел ближе и, когда комдив кончил говорить, представился как положено. Бычевский первым подал руку:

— Я вас еще по финской помню. Доложите, что вы успели сделать.

Я развернул рабочую карту. Начинж фронта, рассматривая ее, обратил внимание на красные кружки в лесных завалах. Поинтересовался:

— Что это у вас обозначено?

Я ответил, что это мины-сюрпризы.

— Откуда вы их получили? Кажется, на наших складах таких мин нет.

Я рассказал, что мины-сюрпризы по предложению командира саперного батальона дивизии изготавливаем сами и устанавливаем в проволочных и других заграждениях.

— Наши инженеры горазды на выдумки,— вступил в разговор комдив и вспомнил случай, как однажды нам удалось перехитрить противника. Перед позициями боевого охранения мы установили только противопехотные мины, а противотанковые — в глубине обороны. Пошли фашистские танки. Под их гусеницами, как детские хлопушки, взрывались мины, не причиняя вреда. И вдруг сильные взрывы. Один, другой... В дело вступили наши артиллеристы. Потеряв несколько машин, гитлеровские танкисты и автоматчики убрались восвояси.

— Что ж, недурно! Нам надо больше проявлять изобретательности.— Начинж фронта достал записную книжку и сделал какие-то пометки.— Товарищ Иванов,— обратился он к корпусному инженеру,— надо, чтобы о таких делах знали и в других дивизиях.

Восточный участок обороны. Восточный берег реки Мшаги. Участок обороны 252-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии

Петр Кисель, старшина, командир минометного взвода

Наши огневые позиции на обратных скатах высоты. К реке спуск пологий, а к противнику крутой, как ножом срезанный. С утра, по холодку, начали расчищать площадку от камней, рыть щели. И вдруг летят три «юнкера». Прекратили работу. Кто в щели, кто возле сосен укрылся. Мой помкомвзвода лежит рядом, поглядывает на небо, следит за самолетами. Пехотинцы начали стрелять по самолетам из пулеметов и винтовок. «Юнкеры» спокойно прошли над нами. Помкомвзвода удивился:

— Старшина, а чего они не бомбили?

И тотчас один из них сделал разворот. Мы крепче к земле прижались, ждем. А вместо бомб «юнкерс» выпал листовки. Кружатся, вертятся они, прямо на нас летят.

Кто-то приподнялся, хотел за ними бежать. Народ любопытный. Я крикнул: «Лежать!» И оказалось, что вовремя. Второй «юнкерс» тоже развернулся и резанул по нашим позициям пулеметной очередью. Никого не

задело. Лишь ведро, единственное на весь взвод, продырявил.

Самолеты улетели. Бойцы бросились собирать листовки. Одну поднял и я. Читаю. Предлагают доставить им нашего командира дивизии генерала Федюнина. За этот «подвиг» обещана награда в несколько тысяч марок.

Бойцы собрали листовки и принесли мне для сдачи политруку. Помкомвзвода взял одну листовку, помял и сказал:

— На курево не годится, грубовата, а вот заместо лопушка употреблять — в самый раз...

Документальная строка

Ленинград. Из сообщений газет за 27 июля 1941 года.

«Сотни девушек Ленинградской области готовятся стать трактористками, чтобы заменить своих братьев, призванных в ряды Красной Армии. Только в 38 районах области в кружках при МТС и непосредственно в бригадах обучается более тысячи девушек» («Смена»).

Заводская газета «Электросила» писала: «Передовые рабочие и инженерно-технические работники вступают в ряды партии. Они хотят бороться за победу над гитлеровскими захватчиками в рядах ВКП(б). На днях партийный комитет принял в кандидаты партии инженера-технолога т. Дьяконова, стахановцев отдела машиностроения тт. Поликанова и Храмчина».

28 ИЮЛЯ ★ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Штаб ВВС Северного фронта

Александр Александрович Новиков, генерал-майор авиации, командующий ВВС фронта

Юго-западнее Ленинграда наступило некоторое затишье. Гитлеровцы, понеся потери, прекратили наступление в кингисеппском и восточном, а затем и в лужском сек-

торах. План гитлеровского командования овладеть Ленинградом с ходу провалился.

Долго ли будет продолжаться пауза? Что предпринимает противник? Эти вопросы интересовали буквально всех. Разведка велась постоянно. Каждое утро начиналось у меня телефонным звонком командующего войсками фронта или начальника штаба. Они спрашивали о том, что нового сообщает авиаразведка. К сожалению, чаще всего новостей не было. О важном я всегда сообщал немедленно.

Однако по тем сведениям, которыми мы располагали, было ясно: противник, сковывая нас на севере и в Эстонии, готовится к новому броску на Ленинград через Лужский оборонительный рубеж. Воздушные разведчики, непрерывно и самоотверженно действовавшие в тот период, сообщали о накапливании противника в районах Кингисеппа, Луги, Шимска.

Нас, авиаторов, заинтересовал и тот факт, что противник подтягивает свою авиацию ближе к линии фронта: бомбардировщики перебазируются в районы Острова, Пскова, Порхова, истребители — на передовые аэродромы. Смысл такой передислокации — обеспечить более сильные удары с воздуха по войскам Лужского рубежа и Ленинграду.

Оценив обстановку, я приказал возобновить налеты на вражеские аэродромы. 20 июля группа наших истребителей нанесла удар по аэродрому противника в Зарудинье. Уничтожила 14 фашистских самолетов. 22 июля еще один удар по этому же аэродрому. Фотопленка зафиксировала 15 точных попаданий по машинам врага. 26 июля в ночном налете на аэродромы в Крестах, Малитино и Веретенье летчики 44-го Краснознаменного бомбардировочного полка уничтожили 26 самолетов противника. За последнюю неделю июля по вражеским аэродромам действовало более 50 самолетов, уничтожили они 55 вражеских бомбардировщиков и истребителей. Своих не потеряли ни одной машины. Успешно громили авиацию противника и летчики Краснознаменного Балтийского флота.

Эти данные я доложил Военному совету фронта. Присутствовавший на заседании Военного совета А. А. Жданов сказал:

— Я думаю, товарищи, генерал Новиков не откажется передать летчикам нашу благодарность. Они заслужили ее.

Кингисеппский участок обороны. Район Кингисеппа. КП 191-й стрелковой дивизии

Филипп Иванович Егоров, бригадный комиссар, военком дивизии

Нас интересовали цель перемещения войск противника и его группировка перед фронтом обороны дивизии. Для выяснения этих данных решили провести ночную вылазку. Подготовкой занимались штаб и политотдел. Район действий разведотряду был определен: дорога от деревни Монастырек на Ивановское. Мы уже дважды высылали туда небольшие разведгруппы. Но дорога настолько плотно охранялась противником, что разведчики не могли взять «языка» и даже установить длительное наблюдение за движением по шоссе. Теперь надежда на отряд — два усиленных взвода.

Минула ночь. Один из взводов вернулся из тыла противника. Разведчики рассказали о результатах похода. А произошло следующее. Дозоры вышли к дороге и обнаружили на ней колонну вражеских автомашин. Видимо, гитлеровцы остановились на ночлег. Командир отряда принял решение разделить разведчиков на две группы, которые, действуя по общему сигналу, должны захватить пленных.

Командир взвода лейтенант Сазонов вышел к хвосту колонны и расположился с бойцами в лесу метрах в ста от обочины. Наметил объект, но не догадался проверить подходы к дороге. И когда услышал сигнал, подал команду: «Вперед!» А впереди оказался глубокий ров с водой. Люди попали в воду, начались шум, неразбериха. Немцы моментально включили прожекторы. Яркие лучи света ослепили разведчиков, они были вынуждены под огнем автоматчиков быстро убраться в лес.

Казалось бы, небольшую оплошность допустил лейтенант, но она сказалась на выполнении боевой задачи. Мы сурово наказали лейтенанта.

Этот случай заставил и нас, командование, политотдел, сделать серьезные выводы. Пересмотрели состав разведывательных подразделений, усилили их коммунистами и комсомольцами, командно-политическим составом. Я обязал комиссаров полков лично принимать участие в подготовке разведгрупп к действиям во вражеском тылу, разъяснять цели и задачи разведки, изучать настроения бойцов, решительно пресекать всякие нарушения дисциплины. Конечно, сделал выводы и для себя.

**Деревня Юрки. КП 3-батальона 2-го стрелкового полка
2-й дивизии народного ополчения**

Павел Бархатов, политрук, командир батареи 2-го арт-полка

Нашу батарею перебросили на левый фланг, чтобы поддерживать огнем 3-й батальон 2-го стрелкового полка. Я прибыл в район деревни Юрки. Разыскал командный пункт батальона и познакомился с комбатом капитаном Лупенковым. Это был человек средних лет, кадровый командир.

Комбат поинтересовался, что собой представляет батарея, затем взял карту и четко определил наши боевые задачи, посоветовал место для наблюдательного пункта. Не часто можно встретить общевойскового командира, который хорошо знал артиллерийское дело и мог грамотно использовать средства усиления. Я спросил Лупенкова, откуда у него такие познания в области артиллерии? Он улыбнулся и ответил, что артиллерией интересовался, когда был еще молодым лейтенантом. А вот судьба распорядилась по-иному: стал пехотным командиром.

Огневые позиции мы выбрали на обратных скатах небольшой высоты, а наблюдательный пункт, как советовал комбат, рядом с его НП. Часа через три я доложил капитану Лупенкову о готовности батареи к открытию огня, а затем начал пристрелку.

Противник быстро догадался о появлении новой батареи и начал обстреливать высоту. Мы прекратили огонь. Расчеты ушли в укрытия. Гитлеровцы решили, что они покончили с батареей.

Через некоторое время немцы пошли в атаку, намереваясь во что бы то ни стало выбить наших ополченцев из Юрков. Из перелеска, зарослей кустарника появились цепи автоматчиков.

— Бархатов, видишь! — крикнул мне Лупенков, показывая на приближавшихся фашистов.

— Пускай подойдут поближе! — отвечаю командиру батальона.

Гитлеровцы тем временем вышли на рубеж неподвижного заградительного огня. Командую: «НЗО номер один!» Один залп следует за другим. Затем огонь открывают стрелки и пулеметчики. На пути врага встает плотная огневая завеса. Противник вынужден отойти. Ко мне в окопчик спрыгивает Лупенков, жмет руку:

— Спасибо, Павел Данилович! Передай своим пушкарям от пехоты благодарность.

В этот день мы отбили еще несколько вражеских атак.

Лужский участок обороны. Деревня Натальино. КП 468-го стрелкового полка 111-й стрелковой дивизии

Виталий Канонюк, старший сержант, отсекр бюро ВЛКСМ полка

Несколько раз я просил комиссара полка разрешить мне пойти в разведку, но военком отвечал: «Надо — сам пошлю! А пока занимайся своими делами». Сегодня батальонный комиссар Косачев вызвал меня. У него в землянке находился начальник штаба майор Войналович.

— Садись, комсомол! — Александр Иванович кивнул на чурбак. — Немецкий язык знаешь?

— Со словарем. В техникуме изучал.

— Вот, начальник штаба, тебе и переводчик, и комиссар. — Косачев торжествующе посмотрел на Войналовича. Обращаясь ко мне, пояснил: — С третьим батальоном в тыл пойдешь.

Считая вопрос решенным, Косачев и Войналович конкретизировали задачу. Западнее Лесково дивизионная разведка обнаружила скопление противника силой до батальона. Командир дивизии решил внезапным налетом разгромить фашистов.

День у нас ушел на подготовку, а около двадцати трех часов выступили. Я пошел с ротой лейтенанта Мироненко. В боях под Островом и Псковом он показал себя отличным командиром, одним из немногих, кто не растерял своих бойцов. Стараемся идти без шума, насколько это возможно. Преодолели километров десять. Капитан Кадочников, комбат, приказал сделать привал, а вперед выслал дозоры.

Висит густой туман. Люди, деревья, строения скрылись в нем. В трех шагах ничего не видно. Условия самые подходящие для внезапных действий. И комбат решил атаковать противника, не дожидаясь, когда поднимется серая пелена.

— Противник не имеет о нас понятия, — отдавал распоряжения капитан Кадочников. — Всем ротным и взводным командирам громко подавать команды, пускать сигнальные ракеты. Ручным пулеметчикам вести огонь с ходу, чтоб в дисках были трассирующие пули.

Словом, действовать решительно, смело, побольше нагонять паники...

Замысел командира батальона был ясен каждому. Первыми пошли роты лейтенанта Мироненко и старшего лейтенанта Михайлова. Восьмая рота в резерве.

И вот лес огласился криками, командами, выстрелами. Туман прошли пункты трассирующих пуль. В небо с разных сторон взлетели красные ракеты. Противник начал отвечать огнем из автоматов, но бил наугад. Через несколько минут мы выскочили из мелколесья и оказались на поляне, где лагерем обосновались гитлеровцы. В серой дымке угадывались силуэты грузовых автомашин, палаток. Бой разгорелся с новой силой. Справа слышались крики «ура!». Похоже, комбат решил ввести в дело резервную роту. Сделал он это очень кстати. Немцы опомнились и усилили сопротивление.

Свежая рота изменила ход событий. Противник почувствовал опасность, возникшую справа, и стал отходить. Постепенно бой стал удаляться на юг, к железной дороге. За лесной речушкой комбат приказал окопаться. Привели пленных. Я выступил в роли переводчика. Оказалось, мы разгромили отдельный разведывательный дивизион, который собирался идти в наш тыл.

В числе трофеев оказались и два автомобиля-амфибии. Командир дивизии полковник Рогинский объявил нам благодарность за успешное выполнение боевого задания, особо поблагодарил за автомобили.

Восточный участок фронта. Район села Медведь. КП 227-го гаубичного артиллерийского полка 70-й стрелковой дивизии

Иван Логашин, политрук батареи

Впереди по восточному берегу реки Мшаги, почти от деревни Медведь до Косткова, проходит передний край обороны нашей дивизии. Сплошных траншей нет. Полки обороняются на широком фронте. Сил хватает лишь накрытие особо опасных направлений.

Под вечер командир полка собрал на совещание командиров и комиссаров подразделений. В ожидании его начала мы обмиссарились мнениями о последних событиях. Естественно, всех волновало, долго ли простоим в обороне, когда будем наступать. Командир полка майор Подлущкий начал без предисловий:

— Сегодня генерал Федюнин познакомил нас с об-

щей обстановкой на Лужском оборонительном рубеже, и в частности в восточном секторе. Здесь противник, проведя перегруппировку, сосредоточил силы для наступления на новгородском направлении. Разведкой установлено появление на нашем направлении дивизии СС «Мертвая голова». Приказываю командирам дивизионов и батарей безотлучно находиться на НП.

Мы получили четкий план действий по отражению натиска противника. Я собирался уходить, когда меня окликнул отсекр партбюро полка политрук Яшин. После ранения комиссара полка он исполнял его обязанности.

— Логашин! Вы что-то стали медлить с приемом в партию. Увлекаетесь командирскими функциями. Не забывайте: вы — политический руководитель батареи.

Мы давно знали друг друга. Я уважал Яшина, опытного партийного вожака. Его замечания и советы принимал как должное.

Документальная строка

С первых дней войны выражением единства партии и народа, глубоких чувств советского патриотизма был нарастающий поток заявлений бойцов и командиров о приеме в ряды партии и комсомола.

Одно из них опубликовала солдатская газета «За Родину». Младший сержант А. Якушев писал: «Фашистские варвары напали на мою любимую Родину. Вступая в схватку с врагом, я подал заявление о приеме меня в кандидаты ВКП(б). В бой хочу идти коммунистом. Отдам все свои силы, а если потребуется, не пожалею и жизни за великое дело партии Ленина...»

29

ИЮЛЯ

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
ДЕНЬ ВОЙНЫ

Кингисеппский участок обороны. Деревня
Слепино. КП ЛПУ имени С. М. Кирова

Платон Хохлов, майор, начальник штаба училища

С командованием 90-й дивизии у нас установились добрые отношения. Организовано четкое взаимодействие с артиллерией, со стрелковыми полками. Дивизия обеспе-

чивает нас боеприпасами и продовольствием. Ее командир и комиссар часто бывают у нас, мы вместе решаем служебные вопросы.

Возвращаясь из 286-го полка, полковник Г. И. Вехин заехал к нам. Нельзя было не заметить, что комдив чем-то сильно расстроен. Оказывается, ночью левофланговая рота полка прозевала разведку противника. Гитлеровцы с открытого фланга стали заходить ей в тыл, и она отошла с занимаемых позиций.

— Понимаешь, Герасим Васильевич,— возмущался командир дивизии,— а если бы немцы узнали про такой «маневр» ротного? Они ж прямо к нам в тыл зашли бы!..

Успокоившись, Григорий Иванович спросил начальника училища о том, как у нас идет дело.

— Держимся! — ответил Мухин. — Провокация с лесным пожаром не удалась фашистам. Позиции восстановили полностью. Тяжело курсантам. Сам понимаешь, как ково в июльскую жару сидеть в горелом лесу. Дышать нечем!

— Понимаю! — сочувственно сказал Вехин. — И все же завидую тебе. Такими орлами командовать — просто счастье!

Полковник Мухин кивнул головой в знак согласия, грустно улыбнулся:

— А ты спроси, Григорий Иванович, сколько этих орлов полегло. Скольких прекрасных командиров, а может быть, и полководцев лишилась армия! Дорогой ценой расплачиваемся за упущения.

— Это за какие же? — насторожился Вехин.

— Чему мы больше учили? Наступать! Считали, что воевать будем на территории противника. Верно? Верно. А оборона, оборонительный бой? Мы же до сих пор не имеем единой точки зрения на организацию обороны. Все еще спорим, какую предпочесть: очаговую или траншейную?

— Но ведь наступление остается главным видом боя,— заметил комдив.

— А я и не отрицаю. Но мимоходом учиться оборонительному бою тоже нельзя.

Разговор прервал телефонный звонок из штаба дивизии. В 90-ю приехал командующий кингисеппским участком обороны генерал Семашко и вызывал полковника Вехина.

— Валентин Валентинович, наверное, уже в курсе

наших событий, приехал «шею мылить». — Григорий Иванович махнул рукой и вышел из блиндажа.

Сузив фронт обороны училища, генерал Семашко оставил нас на танкоопасном направлении прикрывать дорогу Сабск — Слепино и далее на поселок и железнодорожную станцию Молосковицы. Мы понимали: прорви противник здесь оборону — ему открывался путь на Нарвское шоссе. А там рукой подать до Красногвардейска, до Ленинграда. Вот тогда у нас и возникла мысль создать, исходя из наличия сил и средств, два-три противотанковых опорных пункта, оборудовав их в инженерном отношении, выделив для них артиллерийские орудия и назначив группы истребителей танков.

Конечно, для сильной противотанковой обороны мы не имели достаточного количества средств. Но прикрыть важнейшие танкоопасные направления могли. Нашу инициативу поддержало командование кингисеппского участка обороны.

— Очень правильное и смелое решение, товарищ Мухин, — сказал тогда начальнику училища генерал Семашко. — Думаю, ваше новшество заслуживает внимания и других командиров.

Лужский участок обороны. Жельцы. КП 41-го стрелкового корпуса

Николай Куранов, старший политрук, инструктор политотдела корпуса

Состоялось совещание командно-политического состава управления корпуса с участием командиров и комиссаров дивизий и частей корпусного подчинения. С докладом выступил комиссар корпуса бригадный комиссар Л. Гаев.

— Политотдел корпуса обобщил двухнедельный опыт работы комиссаров и политруков в полках и ротах некоторых соединений, — сказал бригадный комиссар. — Срок короткий, но это по мирному времени. Ныне две недели имеют иное измерение. Нам не дано времени на раскачку. Мы должны на ходу, как можно меньше допуская ошибок, перестроить свою работу.

Гаев отметил, что введением института комиссаров и политруков подчеркнута возросшая роль партийно-политической работы в армии, повышена ответственность политработников за выполнение боевой задачи, стойкость и дисциплину войск.

— Две подписи под приказом — командира и комиссара, — продолжал военком корпуса, — это, товарищи, не формальность...

Бригадный комиссар назвал ряд военкомов полков и батальонов, которые оперативно и правильно перестроили свою работу, нашли деловой контакт с командирами: в 111-й дивизии — комиссар стрелкового полка Косачев, в артиллерийском полку АККУКС — батальонный комиссар Лепский, в 177-й дивизии — военком легкоартиллерийского полка Дурнов, в корпусном батальоне связи — старший политрук Рязанов. Грамотные в военном отношении, имеющие большой опыт политработы в армии, они помогают командирам решать сложнейшие задачи.

— Вместе с тем некоторые военкомы и командиры начали строить взаимоотношения, исходя из принципа: кто кому должен подчиняться, кто кого имеет право вызывать к себе — комиссар или командир. — И бригадный комиссар рассказал о случае в 111-й дивизии.

Один из военкомов усмотрел попрание его прав в том, что командир взял трофейную легковую машину себе, а не отдал комиссару. В другом случае командир и комиссар полдня потратили, чтобы договориться, кому первому штаб должен докладывать оперативные документы.

Затем комиссар корпуса рекомендовал политотделу провести ряд мероприятий с молодыми политруками и военкомками. Работникам штаба посоветовал, используя любые возможности, помогать комиссарам, особенно прибывшим из запаса или ранее не служившим в армии (были и такие), овладевать военным делом. Он обстоятельно обрисовал военную обстановку, сложившуюся к концу июля в полосе лужского участка и на флангах. Достигнутую оперативную паузу оценил как результат стойкости частей корпуса, и прежде всего 177-й дивизии.

— Под Лугой противник сосредоточил и ввел в бой в пять-шесть раз больше живой силы, танков, артиллерии, обеспечил полное господство в воздухе, — сказал комиссар корпуса, — однако до сих пор не смог выйти к главной полосе обороны. В чем причина? Гитлеровское командование, как сообщает немецкое радио, виной всему считает фанатизм русского солдата. Не отличают господа фанатизм от патриотизма. Именно советский патриотизм, вера в правоту нашего дела — то наше

главное оружие, которое в сложнейшей обстановке придает советским бойцам стойкость и мужество.

— Но,— продолжал комиссар,— мы не должны строить иллюзий, будто враг выдохся и не будет стремиться захватить Ленинград. Обстановка продолжает оставаться напряженной. Наша задача — контратаками, действиями разведки, рейдами в тыл противника, артиллерийскими ударами изматывать и обескровливать врага. Помните: пассивность в обороне губительна.

Выступление бригадного комиссара мы слушали с большим вниманием. Каждое его слово глубоко запало в наши души. Его убежденность и вера в победу придавали нам новые силы, мобилизовывали на трудные бои, которые были еще впереди.

Восточный участок обороны. Деревня Косицкое. Штаб строительства оборонительного рубежа

Донат Жеребов, военинженер 3-го ранга

Косицкое — небольшая деревня. Жителей в ней почти не осталось, лишь несколько стариков да старух. Мужчины и парни ушли на фронт, женщины и дети эвакуированы.

Мы легко нашли пустую избу и устроили в ней свой командный пункт. Работаем с рассвета до позднего вечера. Наш старший, Афанасий Иванович Белобоков, просто поражает всех своей энергией. С раннего утра его высокая фигура появляется то у одной, то у другой группы строителей. За день он успевает побывать почти на всех участках, разрешить массу возникших вопросов, проверить, насколько технически грамотно реализуются указания.

После ужина, который нередко является и обедом, обсуждаем дневные итоги, делимся новостями, намечаем планы на завтра. Часто при обсуждении технических вопросов возникают споры между Белобоковым и Шадриным, военинженером 3-го ранга, моим однокашником по Ленинградскому институту инженеров промышленного строительства.

В отличие от Белобокова, человека с «военной косточкой», Шадрин типичный гражданский интеллигент. Морская форма на нем — как на вешалке. Его привычка постоянно протирать очки подчеркивает его «нестроевой вид». Однако Владимир Матвеевич Шадрин в вопросах полевой фортификации разбирается не хуже любого во-

енного инженера. Белобоков ценит мнение Шадрина.

Немало времени у Белобокова занимают поездки в «верха». Сегодня он вернулся с совещания в Инженерном управлении фронта. Обсуждались итоги проверки хода строительства Лужского оборонительного рубежа, проведенной Военным советом Северо-Западного направления. Раскрыв тетрадь с записями, Белобоков рассказывал о том, что до сих пор, как говорили на совещании, на отдельных участках нет не только траншей, но даже окопы вырыты не полного профиля, огневые позиции не замаскированы, минные заграждения поставлены где пусто, а где густо. Эти недостатки особенно характерны для восточного участка обороны.

— У двух няnek дитя без глаза, — с горечью заметил Шадрин, имея в виду, что восточный участок обороны является стыком между Северным и Северо-Западным фронтами.

— Вероятно, вы, Владимир Матвеевич, правы. Но не нам и не время искать виновных. Военный совет наметил мероприятия и установил жесткие сроки их осуществления, чтобы привести в полную боевую готовность оборонительные сооружения на всех участках Лужского рубежа. — Белобоков встал, прошелся по избе, закурил.

Я понимал настроение Афанасия Ивановича: сроки строительства определялись не только приказами командования, но и действиями противника. Обстановка обязывала нас наращивать темпы, уделить больше внимания основным, решающим объектам.

Документальная строка

Ленинград. На предприятиях и в учреждениях города развертывалось массовое военное обучение трудящихся. На 29 июля в Кировском районе вышли на военные занятия 8097 человек, в Дзержинском — 1447, в Василеостровском — 4300, в Выборгском — 3611, в Куйбышевском — 3515 человек. Программа включала краткие основы военной подготовки одиночного бойца, отделения, взвода и роты. Главным было изучение стрелкового оружия, овладение штыковым боем, приемами окапывания в бою. Обучавшиеся получали навыки уничтожения танков, воздушных десантов. Изучалась тактика ближнего боя в условиях дня и ночи, в лесах. Занятия проходили после 11-часового рабочего дня, установленного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1941 года.

30 ИЮЛЯ ★ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Штаб ВВС Северного фронта

Александр Александрович Новиков, генерал-майор авиации, командующий ВВС фронта

Утром с начальником штаба ВВС генералом А. П. Некрасовым просматривали списки боевых потерь личного состава и техники. В первый месяц войны мы потеряли убитыми, ранеными и не вернувшимися с заданий 763 летчика, штурмана, стрелка-радиста. Откуда брать людей, технику? Пополнение получаем редко и мало. За весь июль нам перегнали всего 34 боевых самолета, большего Москва не обещала. Мы понимали: на других фронтах положение не лучше. Сил не хватает. А командующие участками почти ежедневно требуют усилить прикрытие с воздуха. Понимаем, требования справедливые. Выкручиваемся как можем. В армиях северного направления оставили минимальное количество авиации. Там обстановка спокойнее. На прикрытии 7-й армии всего 80 боевых самолетов.

Некрасов предлагает увеличить боевую нагрузку на экипажи: истребителям подниматься в воздух не три-четыре раза, а пять-шесть. Тяжело. Но иного выхода пока нет. С нами согласен и комиссар штаба ВВС фронта Михаил Иванович Сулимов.

В кабинет вошел начальник разведотдела полковник А. С. Пронин и положил на стол свежее донесение. Я быстро прочитал, потом еще раз и спросил Александра Семеновича:

— Это точно? Не ошибка?

В донесении сообщалось о переброске под Ленинград 8-го авиакорпуса ближнего боя под командованием немецкого генерала Рихтгофена. Пронин дополнил:

— Это один из двух авиакорпусов резерва гитлеровского верховного командования. Он подчинен непосредственно Герингу. На вооружении имеет новые боевые самолеты. Летчики кадровые, с боевым опытом.

Я подвинул бумагу Некрасову. Он прочитал ее и раздумчиво резюмировал:

— Теперь, пожалуй, и пятью-шестью вылетами не отделаться.

Переброска под Ленинград столь мощного авиационного соединения являлась убедительным фактом того, что гитлеровское командование энергично готовится к новому наступлению.

Кингисеппский участок обороны. Восточнее села Ивановское. 3-й стрелковый батальон 3-го стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения

Игорь Климов, ополченец восьмой роты

На Луге, на участке нашего 3-го стрелкового полка, сплошных траншей не было. Занимали отдельные окопы, пулеметные ячейки. Небольшая деревушка Лычко, напротив которой стояла наша восьмая рота, по сути оставалась на нейтралке. Гитлеровцы ее не занимали. Иногда в деревне появлялись их дозоры. Постреляв в нашу сторону и пошуровав по домам, они удалялись. Мы устраивали на лыченских огородах и во дворах засады, надеялись захватить зазевавшегося немецкого вояку, но удача нам долго не сопутствовала. И вот повезло.

В деревню пришли гитлеровские солдаты. В это же время к нам подошли курсанты Ленинградского пехотного училища. Завязалась перестрелка. Кировцы, укрываясь за строениями, сближались с противником. Фашисты дрогнули и бросились наутек, оставив ротный миномет и две кассеты с минами. Лейтенант, командир курсантов, распорядился отдать миномет старшине нашей роты и показал, как вести из него огонь.

Наши ребята быстро его освоили. И он сослужил нам неплохую службу. А случилось это так. Однажды на деревенской улице показались танк и броневичок. Машины прошли по мосту через овраг и остановились. Старшина роты Василий Иванович Шишкин установил трофейный миномет и открыл огонь по гитлеровцам, вылезшим из машин. Танкисты бросились к танку, а экипаж броневика мы сумели отсечь от машины огнем из ручного пулемета. И ему пришлось убираться по-пехотному.

Когда стемнело, наши ополченцы Трубицын и Иванов, вооружившись противотанковыми гранатами, добрались до броневика, сняли с него пулемет, радиостанцию, забрали карты и какие-то бумаги. Все трофеи сдали в батальон. По документам в штабе полка установили, что на нашем участке появилась новая гитлеровская часть.

Для нашего командования это были очень важные сведения.

Лужский участок обороны. Деревня Раковичи. НП артполка АККУКС

Георгий Федотович Одинцов, полковник, командир артполка

Первый месяц войны гитлеровцы явно недооценивали советских артиллеристов и часто пренебрегали элементарными мерами маскировки. Так было и в тот день, когда мы уничтожили фашистскую батарею, не успевшую стать на огневую позицию.

Дело было так. После обхода боевых порядков мы решили пообедать. Расположились под сосной. Не успели, однако, и ложку ко рту поднести, как разведчик Петухов докладывает:

— Немцы батарею подтягивают. Как раз напротив.

Я поднялся на свой наблюдательный пункт. Верно, вдоль фронта двигалась батарея 105-миллиметровых орудий на конной тяге. Чуть правее, на высоте, несколько гитлеровцев готовили площадки для орудий. Я посчитал за грех упустить возможность преподать противнику урок за наглую самоуверенность. Приказываю командиру дивизиона капитану Горобцу подготовить огонь по появившейся цели. Через несколько минут Горобец доложил о готовности. Когда фашисты подвезли орудия к высоте и стали снимать с передков, наши пушки открыли огонь. Мне с наблюдательного пункта были видны разрывы снарядов. Артиллеристы хорошо накрыли цель. Через несколько минут от батареи, так и не успевшей сделать ни одного выстрела, осталось лишь воспоминание. К слову сказать, за двадцать дней боев под Лугой это была не единственная батарея, которую уничтожили наши артиллеристы.

Высокая эффективность артиллерийского огня обеспечивалась прекрасной подготовкой командиров и бойцов. Отлично работал и дивизион инструментальной разведки. Однажды вражеская батарея открыла огонь. Сержант Шифрин моментально определил ее координаты. Они тотчас же были переданы в полк, которым командовал капитан Гушин: обнаруженная цель находилась в секторе его полка.

Наблюдая за четкой работой сержанта Шифрина, я спросил:

— Вы ведь всего три дня находитесь на этой позиции. Неужели успели изучить особенности обнаруженной цели?

— Товарищ полковник, сейчас вы услышите данные дешифровщиков,— ответил сержант.

И действительно, не успел я и глазом моргнуть, как поступило сообщение:

— Огонь вела цель номер сто двенадцать. Цель подавлена!

К концу июля противник оценил мастерство наших артиллеристов. Пленные показывали, что их офицеры ломают голову над тем, как русские почти мгновенно открывают ответный прицельный огонь. Неужели у большевиков приборы точнее, чем немецкие? Конечно, гитлеровцам было трудно понять, что на приборах работали советские артиллеристы, которые не жалели сил и самой жизни ради спасения Родины.

Восточный участок обороны. Деревня Шарок. 68-й стрелковый полк 70-й стрелковой дивизии

Константин Шпанкин, лейтенант, командир минометной роты

Во время наступления на Сольцы мы гнали гитлеровцев почти сорок километров. Затем по приказу свыше отошли на восточный берег Мшаги и заняли оборону.

Наш полк оборонялся на участке между деревнями Шарок и Маковище. Местность с точки зрения тактики выгодная: много господствующих высоток, хороший обзор и обстрел. Впереди довольно широкая и полноводная Мшага.

На левом фланге нашим соседом была 1-я отдельная горнострелковая бригада. Бойцы называли ее «горняшкой». Бригада необстрелянная, и у нашего командования были основания беспокоиться за стык с ней. На стыке чаще, чем в других местах, действовали наши разведчики.

Ночью вернулась дивизионная разведгруппа, которую возглавлял мой товарищ младший лейтенант Самухин, отчаянный парень и хороший спортсмен. Службу Самухин начинал в нашем полку, а потом его перевели в разведбат дивизии. И вот в ту ночь, когда Самухин возвратился со своими ребятами из вражеского тыла, мы встретились с ним в землянке командира батальона.

— Начало было хорошим,— рассказывал Самухин.—

Вышли к деревне Вешки, где вдоль дороги обнаружили телефонный кабель. Решили проследить, куда он приведет. Прошли около двух километров. И вдруг провод исчез. Оказалось, гитлеровцы его через водоотводную трубу на другую сторону дороги протянули. Прошли еще километра два. Вдали показались избы, и «нитка» прямехонько подвела нас к ним. Рядом — крытый грузовик и несколько мотоциклов. Двое часовых сидят.

Я прикинул: ежели внезапно, без шума, так можно и «языка» взять. Тихо приблизились к палатке. Махнул рукой — и ребята бросились вперед. Гитлеровцы опомниться не успели, как разведчики волоком потащили пленного, на ходу затыкая ему рот кляпом.

С дороги мы быстро свернули в лес. Фашисты пытались нас преследовать, но потом отстали. Мы остановились, передохнули, осмотрелись. Да, видно, неточно азимут определили. Хорошо, что лесника встретили. Он показал дорогу на Шарок.

— А где же «язык»? — спросил комбат.

Самухин тяжело вздохнул, сплюнул со злостью.

— Нет пленного! Убег.

И лейтенант рассказал о том, как было дело. Подвела разведчиков доверчивость. Ночью гитлеровец шел спокойно, видно, смирился со своей судьбой. Из отдельных слов и по жестам выяснили, будто он бедный крестьянин, в войска СС попал случайно, а дома остались дети малые. Растаяли души наших ребят, хлебом поделились. Когда стало светло, запросился немец нужду справить. Рукой на живот показывает: дескать, неспособен. Помкомвзвода повел его в кусты.

Минуты через три разведчики услышали вскрик, но не придали ему значения. Однако сержант и пленный долго не возвращались. Пошли их искать. И увидели страшную картину: сержант лежал с ножом под сердцем.

— Хрен с ним, с пленным-то. А вот как я за сержанта отчитаюсь? Не обыскали фашиста как положено. Вот все, что от него осталось. — Самухин показал нам служебную книжку ефрейтора войск СС. — Если не отдадут меня под трибунал, попрошусь на передовую рядовым. Кровью буду смывать свой позор.

Документальная строка

Из писем с фронта в конце июля 1941 года политбойца-добровольца, бывшего диспетчера «Красного тре-

угольника», красноармейца 70-й стрелковой дивизии Георгия Журбы семье: «Я сначала попал в разведбатальон. Восемь раз был в тылу у немцев. Попробовал всего понемногу. Был под авиабомбежкой, под шрапнельным огнем. Но всего гнуснее минометный, которым фашисты здорово владеют...

Наша дивизия две недели подряд не выходит из ожесточенных боев. Я уже сделал маленький вклад в защиту Ленинграда. Двумя гранатами поднял на воздух мотоцикл с коляской и тремя солдатами из охранного отряда СС...

Выспаться как следует некогда. Иногда по 2—3 дня не умывался. Последние три дня бои шли у реки. Под огнем полез в воду и искупался».

31 ИЮЛЯ ★ СОРОКОВОЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Штаб Северного фронта

Владимир Петрович Свиридов, генерал-майор, начальник артиллерии фронта

В последние дни июля в штаб фронта поступили новые данные о крупных перемещениях войск противника. Начальник разведотдела фронта комбриг П. П. Евстигнеев, обобщив полученные сведения, доложил Военному совету, что противник завершает сосредоточение сил для наступления на Ленинград. На флангах Лужского оборонительного рубежа — под Кингисеппом и Шимском — созданы мощные группировки. Достаточно беглого взгляда на карту, чтобы понять замысел противника: он хочет взять в клещи обороняющиеся на Луге войска и выйти с запада и юго-востока к Ленинграду.

Итак, оперативная пауза подходила к концу. Военный совет Северного фронта, Ленинградские областной и городской комитеты партии принимали все меры, чтобы подготовиться к отпору врага. Ежедневно решались сотни неотложных задач.

Меня, как начальника артиллерии фронта, беспокоили прежде всего вопросы артиллерийского обеспечения, хотя приходилось заниматься и строительством оборони-

тельных рубежей, и делами на ленинградских заводах. Война расширила круг обязанностей. Впрочем, в таком положении находился не я один. Трудно приходилось начальнику войск связи фронта генералу И. Н. Ковалеву: не хватало радиостанций, проводных средств, специалистов. С большим напряжением работали Инженерное управление фронта, другие управления и службы.

Для нас, артиллерийских специалистов, было очевидным, что даже самая насыщенная инженерными сооружениями и заграждениями оборона не в силах противостоять ударам танков и мотопехоты противника, если она не будет прикрыта мощным артиллерийским и минометным огнем. Артиллерийская плотность на 250-километровом Лужском рубеже едва достигала двух стволов на километр фронта. Лишь под Лугой, в полосе 177-й дивизии, имелось десять орудий и минометов на километр. Откуда брать орудия, боеприпасы? Мы основательно «общипали» войска на Карельском перешейке, привлекли артиллерию флота. Надежд на централизованное снабжение не было. Начальник артиллерии Красной Армии генерал Н. Н. Воронов смог дать нам всего одну батарею реактивных минометов.

Все надежды на ленинградскую промышленность. От того, насколько быстро она перестроится на военный лад, зависела прочность обороны Ленинграда. Мы понимали, что наладить производство оружия и боеприпасов само по себе дело сложное, а если учесть, что значительная часть оборудования была «на колесах», многие специалисты эвакуированы, то трудности оказывались более значительными. Однако это была реальная возможность пополнить наш артиллерийский парк.

Перестройка промышленности Ленинграда на военные нужды началась буквально с первых дней войны в соответствии с планами. Уже в июле мы начали получать снаряды, мины, патроны ленинградского производства. 12 июля ГКО принял решение о возобновлении производства 76-миллиметровой полковой пушки, которое было прекращено незадолго до войны.

Ее производство поручили Кировскому заводу. Нашлись рабочие чертежи, специалисты-оружейники. Но этого было недостаточно. Для производства орудий требовалось привлечь еще около 80 предприятий-смежников, большинство из которых, как и Кировский завод, приступило к эвакуации основного оборудования. С помощью горкома партии задача была решена.

31 июля мне позвонил секретарь горкома партии по промышленности Яков Федорович Капустин и сказал, что кировцы приглашают пострелять из «полковушки». Я отложил все дела и вместе с несколькими товарищами срочно выехал на Кировский завод.

На испытаниях выявились превосходные боевые качества орудия, хотя внешний вид его был неказист. Снаряд легко прошивал броню до 30 миллиметров, «полковушка» могла вступать в единоборство со средними танками врага. Я искренне поблагодарил директора Кировского завода И. М. Зальцмана за неоценимую помощь фронту. Мы договорились, что для налаживания массового производства на завод будет временно откомандировано нужное количество специалистов-артиллеристов. В этот же день соответствующие распоряжения были направлены в войска.

Кингисеппский участок обороны. Станция Усть-Луга

Михаил Белов, батальонный комиссар, заместитель начальника политотдела Ижорского укрепленного района КБФ

31 июля военком ИУР Г. М. Яичников приказал мне отправиться на станцию Лебяжье, где базировалась 11-я отдельная железнодорожная батарея капитана М. И. Мазанова. Это было мощное артиллерийское подразделение морских 14-дюймовых орудий. Входившая в состав Ижорского укрепленного района КБФ, батарея не раз поддерживала огнем войска правого фланга Лужского оборонительного рубежа. Вот и теперь капитан Мазанов получил срочное задание выехать в район станции Усть-Луга и воспрепятствовать вражеской переправе через реку Луга недалеко от деревни Куземкино.

Выехали из Лебяжьего ночью. Состав двигался без огней и гудков. К утру транспортер старшего лейтенанта Симакина, на которого было возложено выполнение боевой задачи, прибыл на место. С него спустили на железнодорожное полотно «ноги» — прочные металлические опоры, которые повышали устойчивость платформы при выстреле, — вес снаряда более семисот килограммов. Пока артиллеристы готовили орудие к стрельбе, связисты протянули телефонный кабель к наблюдательному пункту.

Наблюдательный пункт был устроен на высокой сосне. Отсюда левый берег Луги был виден как на ладони.

В бинокль можно было рассмотреть даже людей. Гитлеровцы копошились около переправы, подтаскивали бревна, доски. Часы показывали 17.00. Артиллеристы доложили о готовности к открытию огня. Старший лейтенант Симакин скомандовал на орудие исходные данные. Тяжело охнули окрестные леса. Над НП с шелестом, напоминавшим шум урагана, пронесся сорокашестипудовый снаряд. За ним последовали еще пять. Взрывами разметало переправу, людей, технику:

Артиллеристы быстро свернули свое хозяйство, и состав, легонько стукнув буферами, ушел под прикрытие густого леса, а с наступлением темноты — в Лебяжье. Ночью мы получили телефонограмму от командующего кингисеппским участком обороны, в которой он благодарил моряков-артиллеристов за умелую работу.

Лужский участок обороны. Деревня Дрегли. КП 732-го стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии

Иван Смирнов, лейтенант, помощник начальника штаба полка по разведке

После разгрома немцев под Югостицами наступило некоторое затишье. Подразделения совершенствовались оборону, а разведчики днем и ночью следили за противником. Особое внимание уделялось левому флангу дивизии. Здесь проходили дорога Луга — Уторгош и проселки к шоссе Псков — Луга, которыми противник усиленно интересовался.

Наша очередная вылазка была к деревне Подберезье. По полученным от населения сведениям, туда накануне прикатили фашисты. Кто? Сколько?

К селению подошли под вечер. Наблюдаем. По улице ходят патрули. Возле изб несколько машин. То присажают, то уезжают мотоциклисты.

Нас семь человек. Нам надо захватить «языка». Лучше всего это сделать на дороге, которая уходит в лес. Сказал об этом командиру взвода младшему лейтенанту Глазкову, смелому и инициативному разведчику. Загорелся парень.

— Нужен кабель, метров двадцать, — сказал Глазков.

— Какой еще кабель? — Я не сразу понял, что он задумал.

— Обыкновенный, полевой. Я заметил в лесу брошенную линию. Разрешите послать бойцов?

Вскоре разведчики притащили моток провода, и мы отправились к лесной дороге. Глазков выбрал удобное место, где сосны подступали к проезжей части. Бойцы закрепили кабель за дерево и протянули его через дорогу, прикрыв песком. Сами с другим концом провода укрылись на противоположной стороне.

— Поедет мотоциклист — мы ему «струнку» натянем, — объяснил мне Глазков.

Ждем. Оружие в готовности. Слышим — тарыхтит мотоцикл. Бойцы приготовились натянуть кабель, но Глазков махнул рукой: пропустить. Подняв облако пыли, мимо нас проскочил мотоцикл с коляской. Младший лейтенант рассчитал правильно: шума будет много. На колясках у фашистов пулеметы, можно напрасно людей потерять.

Потом прошла легковая машина. И вот появился мотоциклист-одиночка. Вмиг кабель натянут струной. Мы не успели и глазом моргнуть, как гитлеровец вылетел из седла, а мотоцикл врезался в сосну. Видно, скорость была велика. Гитлеровец сильно стукнулся затылком и приказал долго жить. Из документов явствовало, что их владелец Вальтер Мюллер является рядовым одного из подразделений 3-й моторизованной дивизии.

Восточный участок обороны. Лес восточнее деревни Отрадное. КП 70-й стрелковой дивизии

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии

Появление свежих подразделений врага свидетельствовало о готовящемся наступлении. Немецкие солдаты ходили по переднему краю в рост, разъезжали на мотоциклах. Офицеры собирались группами и в бинокли рассматривали наши позиции. Иногда гитлеровцы выходили на берег Мшаги и орали: «Рус, сдавайся!» Некоторые наши бойцы и даже командиры мирились с таким положением. Комиссар дивизии рассказывал, что был на передовой и спросил бойца, почему он не стреляет. Тот в ответ: «Если я стрельну, так немец из миномета начнет палить».

— Такие настроения похожи на трусость. Надо решительно с ними бороться, — взволнованно говорил Галстян. — Лекарство против этой «болезни» — боевая активность днем и ночью.

Комдив приказал штабу подготовить распоряжение,

в котором потребовать усилить боевую активность стрелковых, артиллерийских и разведывательных подразделений. Политотделу и штабу предлагалось проконтролировать его выполнение. Для этого направили командиров штаба и работников политотдела в подразделения. По совету комиссара стали поддерживать и поощрять всякую боевую инициативу.

В ночь на 31 июля в тыл противника ушел разведотряд под командованием капитана Царева. В 2.00 получил от него сообщение о том, что разведгруппа Русакова, действуя в направлении населенного пункта Лобково, обнаружила штаб противника и разгромила его. Захвачены важные документы. Успех разжег боевой азарт разведчиков. По дороге из Лобково на Медведь они столкнулись с группой противника и завязали бой. Уничтожив до десятка фашистов, разведчики благополучно вернулись к себе.

В тот же день отличились и артиллеристы. По вражеской батарее, которая несколько дней не давала житья нашей пехоте, вел огонь дивизион 227-го артполка. Однако поразить ее не удавалось из-за неточной засечки. Тогда начальник разведки дивизиона лейтенант Проценко предложил проникнуть в тыл противника и найти эту минометную батарею. Командир согласился.

Ночью Проценко вместе с тремя бойцами отправился на выполнение задания. Ориентируясь по выстрелам минометчиков, разведчики обнаружили батарею в овраге. Проценко нанес ее координаты на карту и вернулся в дивизион.

Гитлеровская батарея после восьми часов утра открыла огонь по переднему краю нашей обороны. Несколькими залпами дивизион накрыл ее. Отличившихся в бою артиллеристов и разведчиков мы в тот же день представили к наградам.

Ну а главной нашей целью было переломить психологию бойцов, показать им, что гитлеровцев бить можно и должно, а заодно и сбить спесь с фашистских вояк. Кажется, в какой-то мере это удалось сделать.

Документальная строка

На заводах и фабриках Ленинграда, как сообщала газета «Электросила» 31 июля 1941 года, проходят митинги и собрания. Трудящиеся заявляют о своей решимости грудью встать на защиту Ленинграда, обеспечить фронт всем необходимым для разгрома врага. Из резо-

люции цехового собрания завода «Электросила»: «Свой завод мы превратим в неприступную крепость обороны. Мы дадим нашей родной Красной Армии все, что нужно для победы над врагом: и вооружение, и пополнение, и необходимые средства... Мы единодушно постановили отчислить свой однодневный заработок в фонд обороны страны».

1 АВГУСТА ★ **СОРОК ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Кингисеппский участок обороны. Район Кингисеп-па. КП 191-й стрелковой дивизии

Дмитрий Акимович Лукьянов, полковник, командир дивизии

Противник по шоссе Гдов — Кингисепп подтягивал резервы. Мне представлялось, что немцы не хотят выпустить из Эстонии застрявшую там 8-ю армию. Наступая с Ивановского плацдарма на Веймарн, они непременно бросят часть сил на Кингисепп, чтобы отрезать ей пути отхода. Мы могли помешать противнику в осуществлении этого замысла. Для этого следовало сильным отрядом выйти на его коммуникации.

Обсудив с комиссаром и начальником штаба варианты своих действий, я доложил выводы генералу Семашко. Валентин Валентинович одобрил решение, но предупредил, что на участке обороны нашего соединения появились части 58-й пехотной и 6-й танковой дивизий противника.

Для действий мы избрали район восточнее населенного пункта Старополье. Батальон из 546-го полка усилили артдивизионом и саперной ротой. Во главе этих сил стал командир полка майор В. П. Якутович, зрелый тактически, грамотный организатор и волевой человек.

На следующий день мы с комиссаром отправились проверить готовность батальона. Обходим строй, проверяем экипировку, вооружение. Всматриваюсь в лица солдат. Бессонные ночи наложили на них свою печать. Хочется как-то ободрить бойцов, сказать им какие-то особенные слова, но найти их не могу. И громко, чтоб

слышали все, отдаю распоряжение командиру полка: «Товарищ майор, получите и выдайте всем дополнительно по пачке махорки!» Это все, чем располагаю. И по легкому гулу голосов чувствую, что бойцы поняли меня.

Ночью мы проводили батальон. Подразделения шли по проселкам и лесным тропам. Особенно трудно пришлось артиллеристам. На помощь им приходили пехотинцы. Почти в назначенное время батальон вышел в указанный район, и мы получили от Якутовича первую радиограмму. Короткая шифровка — всего несколько колонок цифр — была для нас дорожке пространного донесения.

Расположив роты в лесу, майор Якутович сразу же выслал разведывательные группы с задачей установить местонахождение противника и его действия. К утру Вячеслав Петрович имел достаточно полное представление об обстановке.

Якутович решил на местности уточнить задачи подразделениям. Обозревая в бинокль захваченную немцами деревню, майор отметил для себя, что машины противника стоят в беспорядке: одни — на дороге, другие — во дворах. Орудия зачехлены. И сама деревня казалась безлюдной. Наметив направление атаки, Якутович приказал находившимся с ним командирам выводить подразделения на исходные позиции.

Едва первые лучи солнца коснулись земли, ударили наши орудия, пошли в атаку стрелковые роты, охватывая деревню полукольцом, блокируя выходы из нее. Противник пытался организовать сопротивление, открыл огонь из автоматов и пулеметов. Но, не имея ясного представления о наших силах, гитлеровцы все же предпочли ретироваться. Около девяти часов утра мы получили от Якутовича сообщение, что населенный пункт освобожден от врага.

Перейдя к обороне, батальон 546-го стрелкового полка два дня удерживал населенный пункт и прилегающую к нему высоту, лишив противника возможности подвозить боеприпасы, продовольствие и резервы. Гитлеровцы несколько раз пытались выбить батальон из населенного пункта и с высоты, но безуспешно. Тогда они нацелили на наши подразделения авиацию, танки и артиллерию.

В ночь на 1 августа мы отправили Якутовичу радиограмму: «Разрешаем отход». Выход из боя майор В. П. Якутович осуществил почти без потерь и к исходу дня

возвратился в состав полка. В этом рейде в тыл противника отличились лейтенанты Кириллов, Матросов, Смирнов, Кремнев, младший лейтенант Бруй, сержанты Анисимов и Соколов. Артиллеристы и пехотинцы уничтожили до 40 автомашин, 15 бронетранспортеров, две артиллерийские батареи противника. Гитлеровцы потеряли на поле боя до 110 человек убитыми и ранеными.

Лужский участок обороны. Юго-западнее деревни Натальино

Николай Хлебников, младший сержант, командир отделения 532-го стрелкового полка 111-й стрелковой дивизии

1 августа убило моего земляка Алексея Соколова. Вместе на сплаве работали. Артельный был парень. Рядом от самого Острова топали. И через Великую переправлялись. Сто раз под бомбежками лежали. Все обходилось. А тут...

Наш взвод назначили в боевое охранение. Отправились мы туда под вечер, чтобы за ночь добраться до места и окопаться. Идти недалеко, километра два. К полуночи вышли на высотку. Вправо дорога полевая. За ней темнеет лес. Командир взвода, лейтенант, сказал, что здесь будем занимать позицию. Впереди что-то горело, немцы изредка бросали осветительные ракеты. Снизу тянуло сыростью. Там петляла среди осоки речка. Кажется, называлась она Островёнкой. Словом, место неплохое.

Взводный показал, где рыть ячейки, оборудовать позицию для пулемета. Приказал, чтобы к утру окопы были отрыты полного профиля и замаскированы. Дело, конечно, привычное. За месяц войны немало земли перевернули малой саперной.

Ячейка Соколова по соседству с моей. Как солнышко пригрело, он пришел ко мне перекурить. Я знал, что Алексей начнет спрашивать, где же наши танки, самолеты, почему немец всюду прет. А кто я ему, нарком, что ли?

Дело у нас сделано. Сидим, самокрутками дымим. Появился фашистский разведчик. Интересно, видит он наши ячейки или нет? Потом наш лейтенант пришел, проверил маскировку, обзор-обстрел, предупредил, чтобы зря не болтались. Противник не должен знать, что на высоте боевое охранение.

До обеда было спокойно. Солнце прилекло, и бойцы после бессонной ночи похрапывали в своих окопах. И вдруг на том берегу речки показались немецкие машины. Из них вышло несколько человек. Подошли к реке, постояли и вернулись к машинам. Минуты через три на высоту посыпались мины. Гитлеровцы стреляли наугад и особого вреда не причиняли. Мины ложились то с недолетом, то с перелетом. Но последняя упала рядом с ячейкой Алексея. Надо мной вжикнули осколки, запахло кислым пороховым дымом. Когда дым рассеялся, я окликнул земляка. Алексей не отозвался. Я еще раз позвал, выскочил из своей ячейки — и к нему. Алешка привалился к стенке окопчика и голову свесил. Уже холодный, и на лбу запекшееся кровавое пятнышко. Положили мы Алексея в его ячейку, насыпали холмик земли. Сверху каску положили. На ней я штыком нацарапал: «Здесь захоронен красноармеец А. Соколов. Рожд. 1918 г. Погиб 1.8.41 г.».

Восточный участок обороны. Южнее деревни Бор. ОП 221-го артиллерийского полка 70-й стрелковой дивизии
Сергей Корякин, старший лейтенант, командир дивизиона

Разведывательные группы и передовые отряды противника в последние дни июля несколько раз пытались форсировать реки Шелонь и Мшагу, прорваться к Шимску — небольшому, утопавшему в зелени садов и палисадников провинциальному городку, важному узлу дорог на Новгород, Старую Руссу и Медведь.

В нескольких километрах от Шимска, на самом берегу полноводной Шелони, деревня Бор. Здесь стык между нашей 70-й дивизией и 1-й отдельной горнострелковой бригадой. Его обеспечивает 68-й стрелковый полк Героя Советского Союза капитана Краснова и наш 1-й дивизион 221-го артиллерийского полка.

На рассвете вместе с командирами батарей я отправился на НП. Отсюда хорошо виден передний край нашей обороны в районе Бор — совхоз «Княжий Двор». Едва успел просмотреть записи дежурных наблюдателей, проверить связь с батареями, как заметил оживление на правом берегу Шелони, западнее деревни Бор. Сквозь густой туман трудно было разглядеть, что именно намерен делать противник. Позвонил командиру 1-й батареи. Он доложил, что к берегу подошло несколько

грузовых автомашин: похоже, немцы готовятся наводить переправу.

В 6.20 гитлеровцы начали форсирование. Смяв наши боевые порядки на стыке 68-го полка и горнострелковой бригады, они захватили плацдарм и вышли к западной окраине деревни Бор. Ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем противник был остановлен.

В 7.30 мне позвонил командир 68-го полка Герой Советского Союза капитан Краснов. Он сказал, что готовит силами одного батальона контратаку, и просил поддержать ее. После пятнадцатиминутного артналета батальон пошел вперед. Противник встретил его сильным артиллерийским и минометным огнем. Роты залегли, а потом стали отходить. Через час-полтора контратаку повторили, но и она успеха не имела.

На наблюдательный пункт командира 68-го полка прибыл комиссар дивизии Галстян. Он вызвал меня к телефону и приказал воспретить фашистам переправу резервов через реку Шелонь. Пока мы решали эту задачу, капитан Краснов готовил новую контратаку. На этот раз он ввел в бой резерв — две роты. На помощь пехотинцам подошла танковая рота 21-й танковой дивизии.

Новая контратака была назначена на 15.00. Наш дивизион и полковые артиллеристы вновь прошлись огнем по боевым порядкам противника. Затем двинулись вперед танки и пехотинцы. Стрелков мы сопровождали огнем и колесами. К исходу дня, несмотря на ожесточенное сопротивление, противник был выбит из деревни Бор и отброшен за Шелонь.

Деревня Бор

Николай Крылов, старший лейтенант, командир танковой роты 21-й танковой дивизии

Дважды вместе с пехотой нам пришлось атаковать противника, захватившего плацдарм на берегу Шелони в районе деревни Бор. Бой был трудный. Гитлеровцы дрались за каждый дом. Особенно опасен был огонь их противотанковых пушек.

Первыми в распоряжение гитлеровцев ворвались командиры взводов, молодые коммунисты лейтенанты Кубарев и Бублеев. Метким огнем они разбили несколько орудий. За ними устремились другие экипажи, уничтожая врага огнем и гусеницами. Поддержанные артил-

леристами и танкистами, дружнее пошли в атаку пехотинцы. Фашисты пытались контратаковать, но все их попытки закрепиться на плацдарме успеха не имели. Стрелки капитана Краснова сжимали кольцо вокруг врага, теснили его к берегу Шелони.

В этом бою мы потеряли несколько наших товарищей. В смертельном поединке с вражеским противотанковым орудием погиб командир Т-26 старший сержант Алексей Морозов, представленный за отличие в боях под Сольцами к ордену Красной Звезды. Был ранен лейтенант Кубарев. Но, наверно, на войне не бывает легких побед.

В этот день противник пытался захватить плацдарм на левом берегу Шелони еще в нескольких местах. И там ему не удалось добиться успеха. Дорога на Шимск оказалась надежно прикрытой.

Документальная строка

Из сообщения газеты «Красная звезда»: «Подступы к Ш. обороняли части ордена Ленина дивизии совместно с подразделениями других соединений. Благодаря стойкости и упорству наших частей, хорошему взаимодействию всех родов войск, четкому управлению и связи противник потерпел поражение. Переправа была сорвана. Фашисты понесли большие потери и отброшены за реку... Особенно пострадал под ударами наших частей 24-й полк 21-й немецкой пехотной дивизии».

АВГУСТА

**СОРОК ВТОРОЙ
ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Кингисеппский участок обороны. Лес южнее села Ивановское. КП 3-го батальона 2-го стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения

Степан Бардин, старший политрук, военком батальона

Нашему батальону приказали провести разведку боем перед селом Ивановское, чтобы раскрыть систему огня противника и захватить «языка». На подготовку дали сутки. Комбат Лупенков и командир роты лейтенант Томины почти все светлое время находились на переднем

крае, тщательно изучая местность, поведение противника, выбирая наилучший вариант действий.

2 августа на рассвете два взвода роты лейтенанта Томина заняли исходные позиции. Неподалеку от них находился наш наблюдательный пункт. Поглядываем на часы, ждем, когда наступит «Ч» — время атаки.

Ударили артиллерия и минометы. Через десять минут красная ракета подняла в атаку ополченцев. Коммунисты и комсомольцы, как было решено накануне на собрании, поднялись первыми. Некоторых узнаю на расстоянии. С санитарной сумкой на боку не отстает от молодых пожилой боец, спокойный и рассудительный Шевяков. Недалеко от него высокая фигура комсорга роты. Рвется вперед и сам лейтенант Томин.

Взводы благополучно миновали проходы в минных полях. Недалеко и до лощинки. За ней — противник. Но дело до броска не дошло. Гитлеровцы открыли сильный огонь и прижали ополченцев к земле.

Появились новые огневые точки врага. Особенно мешал крупнокалиберный пулемет на правом фланге. Под него попал второй взвод. К нему пополз Томин. Сможет ли командир поднять взвод? Лупенков осипшим голосом передает координаты огневых точек врага минометчикам. Надо во что бы то ни стало подавить проклятый пулемет.

Первые мины легли правее. Комбат сам стал корректировать огонь минометчиков, и, кажется, удачно. Пулемет замолчал. Восхищаюсь комбатом.

В бою мы «языка» не взяли. Лупенков тяжело переживал неудачу. Всю ответственность брал на себя. Я не мог с ним согласиться: и он, и Томин, и бойцы — каждый делал все зависящее от него, чтобы выполнить боевую задачу. Но у нас было мало сил и средств. Видимо, не хватало и умения. Командир полка майор Арсенов, оценивая тот бой, сказал: «Сегодня мы не одолели противника — одолеем завтра... Извлекайте необходимые выводы».

Лужский участок обороны. Жельцы. КП 41-го стрелкового корпуса

Николай Куранов, старший политрук, инструктор политотдела корпуса

После совещания, которое на днях провел бригадный комиссар Гаев, в политотделе наметили мероприятия,

которые необходимо провести с военкомами и политруками в частях и подразделениях. Начальник политотдела корпуса батальонный комиссар Потапов отправил инструкторский состав в войска. Меня послали в отдельный саперный батальон.

О чем я стану говорить с политруками, партийным и комсомольским активом? Ведь это было для меня первое политотдельское задание после введения в армии института военных комиссаров. В мирное время я работал в аппарате райкома партии. Знал, как партийная организация должна строить взаимоотношения с администрацией, но партийно-политическая работа в армии имеет свои особенности. Обязанности военкома, политрука я представлял еще недостаточно четко.

Раздумывая над всем этим, я незаметно добрался до саперного батальона. Военкома на месте не оказалось. Из рот в расположении находилась только одна. Остальные были на заданиях. Попросил встретившегося красноармейца показать, где находится политрук первой саперной роты. Он провел меня к шалашу.

— Политрук роты Васильев! — представился младший командир с четырьмя алыми треугольничками на полевых петлицах и звездочкой на рукаве выгоревшей гимнастерки.

Познакомились. Васильев сказал, что обязанности замполита, а теперь политрука исполняет от самого Пскова. В партию принят в 1940-м. Заместителем политрука назначен весной сорок первого. После того как под Стругами Красными погиб политрук, исполняет его обязанности.

С первых дней войны рота находится на передовых рубежах. Часто действует разобщенно — взводами, командами. Под Стругами Красными саперы отражали прорвавшегося противника — потеряли почти половину бойцов.

— Вот и представьте, какая могла быть политработа, — говорит Васильев. — Планы не составляю, беседы повзводно редко проводим. Комсомольское собрание однажды попытались собрать, да не смогли: роту подняли по тревоге. Командира неделями не вижу.

По тону рассказа чувствую, как трудно приходится молодому политруку. И, наверно, не одному ему. Перестройка партийно-политической работы применительно к боевым условиям идет пока медленно. Некоторым не легко отрешиться от форм и методов мирного времени.

Так как же работать сегодня политруку? И неожиданно для себя я нашел ответ в рассказе Васильева:

— Недавно послали команду на минирование. Оказалось, многие бойцы из запаса понятия об этом не имели, мину в руки боялись взять. Пришлось мне и комсору роты Сарайкину на ходу учить их, вместе по переднему краю ползать...

Я про себя отмечал, что это и есть живая политработа. Бойцам недостает опыта, мастерства. Кто вооружит их этим? Командир и комиссар. Личный пример коммуниста, комсомольца — большая сила. Быть там, где всего труднее, где решается успех боя, — это и есть политработа.

Беседа с Васильевым была уроком и для меня. Боевая обстановка подсказывала формы и направление партийно-политической работы, особо подчеркивая роль личного примера политработника.

Восточный участок обороны. Лес северо-восточнее Отрадного. КП 70-й стрелковой дивизии

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии

Командование фронта в последние дни июля неоднократно предупреждало, что противник не отказался от захвата Новгорода. Мы делали из этого вывод: при наступлении противника на Новгород дивизия окажется на направлении его главного удара. Наши рассуждения подкреплялись тем, что на участке дивизии гитлеровцы 1 августа провели разведку боем и пытались захватить плацдармы на берегу Мшаги и Шелони в районе деревни Бор.

Повторно форсировать реку немцы решили ночью. Перед началом переправы открыли артиллерийский огонь по позициям 329-го и 252-го полков. Назойливо пищит зуммер полевого телефона. С трудом разбираю, что говорит начальник штаба полка капитан Мустафин:

— Противник начал переправу мелкими группами... Лезет на стыке с Красновым.

Звоню в 68-й полк. Трубку взял сам командир.

— Анатолий Андреевич, присматривай за правым флангом.

Прошло несколько минут, и противник открыл сильный артиллерийский огонь по переднему краю 68-го полка. Начальник штаба капитан Фадеев доложил, что гит-

леровцы начали переправу пехоты на северный берег Шелони. Ясно, на участках 329-го и 252-го полков наносят отвлекающие удары, а главными силами хотят сбить 68-й полк и захватить выгодный плацдарм поблизости от шоссе на Шимск.

Докладываю обстановку командиру дивизии. Принимает решение готовить резерв для контратаки. Усиливаем его танковой ротой из 21-й танковой дивизии. Но у танкистов нет горючего. Когда его подвезут, командир роты не знает. А в штабе танковой дивизии заверили, что к утру горючее будет.

С рассветом разгорелся бой на участке 68-го стрелкового полка. Противнику удалось занять окраину деревни Бор. Генерал Федюнин решил двумя стрелковыми батальонами с ротой танков провести контратаку. Положение было восстановлено.

Цветным карандашом я наношу обстановку на свою рабочую карту: красная линия — передний край нашей обороны — вновь по берегу Шелони.

К вечеру возвращаются Федюнин и Галстян. Генерал тяжело опускается на наш единственный стул.

После некоторого раздумья Федюнин обращается ко мне:

— Николай Андрианович, пиши приказание: «От командиров и комиссаров частей требую обязательно иметь резервы, продолжать устройство окопов с козырьками. Зарыть в землю транспортные машины и укрыть конский состав. Настойчиво вести разведку в пределах границ части и на флангах...» Сегодня же отправьте в полки.

— Недели две-три надо обязательно продержаться, — говорит комдив.

Мы понимаем: Новгород — ключ к Ленинграду с юго-востока.

Документальная строка

В 22.00 2.8.41 г. начальник штаба 68-го стрелкового полка капитан Фадеев доносил: «Противник в ночь с 1 на 2.8.41 г. под прикрытием сильной артподготовки начал переправлять пехоту, транспорт, боеприпасы на сев. берег р. Шелонь... Полк при поддержке танков и артиллерии решительными контратаками разгромил до батальона пехоты противника Мал. и Бол. Орловка, Ступенка, Бор. На поле боя противником оставлено свыше 200 трупов...»

Ленинград. Штаб артиллерии Северного фронта
Владимир Петрович Свиридов, генерал-майор артиллерии, начальник артиллерии фронта

В конце июля Москва послала нам прекрасный подарок — батарею реактивных минометов. Новинка, которую в войсках никто не видел. И вот колонна автомашин с зачехленными установками прибыла в Ленинград. Главком Северо-Западного направления Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов и товарищ А. А. Жданов приняли в Смольном одного из разработчиков реактивных минометов инженера Д. А. Шитова и командира батареи старшего лейтенанта П. Н. Дегтярева. Мне было приказано показать новое оружие в действии.

Опытные стрельбы состоялись на одном из артиллерийских полигонов. Реактивные снаряды произвели огромное впечатление на присутствующих. Одна установка давала за пять-семь секунд залп, равный по силе залпу дивизиона 122-миллиметровых гаубиц. Новое оружие обладало не только огромной огневой мощностью, но и громадным психологическим воздействием на врага.

О результатах стрельбы я доложил главкому К. Е. Ворошилову.

— Коль все хорошо, так не будем откладывать и пошлем батарею на передовую линию. Пусть с ней познакомятся фашистские бандиты. Направьте ее к товарищу Семашко, — сказал Климент Ефремович.

Поздно вечером батарея выехала на кингисеппский участок Лужского оборонительного рубежа.

Кингисеппский участок обороны. Район села Ивановское
Петр Дегтярев, старший лейтенант, командир батареи

Выполняя распоряжение главкома Северо-Западного направления Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, наша батарея перебазировалась на кингисеппский участок. При содействии генерала Семашко и на-

чальника артиллерии участка генерала Тынянских я уточнил начертание переднего края обороны наших войск. Совместно с командованием выбрали огневые позиции с хорошими подъездными путями. Из доставленной в район огневых позиций 122-миллиметровой гаубицы сделали пристрелочные выстрелы.

Когда стемнело, батарея заняла огневые. Расчеты навели установки в цель. Командиры взводов доложили о готовности к открытию огня. Хотя стрелять мне приходилось не первый раз, но еле сдерживаю волнение: ведь это первый залп по врагу, боевое крещение батареи. Громко командую: «Залп!»

С направляющих шести установок с ревом ушло 96 реактивных снарядов. Почти четыре тысячи килограммов смертоносного металла полетели на врага. словно кометы, неслись эрэсы по небосклону. Минуты через две мы увидели всплески разрывов. До нас донесся грохот, напоминавший горный обвал. В районе вражеских позиций появилось зарево пожара.

После залпа боевые машины исчезли в ночи. Мы возвратились в район базирования. За отличную боевую работу командование объявило личному составу батареи благодарность.

Восточный участок обороны. Район деревни Нижний Прихон. НП стрелковой роты 329-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии

Александр Строилов, старший лейтенант, командир роты

В течение ночи и на рассвете следующего дня противник несколько раз пытался форсировать Мшагу и овладеть Нижним Прихоном. Под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня гитлеровцы на машинах-амфибиях и надувных резиновых лодках посылали небольшие группы автоматчиков к восточному берегу реки, намереваясь затем поддержать их основными силами. Командование полка разгадало этот нехитрый план. Командир полка противопоставил ему свое решение: как только вражеские плавсредства окажутся на воде, открыть огонь из всех видов оружия.

Солнце еще не взошло, но ночь уже отступила. Мне с ротного НП в густой молочно-серой дымке предутреннего тумана видно, как полыхнули на том берегу оружейные зарницы, замелькали пулеметные вспышки, по-

явились фигурки людей. Они бегом преодолевали открытую местность, сбрасывали лодки в воду и, всплескивая веслами, плыли к нашему берегу.

Вслед за ними огромными жуками сползали в воду машины-амфибии. Артиллерия и минометы противника, чтобы не попасть по своим, перенесли огонь в глубь нашей обороны.

Едва фашисты добрались до середины реки, как мы открыли по ним сильный ружейно-пулеметный огонь. Вступила в дело и наша артиллерия. Над Мшагой повисли черно-серые разрывы шрапнельных снарядов, и по реке заплясали капли свинцового дождя. Солдаты покидали лодки, пытаясь спастись вплавь. И уже не было того строгого порядка форсирования, который я видел еще несколько минут назад. И вниз по течению плыли, покачиваясь на волнах, немецкие пилотки, свидетельство бесславного конца их владельцев.

Однако, не обращая внимания на потери, фашисты продолжали форсирование. Автоматчики, спрыгивая с амфибий и лодок, рассеивались по берегу и, ведя беспорядочный огонь, устремлялись вперед. В окопах завязались рукопашные схватки. Дивизионная артиллерия поставила заградительный огонь. В кожухах станковых пулеметов кипела вода.

На участке 3-го батальона гитлеровцам удалось потеснить наши подразделения и частично овладеть деревней Нижний Прихон. Но к десяти утра положение было восстановлено полностью. До конца дня противник не возобновлял попыток форсировать Мшагу. Наступило затишье. Но мы понимали: недолгое. Над нами снова кружили фашистские самолеты-разведчики. Наши позиции снова обстреливала гитлеровская артиллерия.

Документальная строка

С первых дней войны творческие работники Ленинграда создали десятки фронтовых бригад. В их состав вошли популярные артисты эстрады, театров и кино, известные композиторы и драматурги, писатели. В боевой строй вступила муза.

3 августа, сообщила «Ленинградская правда», в Ленинград возвратилась бригада артистов Ленгосэстрады и филармонии, выезжавшая на агитмашине Дома Красной Армии имени С. М. Кирова на фронт. Бригада проехала 1300 километров и дала 32 концерта в частях действующей Красной Армии.

Ленинград. Штаб ВВС Северного фронта

Александр Александрович Новиков, генерал-майор авиации, командующий ВВС фронта

Воздушная разведка доносит о крупных передвижениях войск противника. Замечено сосредоточение пехоты, танков и артиллерии в лесах и деревнях западнее озера Самро. Отдельные части подтягиваются к плацдармам у Ивановского и Сабска.

Начальник разведотдела Петр Петрович Евстигнеев высказал предположение, что в ближайшие дни противник, вероятно, завершит подготовку к крупной наступательной операции. Вполне возможно, что он будет прорываться на правом фланге фронта в направлении Волосово — Красногвардейск — Ленинград.

Разговор этот был у нас утром, а через два часа на совещании у командующего войсками фронта обнародовали сообщение Генерального штаба. В нем говорилось, что в районе озера Самро и населенных пунктов Осьмино, Ляды противник концентрирует основные силы 4-й танковой группы генерала Гепнера.

Таким совпадением сведений комбриг Евстигнеев был чрезвычайно доволен. Да и я мог гордиться работой воздушных разведчиков.

Начальник штаба фронта генерал Никишев дополнил информацию о противнике сообщением из штаба генерала Астанина: за последние два-три дня на правом фланге лужского участка обороны в полосе 11-й дивизии и 3-й дивизии народного ополчения слышен гул моторов танков и машин. Что это? Гитлеровцы готовятся обходить Лугу с северо-запада? Или это оперативная маскировка, чтобы отвлечь наше внимание? Командующий войсками фронта распорядился:

— Товарищ Евстигнеев, поставьте задачу разведчикам выяснить намерение противника в этом районе.

Я взглянул на оперативную карту: сплошное зеленое пятно лесов, редкие черные прожилки дорог, голубая лента Луги. Места труднопроходимые. А чем черт не

шутит! Ведь не предполагали мы, что целый танковый корпус повернет с лужского направления под Кингисепп, а повернул же 12 июля. На днях воздушная разведка обнаружила движение танков и мотопехоты от Ивановского на юг. Что это за маневр? Все было не так просто, как показалось вначале.

Кингисеппский участок обороны. Деревня Слепино. КП ЛПУ имени С. М. Кирова

Яков Васильевич Завалишин, батальонный комиссар, военком училища

Противник, имея превосходство в живой силе, танках и артиллерии, не добился решающих успехов на нашем участке. Его попытки прорваться на Слепино и далее, к Нарвскому шоссе, закончились неудачей. Теперь гитлеровцы повели на курсантов психологическую атаку. Утром вместо методического артиллерийского обстрела наших боевых порядков два вражеских самолета стали засыпать нас листовками. Я распорядился листовки собирать и доставлять в политотдел училища.

Реакция на листовки — повышение боевой активности. Курсанты — пулеметчики и стрелки — усилили огонь на своих участках.

Ночью доложили о новой провокации противника. Когда стало совсем темно, со стороны гитлеровских окопов послышался крик: «Помогите, ранен!» Спустя несколько минут крик повторился: «Помогите, я свой. Ранен. Помогите!» Один из курсантов, находившийся в боевом охранении, обратился к командиру отделения за разрешением оказать помощь: вдруг действительно наш боец нуждается в ней? В этот момент взлетела осветительная ракета. Курсанты успели разглядеть в кустарнике группу затаившихся гитлеровцев. Те решили сыграть на добрых чувствах советского войскового товарищества и захватить «языка».

Психологические «опыты» ни к чему не привели. Гитлеровцы вновь возобновили атаки, методический обстрел, бомбежки. Но надежные укрытия, продуманная система огня в сочетании с моральной стойкостью кировцев сделали нашу оборону неприступной для врага.

Как-то мы с командиром 90-й дивизии полковником Вехиным побывали на переднем крае 2-го батальона. Григорий Иванович с восхищением осматривал инженерные сооружения и после заметил:

— Молодцы кировцы! Настоящий укрепрайон создали. Вам бы сюда еще железобетонные доты да орудия в них поставить. И никакая сила не взяла бы.

— Так в чем же дело, Григорий Иванович? Походатайствуйте. Я уже несколько раз просил начальство доставить нам хотя бы несколько бронеколпаков, — ответил ему начальник училища.

Мы, конечно, понимали, что строительство долговременных сооружений — дело не простое. Бронеколпаки нам дадут еще не скоро. Надо рассчитывать на свои силы и постоянно совершенствовать оборонительный рубеж. Партийно-политический аппарат, используя различные формы и методы работы, разъяснял лично составу ответственность каждого за неприступность нашей обороны, за укрепление ее в противотанковом отношении. Для этого мы широко использовали каждый факт мужества и героизма курсантов на Лужском рубеже. А подвигов у нас было предостаточно.

Комсомолец Таран находился в здании, которое загорелось от вражеского снаряда. Отважный пулеметчик не покинул свой пост и продолжал вести огонь. Ему удалось вывести из строя броневик противника и уничтожить несколько гитлеровцев.

Во время атаки был тяжело ранен командир девятой роты старший лейтенант Румянцев. Его заменил курсант Гончаров. Он смело повел подразделение в бой и выбил вклинившихся в нашу оборону гитлеровцев.

Двое суток с горсткой курсантов удерживал занимаемый рубеж кавалер ордена Красного Знамени курсант Е. Рошупкин, герой боев на Халхин-Голе.

Находясь постоянно вместе с курсантами в окопах и блиндажах, политработники училища разъясняли курсантам характер и цели войны Советского Союза против фашистской Германии, требования Верховного Главнокомандующего, сводки Совинформбюро. Боевая, активная политработа была тем оружием, которое способствовало повышению устойчивости обороны.

Лужский участок обороны. Южнее озера Щучье. 486-й стрелковый полк 111-й стрелковой дивизии

Али Мамедов, красноармеец, повар 2-го батальона 486-го стрелкового полка

Когда наша рота выходила из окружения под Псковом, я остался без поварского хозяйства. Лошадь убило, и

мы с Михаилом, ездовым, бросили кухню. Да она и так была непригодна: всю ее пулями изрешетило. Думал, что теперь с поварской специальностью покончено, попрошусь в пулеметчики. Но вызвал меня комиссар батальона и приказал снова готовить пищу.

— Ты, Мамедов, комсомолец! — сказал он. — Вот тебе боевое задание: надо бойцам щи сварить. Продукты получи.

— Кухни нет, товарищ старший политрук! — отвечаю комиссару.

А комиссар говорит:

— Прояви находчивость. Подумай!

Отправились мы с Михаилом в деревню за кухонной утварью. Объяснили жителям обстановку и боевое задание. Посмеялись над нами женщины, однако выручили. У одной котел нашелся, у другой — кастрюльки, поварешка. Словом, обзавелся имуществом. На полковом складе выдали мешок пшена, капусту, мясные консервы и разную мелочь: соль, чай, перец. Бойцы из кирпичей очаг сложили. И дело пошло. Сварили мы щи, кашу, чай вскипятили. Ребята довольны. Их понять можно: соскучились по горячей пище.

Потом в полк полевые кухни прислали.

— Выбери, Мамедов! — сказал мне помпохоз.

И я выбрал с клеймом выпуска «30 июля 1941 года». Новенькая. От ленинградского завода до передовой за три дня дошла. Краской еще пахнет, и полуда как зеркало — бриться можно. Так и не сбылась моя мечта пулеметчиком стать. Но на войне и без повара не обойтись.

Документальная строка

Тысячи ленинградцев продолжают самоотверженно трудиться на строительстве оборонительных рубежей. Из письма ленинградки М. Карелиной: «Мне 57 лет, из которых 40 я непрерывно проработала на табачной фабрике. Нелегко, сами понимаете, в мои годы без сноровки браться за кирку и лопату... 18 дней, без выходных, по 12 часов в сутки работаем. Грунт попался тяжелый, и много приходится долбить киркой... На третьем участке мы, пять пожилых женщин, сделали больше, чем семь парней, работавших рядом с нами».

На строительство оборонительных рубежей ленинградцы выходили целыми производственными коллективами, учреждениями, учебными заведениями.

5 АВГУСТА ★ СОРОК ПЯТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Кингисеппский участок обороны. Деревня Юрки.
КП батальона 2-го стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения

Степан Бардин, старший политрук, военком батальона

Шли двадцатые сутки нашего пребывания на фронте. За это время мы привыкли к фронтовой обстановке. Даже выработался фронтовой распорядок. Привыкли к грубой пище, научились мобилизовывать свою волю, сдерживать чувства. Уже не так уставали от физических нагрузок, которые в первые дни буквально выбивали из колен. И с нетерпением ждали писем от родных и друзей. Большой радостью для нас стали приезды делегаций из Московского района, где формировалась дивизия, с предприятий.

Посланцы Московского района привезли нам письмо от секретаря райкома партии Г. Ф. Бадаева, которого в дивизии хорошо знали и любили. Письмо зачитывали во всех ротах и коллективно писали ответ. Гости побывали на переднем крае. Многие бойцы встретились с товарищами по работе, с соседями по дому. Не обошлось и без сюрпризов. В числе делегатов был участник гражданской войны Николай Борисович Бойков. Я случайно узнал, что семнадцатилетний пулеметчик Юрий Бойков — сын Николая Борисовича. Стоит ли говорить, сколь радостна была встреча отца с сыном. Они долго беседовали. Когда пришло время расставаться, я хотел было отпустить Юру вместе с отцом на несколько дней в Ленинград, но комбат Лупенков опередил меня, сказав:

— Не пойдет на это Николай Борисович, скорее сам останется в батальоне.

Так и случилось. Бойков-старший попросил нашего ходатайства перед командованием о зачислении его в ополченцы. Нам разрешили взять Николая Борисовича на должность санитаря.

Встречи с делегациями трудящихся Ленинграда, переписка с предприятиями, родными и товарищами имели

огромное значение для воспитания ополченцев и повышения их боевого духа.

Лужский участок обороны. Южнее города Луги. Лангина гора. КП 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

Нашу дивизию не обходили вниманием. Частыми гостями у нас были корреспонденты ленинградских газет. Бывал у нас и военный корреспондент «Правды» Даниил Руднев. В дивизии он был одним из первых представителей центральной печати.

Руднев решил побывать на нашем самом боевом участке — в 483-м полку, у Паничкина. Отговорить его было невозможно, а тут как раз Машошин собрался ехать в полк. Рудневу удалось уговорить Андрея Федоровича взять его с собой, хотя комдив сдержанно относился к газетчикам.

Машошин и Руднев попали в самый разгар боя. Батальон старшего лейтенанта Шиловича отбивал очередную атаку противника. Андрей Федорович приказал водителю броневика поставить машину за сараем и замаскировать ее, а сам направился к позициям батальона. За ним последовал и Руднев. Комдив покосился на корреспондента, хотел вернуть его, но, видимо, раздумал, снял фуражку и прибавил шаг.

В это время противник перенес артиллерийский огонь на деревню. Над полем со свистом проносились снаряды и рвались где-то за церковью. Комдив не обращал внимания на обстрел, спешил к наблюдательному пункту командира батальона. Через некоторое время из близлежащего лесочка появились группы вражеских солдат. Выбежав на поле, они ныряли в поспевавшую рожь. Затем из лесочка появились танки. Они двигались медленно, осторожно. Машошин приказал установить на прямую наводку еще три орудия.

Накал боя усиливался. Поблизости от НП разорвалось несколько мин. Шилович попросил Машошина покинуть наблюдательный пункт. Комдив что-то проворчал, дал командиру батальона еще несколько распоряжений и спустился с холма. К концу дня Машошин и Руднев, когда очередная атака была отбита, вернулись на КП дивизии.

Документальная строка

Образцы мужества, геройства и самопожертвования на поле боя показывали комиссары и политруки. Из донесения начальника политотдела 2-й дивизии народного ополчения батальонного комиссара Красовского: «В бою под д. Сяглы высокий образец мужества и товарищества проявил политрук 2-й роты тов. Дубяго И. И. Будучи сам тяжело ранен в плечо, он оказал помощь раненому бойцу — перевязал его. Перевязывая бойца, тов. Дубяго получил второе ранение в ногу и, несмотря на это, вытащил товарища из-под огня противника».

6 АВГУСТА ★ **СОРОК ШЕСТОЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Кингисеппский участок обороны. Район села Ивановское

Иван Серпокрыл, младший сержант, механик-водитель танка из батальона Бронетанковых курсов усовершенствования командного состава

Наш танковый батальон был придан ополченцам. За полмесяца боев машин осталось немного. Наш КВ тоже получил немало отметин, но броня терпит, и мы воюем за всю роту.

Утром, едва мы успели концентрат сварить, прибежал к нам лейтенант из ополченцев. И сразу к командиру старшине Шарпову:

— Противник прорвался! Майор приказал немедленно помочь.

Старшина у нас неторопливый, но знающий: финскую прошел, инструктором вождения на курсах был. Он что-то выяснил у лейтенанта, потом ребятам кричит:

— Заводи мотор!

У меня танк заводился с пол-оборота. Нажал на кнопку стартера — и мотор уже чух, чух... Старшина занял свое место, лейтенант пристроился на башне, и мы двинулись вперед.

За километр до КП полка нас остановили. Сказали, что ближе нельзя, демаскируем КП. Пришлось коман-

диру машины отправляются за получением задачи пешком. Вернулся Шарапов минут через пятнадцать. По лицу видно, кипит у него внутри. В такие минуты его лучше ни о чем не спрашивать — сам скажет. Оказывается, будем вместе с пехотой вышибать противника.

К вечеру начался бой. Мы сопровождали стрелковый батальон, и немцы сразу же стали за нами охотиться. Старшина то менял курс, то останавливался и стрелял, то приказывал сдать назад. И все кричал: «Давай, Иван! Давай жми!» Конечно, я и сам глядел в оба, чтобы не подставить борт под удар. И наш КВ вертелся волчком. Пехотинцы, увидев, как мы работаем, воспряли духом и выбили противника. Вот так наш тяжелый танк воевал за целую танковую роту.

Лужский участок обороны. Деревня Дреглы. КП 732-го стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии

Иван Смирнов, лейтенант, помощник начальника штаба полка по разведке

Наш и 801-й полки выбили противника из деревень Б. Торашковичи и Филимонова Горка и заняли господствующую высоту. Противник окопался на восточной окраине Родоли. Дважды мы пытались взять «языка», но ничего не получилось: немцы стали более бдительны.

Командир полка майор Двали приказал мне и командиру батальона старшему лейтенанту Манкевичу готовить разведку боем. Решили с утра провести рекогносцировку местности, а к исходу дня наступать.

По дороге раздумываю, как лучше организовать бой. Внимание привлекла лощина, что проходит северовосточнее деревни. Если по ней двигаться, маскируясь кустарником, можно незаметно выйти на рубеж атаки.

— Товарищ лейтенант,— прерывает мои размышления связной Гушин.— Кто же днем в разведку ходит?

— Так это будет разведка боем,— отвечаю ему.

— А какая разница?

— Ты знаешь, что такое разведка боем?

Гушин молчит. Откуда ему знать? Парень всего неделю на фронте. Но смелый и быстро ориентируется в обстановке.

— Разведка боем,— разъясняю ему,— это наступление ограниченными силами на небольшом участке, в ходе которого вскрывается характер обороны противника, система его огня. Ну и берутся пленные.

— Вместе со второй ротой наступать будем? — На мальчишеском лице Гущина оживление. — Меня пустите?

— Успеешь! Надо будет — вместе пойдем.

Я знаю, что Гущин живет мечтой о подвиге и юношеское тщеславие тянет его отличиться в деле.

Почти весь день Манкевич, командир второй роты, и я ползаем по переднему краю. От выбора исходных позиций зависит, насколько быстро мы сумеем сблизиться с противником, а значит, и понести меньше потерь.

Закончив рекогносцировку, старший лейтенант Манкевич поставил задачи командирам своих подразделений и артиллеристам. До начала действий остается два часа.

16.00. Вторая рота скрытно выдвигается вперед. Бойцы прошли густым кустарником и спустились в лошину. До противника уже недалеко. Наша артиллерия дает короткий огневой налет. И вот уже поднялась пехота. С нашего НП хорошо видна окраина деревни, где засели гитлеровцы. Справа застучал немецкий пулемет.

— Смотри, еще один, — показывает мне Манкевич на старую баньку, где выявилась огневая точка.

Комбат поставил дополнительную задачу артиллеристам: надо подавить мешающие пулеметы.

— Манкевич, доложите обстановку! — звонит командир полка.

— Правым флангом вышли к околице, а на левом залегли...

— Повторите атаку! Я помогу огоньком.

Короткий огневой налет. Вновь поднимаются бойцы. Но противник успел подтянуть танки, и наша атака захлебнулась. Радоли мы взять не смогли. По документам, изъятым у убитых фашистов, установили, что перед нами появились подразделения 8-й танковой дивизии.

Документальная строка

6 августа продолжались активные боевые действия на всем Лужском рубеже. Советское Информбюро в утреннем сообщении передало: «...на Северо-Западном направлении фронта одному германскому отряду удалось ночью переправиться через реку Н. и укрепиться на нашем берегу. Под прикрытием этого отряда немцы на другой день переправили через реку пехотный полк, около 20 орудий, много минометов и танков. Стрелковый полк под командованием Героя Советского Союза капитана Краснова получил приказ: разгромить противни-

ка, просочившегося на наш берег... На рассвете следующего дня наше соединение стремительным ударом разгромило германский полк».

7 АВГУСТА ★ **СОРОК СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Ленинград. Штаб Северного фронта

Владимир Петрович Свиридов, генерал-майор артиллерии, начальник артиллерии фронта

В последние дни общую тревогу вызвало появление танков и артиллерии противника в районе южнее Клескуш. Здесь почти на 40 километров по правому берегу Луги вытянуты полк 3-й дивизии народного ополчения и полк 111-й стрелковой дивизии. До сих пор мы считали этот участок наиболее спокойным и неподходящим для развертывания боевых действий: леса, болота, отсутствие дорог. И вдруг воздушная разведка выдала аэрофотоснимки, на которых четко видны танки, орудия. Откуда и для какой цели они здесь? Почему ни одна из артиллерийских батарей не вела огонь?

Разговаривал с Потаповым. Начальник артиллерии 41-го стрелкового корпуса ответил, что и для них этот маневр противника остается загадкой. Командир корпуса потребовал от штаба внести ясность в обстановку на правом фланге. А пока он приказал командиру 111-й стрелковой дивизии подполковнику Рогинскому и командиру полка ополченцев быть начеку.

И вот сегодня загадка разгадана. Начальник разведотдела фронта комбриг П. П. Евстигнеев сообщил командованию, что в районе южнее Клескуш новых частей противника нет. Это подтвердил и полковник Потапов. Готовя наступление на кингисеппском направлении, противник в целях дезинформации установил южнее Клескуш искусно сделанные макеты танков и артиллерийских орудий. Через мощные громкоговорители передавались шумы, гул моторов.

Нам было известно, что на кингисеппском направлении сосредоточены основные силы 4-й танковой группы.

Это четыре-пять дивизий. Была значительно усилена артиллерийская группировка, авиационное прикрытие. Благодаря усилиям наших разведчиков, самоотверженной работе патриотов, оставшихся во вражеском тылу, мы знали о противнике многое, пристально следили за его действиями по подготовке нового наступления. Трудность состояла в другом: где взять силы, чтобы сдержать противника? Ставка выделила нам несколько стрелковых дивизий. Когда они подойдут? Где их использует маршал Ворошилов? Словом, поводов для раздумий и волнений у нас было достаточно.

День 7 августа завершился телефонным звонком командующего войсками фронта:

— Свиридов! Немцы в районе Ивановского занимают исходное положение. Поезжайте к Семашко!

Отдав необходимые распоряжения помощникам, я ночью отправился в Кингисепп.

Лужский участок обороны. Район деревни Ропоти. НП батареи 710-го гаубичного артиллерийского полка

Порфирий Муштаков, старший лейтенант, командир батареи

Противник появился к вечеру. Гитлеровцы шли, как на параде. Впереди несколько танков и броневиков, за ними пехота с автоматами. Командир дивизиона предупредил: огонь открывать только по команде — и просил передать стрелкам, чтобы не паниковали.

Каждый нерв, каждая жилочка напряжены до предела. Но надо выждать время. Пусть гитлеровцы подойдут поближе. И вот команда: «НЗО „Волк“!» Так закодирован первый рубеж неподвижного заградительного огня.

Первые снаряды ложатся неточно. Вношу корректуру. Чувствую, как проходит волнение, и начинаю работать спокойно. Даю новую команду. Теперь снаряды рвутся в самой гуще наступающих. В дело вступил и артполк АККУКС.

Уже первые залпы внесли расстройство в фашистские цепи. Но противник не отклоняется от намерения пробить брешь в нашей обороне. Его артиллерия перенесла огонь по позициям дивизиона, и мы некоторое время молчим. Фашисты снова рвутся вперед. И вновь залпы наших батарей заставляют залечь вражеские цепи.

Кингисеппский участок обороны. Лес, севернее деревни Порхово. 546-й стрелковый полк 191-й стрелковой дивизии

Семен Павловский, лейтенант, командир роты

Неделю назад нас досрочно выпустили из училища. Вечера принял роту. Комбат сказал: «У меня взводами сержанты командуют, а ты все же средний командир, училище окончил. Принимай роту, и никаких разговоров!»

В роту меня сопровождал ефрейтор Лебедев. По дороге он подробно рассказывал о боевых делах, и я мысленно произвел его в «начальники штаба» подразделения.

Активных штыков в роте осталось немного — 43 человека, а участок обороны — почти километр. Комбат предупредил: главное, чтобы система огня была хорошо организована. Немец на рожон не полезет.

Утром я убедился в справедливости его слов. День начался ружейно-автоматной перестрелкой. Больше стреляли гитлеровцы. Били наугад. Мы, как приказано, стреляли только по целям. Потом фашистские автоматчики атаковали левый фланг роты. Третьему взводу пришлось отойти к опушке леса. Я доложил комбату.

Через полчаса он пришел сам. Разгневанный, не выбирая слов, не принимая никаких моих объяснений, он устроил такой разнос, что бойцы, которые были возле нас, поспешили удалиться.

Когда комбат ушел, ко мне подошел Лебедев и спокойно сказал: «Вы не переживайте, товарищ лейтенант. Такое у нас не впервые. Начинает немец нажимать — ребята в лес, а потом ночью, когда все утихнет, возвращаются на прежние позиции. Фашистам наши болота да чащобы ни к чему. Они все более на шоссежки рвутся...»

Едва стало темнеть, мы с Лебедевым отправились «восстанавливать» положение. Взвод нашли на опушке. Бойцы успели окопаться, замаскироваться. Будь моя власть, я не стал бы возвращать взвод на старые, менее выгодные позиции.

Командир взвода старший сержант Мельников словно прочел мои мысли: «Товарищ лейтенант, я понимаю, что нарушил приказ: «Ни шагу назад». Не хотел бойцов под фашистские пули подставлять, вот и решил отойти. Попозже мы вернемся обратно, немцы-то ушли...»

Что сказать старшему сержанту? За самовольный уход с позиций ему грозил трибунал. Но он не побоялся взять на себя огромную ответственность. В каких пределах допустима инициатива командира в бою? Я искал ответ...

Восточный участок обороны. 48-я армия. Район деревни Менюши. КП 835-го стрелкового полка 237-й стрелковой дивизии

Вячеслав Марак, лейтенант, командир взвода разведки

В подразделениях и штабе разговоры о схватке с эсэсовцами. В числе героев называют моего товарища лейтенанта Соловьева, командира взвода дивизионной разведки. Он с бойцами захватил «языка», благодаря чему наши успели подготовиться к встрече с противником.

Из разведсводки стало известно, что в районе деревни Ванец появились новые части гитлеровцев. Местные жители говорили, что таких головорезов они еще не видели: грабят, бесчинствуют, заставляют рыть окопы. А чуть что — пулю в лоб.

Командир дивизии полковник Тишинский отобрал группу разведчиков и лично проинструктировал. Потом комиссар дивизии с ними беседовал, разъяснял, что задание имеет исключительную важность для всей армии. Разведчики должны были проникнуть в расположение противника, определить его силы и захватить контрольного пленного.

Гитлеровцы не имели на переднем крае сплошных траншей. Так что по лесам да знаменитым Менюшенским болотам можно было хоть роту провести в их тыл. На рассвете разведчики вышли к деревне Ванец. Соловьев остановил группу обеспечения, а с остальными разведчиками отправился к деревне за «языком». Наказ командира был такой: привести офицера.

Наблюдатели установили, что деревня забита автомашинами, танками, тягачами с пушками. Около одной избы часто появлялись машины, мотоциклы. За околицей разведчики обнаружили пучок полевого телефонного кабеля, «ниток» шесть. Кто-то предложил перерезать кабель. Гитлеровские связисты наверняка выйдут устранять обрыв. Тут можно и взять «языка».

Выбрали место для засады и остались ждать вечера. Стемнело. Соловьев распорядился перерезать кабель.

Устранять обрыв пришли три связиста. Когда они обнаружили, что кабель перерезан в нескольких местах, поняли, что это сделано умышленно, и стали оглядывать местность. Устранение повреждения потребовало внимания, и гитлеровцы занялись своим делом. Сняли автоматы, ремонтные сумки. Громко переговариваясь, ругая кто-то, стали распутывать провод. Этим и воспользовались разведчики.

Двое бросились к оставленному оружию, остальные налетели на фашистов. Гитлеровцы оказывали яростное сопротивление. Одному удалось вырваться и убежать в кусты, но его настигла пуля. Другого связиста нерасчетливо стукнули прикладом, а третьего скрутили и привели с собой.

Пленный на допросе показал, что их дивизия сформирована из охранных отрядов СС и подчиняется лично Гитлеру. Дивизия участвовала в боях во Франции и Греции и предназначалась для решающего удара на одном из главных направлений Восточного фронта. В ее составе два пехотных полка и один артиллерийский, она усилена танками и особой группой артиллерии. В эти дни закончился подвоз боеприпасов и продовольствия, и завтра начинается наступление. Фашист просил никуда его не отправлять, а как только его товарищи захватят нашего бойца или командира, обменяться пленными.

Кто-то из наших попросил переводчика узнать у немца, что обозначает на его мундире эмблема — череп с перекрещенными костями. Пленный ответил, что это название дивизии «Мертвая голова».

Если пленный не врал, то до наступления «Мертвой головы» оставалось меньше суток. Я поспешил к себе в полк.

Документальная строка

Заботой и вниманием ленинградцы окружили семьи бойцов и командиров, сражавшихся на фронте. Газета «На защиту Ленинграда» 7 августа сообщала: «На заводе имени Карла Маркса с первых дней войны коллектив окружил заботой семья бойцов и командиров. Этим делом ведает специальная комиссия, созданная заводом. Члены комиссии постоянно посещают семьи бойцов, узнают об их нуждах, оказывают необходимую помощь. 32 семьям завод оказал материальную помощь. Все дети ушедших в армию помещены в детские сады и ясли».

АВГУСТА

СОРОК ВОСЬМОЙ
ДЕНЬ ВОЙНЫ

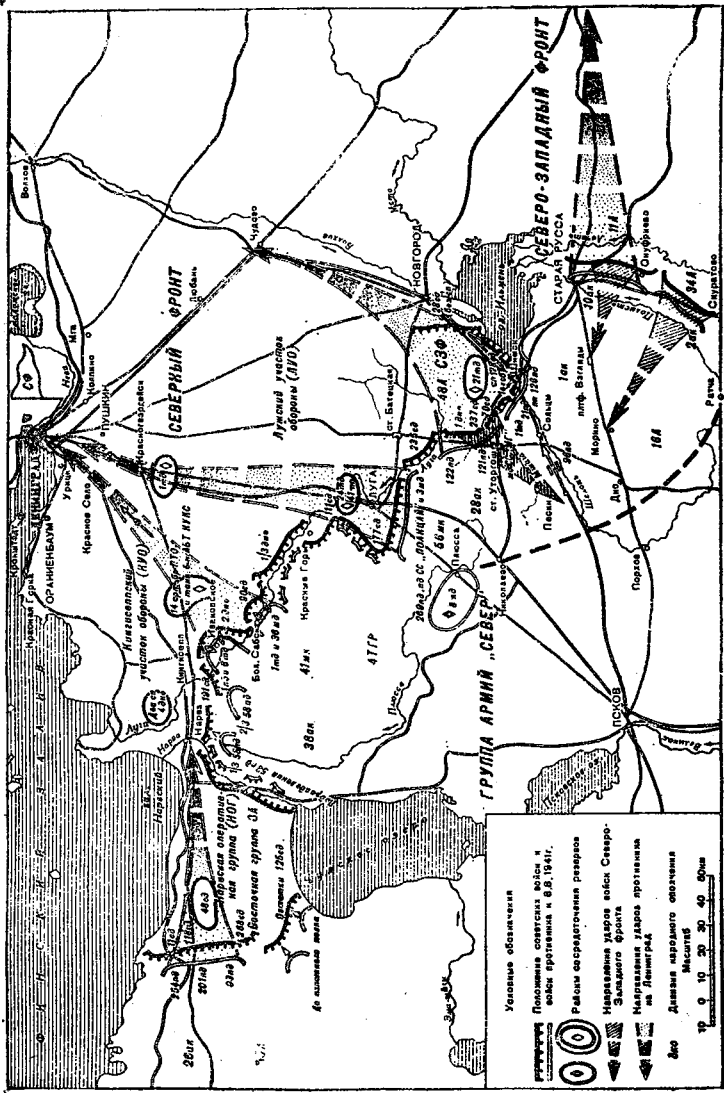
Кингисеппский участок обороны. Северный берег Вруды. КП 1-го батальона ЛПУ имени Кирова

Василий Сергеев, капитан, командир батальона

7 июля вечером вернулась с задания разведгруппа лейтенанта Новоселова. Он доложил, что в лесах и оврагах северо-западнее Сабска и на шоссе у Редкино сосредоточены крупные силы пехоты, танков и артиллерии гитлеровцев. Разведчики засекли артиллерийскую батарею, обнаружили штабные палатки, к которым тянулись телефонные провода. Я приказал усилить наблюдение на переднем крае, более бдительно нести круглосуточное дежурство у пулеметов.

Утро 8 августа началось редкой ружейно-пулеметной перестрелкой. К ней уже привыкли. В подразделения доставили завтрак, газеты и письма. После завтрака я собирался пойти в третью роту проконтролировать инженерные работы. Ими мы занимаемся постоянно. Строим огневые точки, отрываем ходы сообщения и траншеи. Опыт первых боев показал, что траншеи помогают сохранить людей, скрытно маневрировать силами и средствами.

Однако мой план нарушился. Внезапно начался массированный налет авиации противника. «Юнкерсы» бомбили передний край, огневые позиции артиллеристов, тылы. Потом по нашей обороне открыли огонь артиллерия

Группировка Северного и Северо-Западного фронтов и войск группы армий «Север» на юго-западных и южных подступах к Ленинграду к 8.8. 1941 г.

и минометы. Трудно сказать, сколько времени продолжался этот ад. Мне кажется, ничего подобного еще не было.

Как только закончилась артиллерийская подготовка, командир первой роты лейтенант Поляков доложил, что противник пошел в атаку силою до двух рот с танками. У капитана Архипова во второй роте и у старшего лейтенанта Дашкевича в третьей пока относительно спокойно. Меня это озадачило: почему противник после мощной авиационной и артиллерийской подготовки атакует на узком участке и малыми силами? Вероятно, его главный удар, как и предполагал начальник училища, будет по батальону Волкова, который прикрывает дорогу от Сабска на Редкино и Слепино.

Обстановку доложил в штаб и попросил прикрыть первую роту огнем. Артиллеристы и пехотинцы отражали атаку дружно. Истребители танков подожгли две машины. Остальные танки отошли в мелкоколесье и повели огонь с места. В это время капитан Архипов докладывает, что противник пошел в атаку и на левом фланге поджег лес. Я понимаю: лесной пожар — враг страшнее фашистов. Надо помочь Архипову. Но чем? В резерве остатки взвода из третьей роты, человек двадцать.

— Потерпи! — прошу Архипова.

Рядом НП командира 3-го дивизиона 519-го артполка. Объясняю ему обстановку. Комдив тотчас же дает команду подготовить огонь по наступающему противнику. Несколько залпов остановили фашистов, но не надолго. Они снова атакуют. Не затихает и лесной пожар. Черная туча почти скрыла от нас позиции второй роты.

Вновь докладывает Архипов:

— Первый взвод ведет рукопашную. Второй еле держится: выкуривает лесной пожар.

Советуемся с комиссаром: что делать? Старший политрук Войтенко забирает резерв и ведет его на помощь Архипову.

За день мы отразили шесть атак. Батальон удержал занимаемый рубеж. Хуже сложилась обстановка на участке обороны 2-го батальона. Противник нащупал стык с соседом — 90-й дивизией и ударил пехотой с танками. К исходу дня он вклинился в наши боевые порядки.

Северная окраина Александровки. КП ЛПУ имени С. М. Кирова

Борис Владимирович Бычевский, подполковник, начальник Инженерного управления фронта

Обстоятельства сложились так, что 8 августа я оказался на командном пункте начальника пехотного училища полковника Г. В. Мухина. С ним мы старые знакомые. За разговором не заметили, как проскочила августовская ночь. Утром я собирался поехать к генералу Семашко, но Герасим Васильевич без завтрака не отпустил. Однако сестра за стол нам не пришла. Внезапно на весь район обороны училища противник обрушил шквальный огонь орудий и минометов. Герасим Васильевич надел каску, взял автомат.

— Началось,—угрюмо проговорил он.—Вчера посылал разведку в Редкино. Более шестидесяти танков насчитали. Пойдем на наблюдательный, там есть связь с артиллеристами.

Над наблюдательным пунктом прошли три группы «юнкеров». Две направились на север, к железной дороге, а третья начала разворачиваться над обороной кировцев.

Докладывает командир 2-го батальона капитан Волков:

— Танки противника обходят Слепино и двигаются по направлению к позициям 286-го стрелкового полка 90-й дивизии.

— А сколько против батальона? — спрашивает Мухин.

— Три подбил, шесть продолжают идти.

— Держись! — требует начальник училища. — Всеми силами держись! Дорогу береги!

Объединив усилия, атаку за атакой отбивают курсантские батальоны кировцев, артиллеристы 1-го Ленинградского артиллерийского училища, бойцы 94-го артиллерийского полка. Бой идет без перерыва почти два часа. Нарушилась телефонная связь со 2-м батальоном. Мухин нервничает. Понимаю его: плохо, когда не знаешь, что творится у подчиненных. Догадался капитан Волков, прислал посыльного с донесением. Комбат собрал, что сосед училища — 286-й полк одним флангом попятился, двадцать танков перерезали дорогу у деревни Вязок и пошли на Извоз.

Начальник училища перенес наблюдательный пункт

ближе к открытому флангу и туда же направил противотанковую батарею. Доложили о восстановлении связи с батальонами. И сразу один за другим на проводе появились комбаты. Просят поддержать огнем, сообщают, что кончаются боеприпасы, информируют о принятых решениях, ждут указаний.

В этой напряженнейшей обстановке в полной мере раскрылись организаторские способности полковника Мухина. По телефону и через посыльных он давал указания комбатам по борьбе с прорывавшимися танками противника, по минированию местности, ставил задачи артиллеристам, органам тыла. Словом, руководил боем. Его воля, настойчивость незримо передавались командирам, вселяли в них уверенность, стойкость в ожесточенной борьбе с врагом.

Деревня Юрки. КП 3-го батальона 2-го стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения

Степан Бардин, старший политрук, военком батальона

Ночью было спокойно. Перед рассветом комбат вышел из землянки немного поразмяться. Навстречу ему боец.

— Как дела, товарищ Андреев? — спросил комбат.

— Тихо что-то... Уж не перед бурей ли, товарищ комбат?

Вернувшись в землянку, комбат приказал командирам рот усилить наблюдение за противником. А вскоре командир восьмой роты доложил, что на вражеской стороне слышен гул моторов. Ровно в восемь гитлеровцы начали артиллерийский обстрел нашего переднего края. Затем над позициями оборонявшихся появились пикирующие бомбардировщики. Лупенков взял телефонную трубку и тут же с досадой бросил ее: связи ни с ротами, ни с полком не было. Комбат решил идти в роты. Он направился в восьмую, а я в седьмую роту.

За выступом леса, где проходила дорога из Юрков на Ивановское, громыхали танки.

— Похоже, что прорвались в районе восьмой роты, — встревожился Лупенков и зашагал быстрее.

— Что у вас там? — Комбат остановил пожилого ополченца с перевязанной рукой.

Тот оперся на вилтовку и, с трудом переводя дыхание, хриплым голосом ответил:

— Танки утюжили роту... Товарищи командиры, водички попить не найдется?

Я отстегнул флягу, протянул ему. Боец с жадностью припал к ней губами. Пил долго.

8-й роте досталось крепко. Погиб ее командир. Выбыли из строя все командиры взводов. Оставшимися силами распоряжался политрук Ключин. Он рассказал, что после артиллерийской и авиационной обработки наших позиций противник начал атаку. Ополченцы встретили его огнем. По танкам начали бить артиллеристы. Дрогнувшие было в первый момент, некоторые наши бойцы постепенно побороли страх перед вражескими танками, вернулись в свои окопы. Гитлеровскую пехоту удалось отсечь от танков, и она была остановлена. А потом отошла обратно.

В этот день противник наступал по всему фронту обороны дивизии. Особенно ожесточенные бои шли за село Среднее. Несколько раз оно переходило из рук в руки. Ополченцы отразили шестнадцать атак. Но, как и на других участках, гитлеровцам не удалось сломить сопротивление бойцов Московской заставы.

Среди тех, кто отличился в бою, были вчерашние скороходовцы, электросиловцы, вагоностроители, рабочие и инженеры, служащие и студенты Московского района. Всей дивизии стали известны имена коммунистов Волкова, Романова и братьев Ивановых. Они в рукопашной схватке вчетвером уничтожили более десяти фашистов. Геройски сражались артиллеристы батареи политрука Павла Бархатова, командира орудия сержанта Сергея Федорова.

Южнее Кингисеппа. КП 191-й стрелковой дивизии

Дмитрий Акимович Лукьянов, полковник, командир дивизии

Утром 8 августа мы с комиссаром намеревались поехать на левый фланг обороны дивизии. Вышли из блиндажа. К нам подошел начальник штаба майор Талызин. Ожидая машину, мы обсуждали текущие дела.

— Слышишь, Дмитрий Акимович? — прислушиваясь к гулу артиллерийской канонады, спросил комиссар.

— Похоже, по Ивановскому бьет, — ответил начальник штаба. — Опять ополченцам достается...

2-я дивизия народного ополчения — наша соседка слева. Непосредственного стыка у нас с ней не было, но ополченцы прикрывали направление на Веймарн и Кингисепп, выводящее в наш тыл.

— Уточните, что происходит у наших соседей,— отдал я распоряжение начальнику штаба. — Придется поездку отложить...

Филипп Иванович согласно кивнул головой. Едва мы успели войти в блиндаж, как меня потребовал к телефону генерал Семашко. Он приказал доложить обстановку. Я ответил, что пока все спокойно. Противник активных действий не ведет. В направлении Нарвы, на правый фланг, выслал дивизионную разведку.

— Противник начал наступление с Ивановского и Сабского плацдармов. Вы чувствуете, чем это грозит? Усилите наблюдение, все огневые средства приведите в полную боевую готовность. В каком состоянии 552-й полк? — неожиданно спросил Семашко.

Я доложил, что на днях он получил пополнение и теперь имеет два полнокровных батальона.

— Один батальон держите как мой резерв. Возможно, его придется отправить в распоряжение командира 2-й дивизии. Ополченцам будет очень туго! — И генерал положил трубку.

Мне было ясно, что у командующего кингисеппским участком обороны резервов нет. Я тут же позвонил командиру 552-го полка и довел до него требование генерала.

Лужский участок обороны. Лес восточнее озера Жемчужное. КП 486-го стрелкового полка 177-й стрелковой дивизии

Владимир Дмитриевич Хубулаури, подполковник, командир полка

Командир дивизии редко вызывал нас на совещания. Обычно сам приезжал в полки и давал указания на месте. И когда передали, что меня и комиссара полка вызывают в штаб дивизии, я решил, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

Машошин был немногословен. Он коротко изложил обстановку, только что полученную от командира корпуса генерала Астанина, и определил мероприятия, которые нужно провести немедленно.

Андрей Федорович Машошин словно в воду смотрел. На другой день, 8 августа, с первыми лучами солнца появился вражеский самолет-разведчик. Он долго кружил над нашими позициями. А после того как улетел, на всю глубину обороны полка гитлеровцы обрушили

мощный артиллерийско-минометный удар. Затем двинули танки. Сквозь пыль и дым было трудно определить, сколько их. Позвонил командиру 1-го батальона. Его наблюдательный пункт находился недалеко от дороги, что вела в деревню Карпово.

— Машин сорок. Разворачиваются в боевой порядок на ржаном поле,— доложил комбат.

Местность я знал хорошо. Деревня Карпово находилась на гребне вытянутой высоты. За ней хлебные поля. Колхозники лишь частично успели убрать рожь.

— Павел Станиславович! — звоню командиру 706-го артиллерийского полка. — На 1-й батальон пошли танки!

— Не беспокойся! Не пропустим,— спокойно отвечает майор Мазец.

С командиром артполка мы вместе прибыли в дивизию, когда она еще только разворачивалась. Тогда и подружились. Понимали друг друга с полуслова.

— Товарищ подполковник! — вновь докладывает комбат-один. — До танков осталось метров восемьсот.

По голосу чувствую, что волнуется комбат. Успокаиваю его шуткой, а сам с не меньшим беспокойством поглядываю на часы: когда же Мазец откроет огонь? Знаю, артиллерист он опытный, дивизионы подготовлены хорошо. А вдруг не успеют?

Артиллеристы открыли огонь вовремя. Сразу же подожгли несколько машин. Атака фашистов на участке 1-го батальона захлебнулась. Но противник развернул наступление по всему фронту полка. Трудное положение складывалось на левом фланге: противник потеснил восьмую роту. Пришлось восстанавливать положение. Пока этим занимались, гитлеровцы нажали на 2-й батальон, занимавший оборону в центре, по юго-западной окраине Карпово.

Под прикрытием авиации и артиллерийско-минометного огня пехота и танки противника прорвались в деревню. Бой шел за каждый дом. Во 2-м батальоне выбыла из строя почти половина командиров. К полудню Карпово оказалось полностью в руках врага.

Документальная строка

В прифронтовых колхозах и совхозах области не прекращаются полевые работы. Ни бомбежки, ни обстрелы гитлеровцев не в состоянии остановить их. 8 августа опубликовано сообщение ЛенТАСС: «Колхозы области начали массовую сдачу государству овощей и картофе-

ля нового урожая. Особенно дружно идет уборка и отправка овощей и картофеля в колхозах Слуцкого района. Сельскохозяйственные артели имени Второй пятилетки и «Нижнее Койрово» уже сдали на заготовительные пункты 40 центнеров молодого картофеля».

9 АВГУСТА ★ **СОРОК ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Ленинград. Штаб ВВС Северного фронта

Александр Александрович Новиков, генерал-майор авиации, командующий ВВС фронта

На Ивановском и Сабском плацдармах продолжают ожесточенные бои. Противнику удалось расширить их на несколько километров. Командующий войсками фронта, находившийся почти весь день на НП генерала Семашко, принял решение подтянуть к месту прорыва противника 4-ю ополченческую дивизию и танковый полк из 1-й танковой дивизии, прибывшей несколько дней назад с северного участка фронта, чтобы этими силами нанести контрудар в направлении на Ивановское.

Вечером генерал-лейтенант М. М. Попов позвонил мне и спросил о том, какую помощь войскам генерала Семашко могут оказать авиаторы. Сказал при этом, что необходимо хотя бы на сутки, до подхода 4-й дивизии и танков, задержать гитлеровцев. К сожалению, ничего утешительного я не мог ответить. В воздухе было не легче, чем на земле. Противник начал активные боевые действия на Севере и на Карельском перешейке. Снять оттуда хотя бы эскадрилью было невозможно. Морская авиация помогала 8-й армии в Эстонии, которая, кстати сказать почти обескровленная, оттягивала на себя несколько вражеских дивизий. Под рукой оставались только силы ПВО Ленинграда. Ко всем бедам добавлялась еще и непогода. Начало августа изобиловало туманами и дождями, действия авиации были затруднены.

Я пригласил на совет комиссара, заместителей и начальника штаба. Решили маневрировать силами. К боевым действиям в районе Кингисеппа временно привлекли 2-ю смешанную авиадивизию, действовавшую под Лугой

и на новгородском направлении, где противник вел себя относительно спокойно. Позвонил полковнику П. П. Архангельскому и приказал ему немедленно готовить авиаполки для действий по мотопехоте и танкам гитлеровцев в районах Ивановского и Сабска. Пришлось использовать и часть сил с Карельского перешейка, хотя это было дополнительной нагрузкой для летчиков 23-й армии.

9 августа летчики Северного фронта нанесли ряд сильных ударов по пехоте и танкам противника под Кингисеппом.

Район деревни Мышкино. 2-й батальон ЛПУ имени С. М. Кирова

Андрей Девятков, лейтенант, командир взвода

Противник после форсирования Вруды, небольшого притока Луги, возобновил наступление, надеясь сломить сопротивление кировцев. Однако сделать это ему не удалось. Его атаку кировцы отразили ружейно-пулеметным огнем.

Гитлеровцы перегруппировали свои силы и вновь двинулись на нас. Наш взвод занимал позиции на левом фланге батальона. Фашисты, кажется, догадались, что левее нас никого нет, и начали быстро обходить наш фланг по лесу. Когда вражеские солдаты появились на боковой просеке, по ним вдруг ударили минометы. Чьи? Наши не должны бы. Их у нас не было. Командир отделения младший сержант Федор Золотарев сообразил:

— Товарищ лейтенант, так это ж гитлеровцы по своим лупят!

Гитлеровские солдаты бросились назад. Тут мы их и встретили пулеметным огнем. И вторая атака противника сорвалась.

В полдень к нам пришло пополнение — десять человек. Теперь во взводе двадцать два человека и три пулемета. Используя передышку, подкрепляемся: кто сухарем, кто ломтем хлеба. У наиболее запасливых нашлись мясные консервы, выданные как неприкосновенный запас. По закону воинского братства товарищи делятся друг с другом.

Обозленные неудачами, гитлеровцы полезли третий раз. Главное — не дрогнуть, не растеряться. Фашист, это мы уже поняли, берет нахальством, особенно когда шнапса глотнет. Завязываются рукопашные схватки. Младший сержант Золотарев на моих глазах заколол

вражеского солдата. Неожиданно замолчал ручной пулемет курсанта Коковнина. Оглянулся я и вижу: он схватил пулемет за ствол и молотит им гитлеровцев.

Стойко сражаются курсанты. Но гитлеровцев становится все больше и больше. Сжимается их кольцо вокруг позиции отделения Золотарева. Ребята, прикрывая друг друга огнем, отходят по ходу сообщения на следующий участок траншеи. От командира роты прибежал связной и передал приказание удержать позиции до наступления темноты, чего бы это ни стоило.

Вечером поступил приказ вернуть утраченные позиции. Во взводе осталось шестнадцать курсантов. У нас три пулемета и на каждого — трофейный автомат. А что, если... Вспомнился эпизод то ли из кинофильма, то ли из литературы, когда горстка бойцов заставила врага отступить. Темной ночью враг пошел на них в атаку. Когда противник оказался совсем рядом, они стали громко кричать: «Батальон, рота, дивизион... Огонь!» Эти слова понятны и врагу. И противник остановился. Решил рискнуть и я. Собрал курсантов, объяснил им суть задумки.

В темноте ползком подобрался к нашим старым окопам. Теперь в них находились немцы. Я во всю мочь гаркнул: «Батальон! Слушай мою команду...» И, словно эхо, со всех сторон послышалось: «Рота, слушай мою команду!», «Взвод, в атаку!» В окопы полетели гранаты, бутылки с зажигательной смесью, дымовые шашки. Затрещали автоматы. С криком «ура!» кировцы бросились вперед. Из окопов выскакивали гитлеровцы и разбегались. Сколько их было там, не знаю. Мы захватили два станковых пулемета, миномет и сумку с картой. Убито было пять вражеских солдат.

Южнее деревни Ямсковицы. Штаб 519-го гаубичного артиллерийского полка

Николай Худенко, старший лейтенант, помощник начальника штаба полка

Наш артиллерийский полк сформировался в первые дни войны. Получили новенькие 122-миллиметровые гаубицы, тракторы, стрелковое оружие. Командиры орудий, некоторые специалисты пришли из артиллерийских частей, бойцы расчетов — из запаса. Некоторые из них гаубицы и не видели. Пришлось начинать с азов. Люди, надо сказать, относились к учебе старательно.

14 июля заняли огневые позиции. Два дивизиона подерживали 2-ю дивизию народного ополчения, один — Ленинградское пехотное училище имени С. М. Кирова.

8 августа противник перешел в наступление по всему фронту. Ему удалось потеснить курсантов на стыке с 90-й дивизией. Вражеские танки прорвались на Ганьково и Яблоновицы. Огневые позиции 3-го дивизиона оказались под угрозой. Командир полка приказал одну батарею выкатить на прямую наводку и под ее прикрытием переместить остальные орудия на новые огневые позиции. Мне поручили руководить перемещением.

В ночь на 9 августа дивизион начал менять позиции. Гитлеровцы, услышав гул тракторов, видимо, решили, что подошли советские танки. В небе вспыхнули десятки ракет. Противник открыл огонь из орудий и минометов.

Мы вывозили уже последние ящики боеприпасов, когда сзади началась стрельба из автоматов. Кто-то крикнул: «Немцы!» Действительно, группа гитлеровцев через лес проникла к нам с тыла. Завязалась перестрелка. Отбивались огнем из карабинов, ручного пулемета. В ход пошли гранаты. Опасность ликвидировали.

Завершив перемещение, дивизион вновь начал прикрывать огнем курсантские батальоны и пехоты 90-й стрелковой дивизии. Я вернулся в штаб полка.

Лужский участок обороны. Лес восточнее озера Жемчужное. КП 486-го стрелкового полка 177-й стрелковой дивизии

Владимир Дмитриевич Хубулаури, подполковник, командир полка

Полковник Машошин не стал слушать объяснения, как и почему оставили Карпово. Комдив приказал в течение суток вернуть деревню.

Втроем — я, комиссар полка и начальник штаба — вырабатываем решение на предстоящий бой. Приехал майор Мазец. Оказывается, он тоже получил от командира дивизии нагоняй и приказание обеспечить огнем контратаку полка. Мы познакомили Павла Степановича с решением. Он согласился, что лучше всего выбивать противника из Карпово ночной атакой.

Начало атаки назначили на три часа ночи. С вечера выслали разведку: надо было уточнить систему огня противника. Около полуночи разведчики вернулись. Они доложили, что фашисты лишь частично переоборудова-

ли позиции нашего боевого охранения, южнее деревни разместили артиллерию. В самой деревне у противника находятся автомашины и солдаты.

К трем часам ночи майор Мазец, комиссар полка и я были на наблюдательном пункте. Пять минут длился огневой налет. Потом бойцы поднялись в атаку. Роты стали обтекать деревню.

Наша атака оказалась для противника неожиданной. Он почти без сопротивления отошел из Карпово. С рассветом мы с комиссаром полка направились в деревню. Надо было проверить, как подразделения закрепляются на отвоеванных у врага позициях. Затем я доложил командиру итоги ночного боя.

— Откуда докладываешь? — спросил Машошин.

— Из Карпово, товарищ Первый!

— Хорошо! Приеду, посмотрю. В другой раз самовольного оставления позиций не прощу. — По голосу Машошина я понял, что гроза миновала.

Документальная строка

Гитлеровская пропаганда твердила, что советская авиация как боевая сила перестала существовать. 9 августа фронтовая газета «На страже Родины» сообщала: «В ночь с 7 на 8 августа группа наших самолетов произвела разведывательный полет в Германию и сбросила некоторое количество зажигательных и фугасных бомб на военные объекты в районе Берлина. В результате бомбежек возникли пожары и наблюдались взрывы. Все наши самолеты вернулись на свои базы».

10 АВГУСТА
★
**ПЯТИДЕСЯТЫЙ
ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Кингисеппский участок обороны. Район станции Веймарн. КП командующего участком

Владимир Петрович Свиридов, генерал-майор артиллерии, начальник артиллерии фронта

Положение на кингисеппском участке продолжает оставаться неустойчивым. Нам удалось сдержать первый натиск противника. Но генерал Семашко с первой же

минуты нашей встречи ребром поставил вопрос о противотанковой артиллерии.

Я понимал, что у Валентина Валентиновича Семашко этих средств борьбы очень мало, а противник, как точно стало известно, сосредоточил две танковые дивизии — больше пятисот боевых машин. Вот и приходилось использовать все, что было под руками. В том числе и гаубичную артиллерию, которая, кстати, неплохо показала себя в борьбе с танками. Один только 519-й гаубичный полк капитана Малова за день боя уничтожил восемь танков противника.

Генерал Семашко и начальник артиллерии участка генерал Тынянский настаивали, что надо немедленно подбросить им хотя бы еще один пушечный полк. А у меня нет даже дивизиона.

— Но к вам пришла 14-я противотанковая бригада полковника Лебедева! — Я посмотрел на Тынянского, ожидая его подтверждения.

Генерал Тынянский ответил, что это прекрасная бригада. 85-миллиметровые пушки — весьма эффективное средство борьбы с любыми танками противника. Батарея лейтенанта Дельцова только в одном бою подбила двенадцать вражеских танков.

Словом, первые бои бригады подтвердили целесообразность массирования противотанковой артиллерии на танкоопасных направлениях. Противотанковые полки и бригады были удобной для управления организационной формой артиллерии. Но, к сожалению, у нас не хватало таких бригад и полков.

Вернувшись в Ленинград, я встретился с секретарем городского комитета партии А. А. Кузнецовым. Рассказал ему о положении дел на кинисеппском участке фронта, передал разговор с генералом Семашко. Попросил Алексея Андреевича обязать директоров предприятий, выпускающих артиллерийские системы и боеприпасы, пересмотреть производственные задания в сторону их увеличения. А. А. Кузнецов отнесся к просьбе с пониманием, но заметил, что заводы испытывают трудности с металлом, особенно цветным. Комсомольские организации города развернули широкую кампанию по сбору металлолома.

Слушая секретаря горкома партии, я сделал для себя пометку: проверить, насколько аккуратно войска возвращают стреляные артиллерийские гильзы.

Район деревни Муликово. КП 4-й дивизии народного ополчения

Петр Васильевич Радыгин, полковник, командир дивизии

Формирование ополченческих дивизий проводилось в период войны. Поэтому вооружение, технику, транспорт получали где придется. Катастрофически не хватало времени: за семнадцать дней, отведенных на формирование, немного успеешь сделать. 22 июля мы уже выступили на фронт.

Первой и неприятной неожиданностью для нас явилось распоряжение передать 1-й стрелковый полк в состав 191-й стрелковой дивизии. 25 июля этот ополченческий полк вступил в бой и понес тяжелую потерю: погиб комиссар полка П. Я. Кузнецов.

10 августа дивизия получила приказ сосредоточиться в районе деревни Муликово и наступать в направлении на деревню Пустошка, овладеть ею, а затем выйти на правый берег реки Луги и перерезать шоссе на дорогу Сабск — Молосковицы. Из обстановки нам известно было немного: где-то юго-западнее Кряково тяжелые бои вела 2-я дивизия народного ополчения, а левее сражалось с врагом Ленинградское пехотное училище. Танки противника вышли на шоссе в районе Слепино.

Нам предстояло нанести по противнику отвлекающий удар. Неясность обстановки усложняла эту задачу. Не исключался встречный бой с противником, а он, как известно, чреват всякими неожиданностями. Мы понимали, что выполняем какую-то часть важнейшей задачи: не допустить прорыва противника к Нарвскому шоссе, любыми средствами преградить ему путь и выиграть время, чтобы подтянуть войска.

Посоветовавшись с начальником штаба дивизии полковником Н. Н. Петровым, решил наступать на Пустошку одним стрелковым полком майора Шапило, усилив его танками и всей нашей артиллерией — единственным отдельным артиллерийским дивизионом. Положенных по штату артиллерийских полков мы не имели: при формировании дивизии не оказалось ни материальной части, ни личного состава. Другой стрелковый полк, менее сколоченный, составил резерв.

Ночью, под проливным дождем полк Шапило вышел на опушку леса, окаймлявшего деревню Пустошка, и занял исходное положение. Высланная вперед разведка

установила, что деревня занята пехотой врага. Танков противника разведчики не видели.

Командир полка решил с подходом артдивизиона и танков на рассвете атаковать противника. Но подошло время наступления, а ни дивизиона, ни танков не было. Позже выяснилось, что артиллеристы попали на заболоченную просеку и лишь к утру преодолели труднейший участок. Где-то застряли и танки. Наступление пришлось отложить.

Лишь с подходом батареи из приданного дивизиона майор Шапило решил атаковать врага. Батарейцы дали короткий артналет по Пустошке. Пехота поднялась и пошла. Но противник сильным пулеметным и минометным огнем вынудил ее залечь. Подавить же вражеские огневые точки артиллеристы не сумели. Понеся потери, роты отошли в исходное положение и остатки дня продолжали вести огневой бой с противником.

Район Александровки. КП училища имени С. М. Кирова
Константин Равин, майор, начальник инженерной службы

10 августа гитлеровцы возобновили наступление. В это время я находился во 2-м батальоне под Слепино. По дороге из Редкино на Слепино пошли танки. Головная машина попала на минированный участок. Раздался сильный взрыв: сработала сдвоенная противотанковая мина. Не растерялись и наши артиллеристы. Со второго выстрела они зажгли танк противника. Остальные машины повернули обратно на Редкино.

Поддержанный авиацией и артиллерией, противник еще несколько раз пытался сбить кировцев с занимаемых позиций, но успеха не имел. К середине дня гитлеровцы прекратили атаки. Короткое затишье мы использовали, чтобы подкрепиться и пополнить боеприпасы. Привезли еду и воду. Глоток холодной, чуть солоноватой воды был как нельзя кстати.

После небольшого перерыва противник вновь атаковал. На этот раз в районе деревни Извоз — на участке соседней 90-й дивизии. Он прорвал оборону и двинулся на Яблоницы. Часть танков и мотопехота вышли на дорогу Извоз — Слепино и, преодолев слабое сопротивление подразделений 90-й дивизии, зашли в тыл нашему 2-му батальону. Однако окружить училище противнику не удалось.

В ночь на 11 августа курсантские батальоны по приказу командования отошли на рубеж Слепино — Вязок — Волна. Продолжая удерживать северный берег реки Вруды, они контролировали важные дороги на Александровку и Извоз.

Лес восточнее деревни Яблоновицы. 286-й стрелковый полк 90-й стрелковой дивизии

Николай Григорьев, красноармеец, политбоец

5 июля по партийной мобилизации я был направлен на военную подготовку в Череповец. И вот мы снова в Ленинграде. Нашу группу политбойцов послали в 90-ю стрелковую дивизию, в 286-й полк. Перед боями полк получил пополнение. Народ в основном из северных районов — колхозники, лесорубы, рыбаки. К фронтовой обстановке привыкают с трудом.

Командир роты направил меня во взвод старшего лейтенанта Андрея Назарова, прекрасной души человека, смелого и хладнокровного. Взводный рассказал мне о бойцах подразделения, дал ряд советов о том, как вести себя в бою.

10 августа нам приказали атаковать противника в деревне Яблоновицы. Батальон сосредоточился на опушке леса и с криком «ура» двинулся вперед. Со стороны противника ни одного выстрела. Мы перестали кричать «ура» и подошли к крайним избам. И вот здесь-то случилось страшное: на нас обрушился шквал автоматного и пулеметного огня, а из-за домов вышло пять танков. Бойцы растерялись: кто бросился на землю и прижался к ней, кто побежал к спасительному лесу.

Я распластался на небольшом бугорке и со злостью разрядил магазин трофейного автомата по врагу. Оставались две гранаты. С ними в числе последних отошел к опушке леса. Здесь нам приказали закрепиться.

Бойцы принялись малыми саперными лопатами окапываться. Тут я заметил, что один из пожилых бойцов уселся под сосной и курит. Я спросил его, почему он не окапывается? Боец ответил: «Сынок, могилку себе рыть не буду». Пришлось объяснить, что окоп сохранит ему жизнь.

Товарищ нехотя начал окапываться. Другие бойцы вырыли окопы полного профиля, а этот лишь для стрельбы лежа. Когда я подошел к нему, он сказал: «Вот и могилка готова, можно и умирать». И надо же такому

случиться: едва я отошел, немцы начали обстрел из минометов, и первая же мина угодила к нему в окоп. Его земляки мне сказали: «Зря ты заставил Степана яму рыть. Без нее, может, и жив бы остался человек». Трудно с таким народом разговаривать.

Лужский участок обороны. Южная окраина города Луги. Лангина гора. КП 177-й стрелковой дивизии.

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

О событиях в районе Кингисеппа поступают самые противоречивые сведения. Одни говорят, что противник вышел на шоссе Нарва — Ленинград и устремился к Красногвардейску, другие утверждают, что Кировское пехотное училище и ополченцы сдерживают атаки фашистов. Так или иначе, но прорыв противника на Красногвардейск доставит Лужской группировке серьезные неприятности. Очевидно, враг попытается перерезать шоссе Луга — Ленинград и частью сил ударить во фланг и тыл нашей группировки под Лугой. Пока же он не оставляет попыток прорвать главную полосу обороны дивизии. Не случайно на нашем направлении, кроме 269-й пехотной дивизии, появилась танковая и дивизия СС «Полицай».

10 августа противник вновь начал атаковать крупными силами рубежи 483-го и 502-го полков. Почти полтора часа длилась авиационная и артиллерийская обработка переднего края нашей обороны. Потом пошла пехота. Живые перешагивали через убитых и продолжали идти вперед. Однако мощный огонь батарей артиллерийской группы полковника Одинцова остановил этот фашистский вал и заставил гитлеровцев откатиться назад.

Вечером начальник оперативного отделения майор Андреев принес на подпись оперсводку. Я удивился, увидев цифру наших потерь. Они были малы. Видно, не зря затрачивались усилия на совершенствование обороны. С 20 июля по 8 августа командиры и штабы полков непрерывно улучшали систему огня, усиливали инженерное и артиллерийское прикрытие стыков.

Большую помощь оказали жители Ленинграда и Луги. Их руками открыты десятки километров траншей, ходов сообщения и противотанковых рвов, воздвигнуты доты и дзоты.

В начале августа лужский оборонительный участок

пополнился тремя отдельными пулеметно-артиллерийскими батальонами: 260-м, 273-м и 274-м. 272-й опаб, сформированный из ополченцев Балтийского завода, командир 41-го стрелкового корпуса передал в оперативное подчинение нашей дивизии. Командиру батальона старшему лейтенанту А. С. Медведникову комдив поставил задачу: оседлав шоссе и железную дорогу, прикрыть с юго-запада подступы к Луге.

Словом, оборона под Лугой все более приобретала типичные черты укрепленного района. Успеем ли до конца добести задуманное? И в этой связи я иногда пытаюсь ответить на вопрос: «Почему мы стали заниматься подготовкой оборонительных рубежей по-настоящему лишь тогда, когда враг глубоко вторгся на советскую землю?» И вспоминаю наши довоенные установки, выраженные крылатыми словами: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Мы готовились, в случае агрессии на нас, воевать на территории врага и добиваться победы малой кровью. В академиях и училищах оборонительному бою отводилось второстепенное значение. Практика внесла поправки. Пришлось доучиваться, платя за собственные ошибки своей кровью.

Район деревни Карпово

Семен Димаков, красноармеец 486-го стрелкового полка 177-й стрелковой дивизии

Во вторую роту 486-го стрелкового полка я попал в июле. В отделении нас было десять человек. Командовать нами стал сержант Иван Пузейкин. Ефрейторы Николай Плоткин и Николай Смирнов в полку еще до войны служили. А остальные — новобранцы. Среди них я самый молодой, двадцать второго года рождения. Так что я чаще других слышал обращения: «Сеня, сбегай!», «Сеня, принеси!»

Прошлый раз Пузейкин послал меня и еще двух бойцов к старшине за бутылками с горючей смесью. Мне нравилось ходить к старшине. Располагался он со своим хозяйством в тылу, в полукилометре от передовой. Жил в землянке. Сено для постели, на столбике при входе — умывальник.

Выдал нам старшина три ящика этих самых бутылок, поспрашивал, как мы привыкаем к фронтовой жизни, угостил махоркой-самосадом. Душевный человек!

Притащили мы бутылки в отделение. Каждый получил по две штуки. На другой день сержант стал нас обучать, как поджигать вражеские танки. Начертил на земле квадрат. Отошли мы метров на тридцать и начали на меткость бросать булыжник. Побросали с полчаса и разошлись по окопам.

Сидим с дружкой в окопе, самокрутки потягиваем. Василь взял бутылку и говорит:

— Не могу поверить, что этой бутылкой можно танк сжечь. Ведь не консервная банка. Сталь-то у него, небось, вершок, не меньше...

Я тоже в некотором сомнении, но в газетах пишут, как бойцы такими бутылками жгут фашистские танки. Не будут зря печатать!

На другой день началось светопреставление. И откуда у гитлеровцев столько авиации? Тучей их самолеты летают. Бомбят, конечно, жутко. Я решил, что лучше не смотреть, и ткнулся носом в песок на дне окопа.

Кончилась бомбежка. Чуток спустя слышу — рядом грохочет, аж земля трясется. Танк с крестом на наш окоп лезет. Тут я не выдержал. Схватил бутылку, вскочил и со всего размаху швырнул ее в танк. Куда? Толком не помню. И снова на дно окопа. А кругом пальба, грохот. Потом «ура!» стали кричать. Сержант спрыгнул в наш окоп и легонько меня сапогом тормошит:

— Это ты, Димаков, танк поджег? Ну и орел! Вставай, пошли вперед. Наши поднялись в атаку.

Вскочили мы из окопа и тоже побежали, закричали «ура!». Но тут меня пуля задела. Сержант, спасибо ему, перевязал. Потом меня в госпиталь отправили. Всю дорогу думал: «Как же это меня угораздило фашистский танк поджечь?»

Восточный участок обороны. Деревня Уномерь. КП 2-го стрелкового полка 1-й дивизии народного ополчения

Иосиф Иванович Лебединский, полковник, командир полка

Два дня батальон старшего лейтенанта Малетина отбивает атаки врага. Сегодня противник подбросил резервы и после налета авиации и сильной артиллерийской подготовки вновь двинулся на позиции 2-го батальона. Автоматчики врага нащупали фланги и попытались их обойти. Пришлось ввести в дело резервную роту. Я вновь восхитился бойцами-ополченцами. Сколько у них

мужества, решительности. Вот уж истинно — дерутся, как львы.

Командир батальона сообщил о подвиге младшего сержанта М. Петрова. С группой бойцов он занял каменный подвал церкви и превратил его в настоящий дот. Несколько часов горстка ополченцев пулеметным и винтовочным огнем препятствовала продвижению фашистов. Почти все бойцы погибли. Петров остался один. Когда гитлеровцы пытались захватить его в плен, он последней гранатой подорвал себя и окружавших его врагов.

Героически сражался командир 1-го батальона В. Мараев. Осколком мины он был ранен. Сандружинница Юрасова хотела эвакуировать комбата, но Мараев наотрез отказался и продолжал командовать батальоном. Затем был ранен вторично — пуля пробила плечо. Но и на этот раз комбат не покинул поле боя. За мужество и храбрость он первым был представлен в полку к ордену Красного Знамени.

Трудно остановить до зубов вооруженного врага. Из батальонов сообщают о потерях. Погиб комиссар 3-го батальона С. К. Горбунов. Возглавив контратаку роты, героем пал на поле боя политрук М. А. Трескунов. В 1-м батальоне выбыли из строя почти все командиры рот.

Конечно, в доблести и храбрости нашим командирам не откажешь. Но война еще не кончается, и неизбежно возникает вопрос: где взять командные кадры? По этому поводу у меня был разговор с комиссаром полка.

Не спору, личный пример командира, политработника на поле боя играет большую роль. Но дело не только в этом. Наши командиры пока что неумело управляют подразделениями в бою и нередко сами превращаются в рядовых бойцов с винтовкой в руках. В ходе боя они теряют связь с подчиненными, не используют сигналы и связных. Нам предстоит преодолеть «детскую болезнь» роста командирского мастерства.

Документальная строка

Сильной контратакой противник был выбит из деревни Большие Угороды. В подвале церкви была найдена записка, которую оставили герои-ополченцы: «Нас было пятеро. Все комсомольцы. Ваня и Гриша погибли час назад. Мы переползли в церковь, чтобы больше убить фашистов. Осколком убило Диму. Остались вдвоем с Евсеем Сиберяком. Осталась последняя граната. Руки... 10.8.41. Петров Мих.».

11 АВГУСТА ★ ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Кингисеппский участок обороны. Район станции Веймарн. КП командующего участком

Борис Владимирович Бычевский, подполковник, начальник Инженерного управления фронта

Ночью командующий войсками фронта и секретарь горкома партии член Военного совета фронта А. А. Кузнецов вызвали меня на командный пункт генерала В. В. Семашко. Я вошел в землянку к концу острого разговора между А. А. Кузнецовым и В. В. Семашко. Речь шла, как я понял, о вводе в бой 1-й гвардейской дивизии народного ополчения. Генерал Семашко высказал реплику по поводу наименования дивизии гвардейской. Член Военного совета фронта А. А. Кузнецов в резкой форме сказал, что гвардейской дивизию просил назвать сам народ. От командующего и штаба участка зависит организация ее боя, а драться рабочие будут насмерть, подчеркнул он.

— Я в этом не сомневаюсь, Алексей Александрович. Но дивизия, которая лишь три дня назад закончила формирование и имеет необученный личный состав, вряд ли будет способна нанести нужной силы контрудар. Да и идти ей до нас еще почти сорок километров. — Генерал Семашко взглянул на карту, на часы. Шел первый час ночи.

А. А. Кузнецов продолжал:

— Кто сегодня за один день сжег полсотни вражеских танков? Братья Ивановы с мясокомбината, Фирсов, Васильев из 2-й дивизии, Кочетов у Радыгина... Это что, обученные бойцы? Что делать, если не хватает артиллерии и авиации? Деритесь гранатами, бутылками с горючей смесью. Дорогу от Кингисеппа на Волосово нельзя дать перерезать противнику. Вот что требует от вас Военный совет фронта.

В разговор вмешался командующий войсками фронта М. М. Попов. Он дал указание генералу Семашко немедленно выдвинуть 14-ю артиллерийскую противотанковую бригаду и всю войсковую артиллерию к рубежу

прорыва танков противника. За этим заслоном поставить второй — из частей 1-й танковой дивизии полковника В. И. Баранова. Этими силами прикрыть ввод в бой 1-й гвардейской дивизии народного ополчения.

Командующий участком доложил, что в 1-й танковой дивизии не больше 80 танков, а противник наступает двумя танковыми, двумя пехотными и одной моторизованной дивизиями. Наших сил в районе Кингисеппа крайне мало. Мы не имеем в резерве даже батальона.

Генерал Попов распорядился, чтобы танкисты вели бой из засад. Он рекомендовал закапывать танки в землю и использовать их как неподвижные огневые точки. Затем командующий войсками фронта приказал штабу кингисеппского сектора готовить контрудар и встречать 1-ю гвардейскую дивизию народного ополчения. Ввод ее в бой был неизбежен.

От меня командующий и член Военного совета потребовали максимально ускорить работы по устройству заграждений за железной дорогой Кингисепп — Красногвардейск, организовать подвижные отряды заграждений. Я доложил, что вызвал запасный саперный батальон, остальные инженерные части вместе с пехотой втянуты в бой. Генерал Попов мои объяснения слушать не стал и еще раз повторил, чтобы завтра же отряды минных заграждений были в районе Кингисеппа. Направление их действий — на Котлы, Волосово и Ропшу. Главное — истребление вражеских танков!

А. А. Кузнецов поинтересовался, как идут дела в Кингисеппском укрепленном районе, которым командовал майор Котик. Я ответил, что укрепленный район в настоящее время фактически оказался впереди других войск. Там находятся два пулеметно-артиллерийских батальона. Их бойцы совместно с населением роют окопы, ставят минные и проволочные заграждения.

— Маркиан Михайлович, — обратился Кузнецов к командующему. — в последних донесениях майор Котик сообщал, что в УРе не хватает артиллерии. В дотах — лишь пулеметы, амбразуры фронтом только на запад. При необходимости будет очень сложно организовать круговую оборону.

Генерал Попов ответил, что он направил Котику один полк из 4-й дивизии народного ополчения, а в случае обхода противником укрепрайона направит туда бригаду морской пехоты и части 191-й стрелковой дивизии. Сейчас же, считает он, главное — сдержать удар здесь,

не дать танкам противника вырваться на оперативный простор.

На этом разговор у генерала Семашко закончился. Генерал М. М. Попов и А. А. Кузнецов выехали навстречу 1-й гвардейской дивизии народного ополчения. Я отправился в Инженерное управление для решения вопросов по организации отрядов заграждения на кингисеппском направлении. Требовалось срочно искать новые силы.

Деревня Александровка. КП ЛПУ имени С. М. Кирова
Яков Васильевич Завалишин, батальонный комиссар, военком училища

Почти всю ночь политотдельцы и командиры штаба училища работали в подразделениях. После напряженнейшего дня, когда ротам пришлось не раз отбивать сильные атаки противника, выдерживать массированные удары его авиации и артиллерии, надо было помочь командирам и политрукам рот разобраться с потерями, восстановить оборонительные рубежи, подобрать командиров взамен выбывших, накормить курсантов, организовать отдых, ободрить людей. Словом, это была незаметная, но очень нужная и конкретная политработа. На месте приходилось решать десятки вопросов, от которых зависело настроение бойцов, их активность, моральная стойкость.

В первые дни боевых действий мы, политработники, меньше уделяли внимания организационным вопросам. Считали, что это дело командиров, и больше занимались агитационной работой. Безусловно, агитация — дело важное и нужное. Но в сложной обстановке решающее значение приобретала именно организаторская работа, конкретная помощь командирам и политрукам. И чем лучше политработник понимал эту свою задачу, тем выше были его авторитет, сила влияния на людей.

Изменение стиля работы военкомов и политруков неизменно сказывалось и на взаимоотношениях с командирами. Очень скоро лично я почувствовал, что нужен начальнику училища не только для того, чтобы подписать приказ, но и посоветоваться, обговорить решение по какому-то существенному вопросу.

Вернулся я на КП под утро и собирался ненадолго прилечь. Вошел начальник училища с листком в руках. — Прочти, комиссар! — Он дал мне листок. Это бы-

ло боевое донесение командира 1-го батальона капитана Сергеева. Комбат сообщал, что на северной окраине деревни Максимовка и далее по высоткам противник перешел к обороне, а по дороге на Слепино — Вязок за четыре часа прошло до ста сорока автомашин. Разведчики наблюдали также движение транспорта через Мышино на Пустошку.

— Что бы это значило? — спрашиваю Мухина и высказываю догадку о том, что гитлеровцы, видимо, задумали нажать на соседа.

— И я так считаю, — согласился полковник Мухин. — Сидеть сложа руки и ждать, когда немцы замкнут кольцо, мы не можем. Надо предложить командиру 4-й дивизии ополченцев совместно нанести удар в направлении высоты Крутая и выйти на северный берег Вруды.

Я понимал, что провести такое решение в жизнь не просто. Противник имел превосходство в живой силе и особенно в танках, которых мы совсем не имели. Не ясна была и обстановка в районе действий ополченческой дивизии. И все же это было смелое и верное решение. Я согласился с Мухиным.

Герасим Васильевич вызвал начальника штаба майора Хохлова, и они засели за рабочую карту.

В тот день еще одно обстоятельство усложнило наше положение. Мы потеряли связь не только с соседями, но и с командующим кингисеппским участком. Высланные туда связисты и посыльные не возвращались.

Лес севернее деревни Пустошка. КП 2-го стрелкового полка 4-й дивизии народного ополчения

Григорий Иванович Средин, батальонный комиссар, военком полка

Бой под деревней Пустошка для нашего полка, состоявшего из рабочих, преподавателей, артистов, служащих Куйбышевского района, курсантов школы милиции, был боевым крещением. После того как стало ясно, что 3-й стрелковый полк не сможет овладеть деревней, командир дивизии приказал нам во взаимодействии с подразделениями 3-го полка штурмом взять населенный пункт и тем облегчить положение на участке пехотного училища имени С. М. Кирова.

Когда мы вышли к деревне, она горела. Горький дым пожарища стелился по всему полю. Полк принял боевой порядок. Бойцы шли цепью, в полный рост. Иногда

припадали на колено и стреляли из винтовок. Сомневаюсь, все ли бойцы вели прицельный огонь. И было в этом наступлении что-то от кино, неправдоподобное.

Противник заметил нас. Его артиллерия и минометы открыли огонь. Ополченцы залегли. Сразу же стали нести потери: ведь не умели окапываться, уходить из-под обстрела перебежками, наблюдать за противником и в зависимости от обстановки маневрировать на поле боя.

И все же в деревню мы ворвались, зацепились за крайние дома. Но неожиданно получили приказ комдива отойти в лес и двигаться к деревне Морозово. Если бы не личная подпись полковника Радыгина, командир полка не поверил бы в такое распоряжение. Оно казалось абсурдным. Однако в любом бою бывают обстоятельства, которые трудно предвидеть.

Поздно ночью, усталые и измученные, мы прибыли в назначенный район. Здесь нас уже ждал командир дивизии. Он познакомил с обстановкой. Оказывается, пока мы вели бой за деревню Пустошка, вражеские танки и мотопехота перерезали дорогу на Морозово. Тылы дивизии и артиллерийский дивизион оказались отрезанными от основных сил. Командир дивизии поступал мудро, собирая соединение в единый кулак северо-восточнее деревни Морозово, которая уже была занята противником.

Полк занял указанный рубеж и вместе с другими подразделениями стал готовиться к наступлению в направлении деревни Лопец. Комдив решил нанести удар в тыл противника и соединиться с остальными частями дивизии в районе деревни Крякво.

Деревня Юрки. КП 3-го батальона 2-го стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения

Степан Бардин, старший политрук, военком батальона

Тяжело покидать Юрки, которые отбили у врага и больше двадцати дней удерживали. Но защищать их нечем и некому. Во взводах осталось по несколько человек. Мы потеряли почти все станковые пулеметы. У артиллеристов выбыла из строя почти половина расчетов. Трудно с боеприпасами. О сложившейся обстановке донесли командиру полка и получили разрешение отвести остатки батальона в Выползово.

Противник попытался отрезать нам пути отхода. Часть ополченцев оказалась в окружении. Среди них и политрук девятой роты Амитин. Мы считали его погиб-

шим и тяжело переживали потерю боевого товарища, замечательного политработника. Но Амитин умело организовал круговую оборону, а с наступлением темноты ополченцы прорвались через вражеское кольцо.

На рассвете мы пришли в деревню Выползово, полу-сожженную, покинутую жителями. Видно было, что народ уходил из селения в спешке: вопреки крестьянской хозяйственности, во дворах встречалось немало необходимой утвари.

Лупенков определил подразделениям позиции и приказал немедленно окапываться. День тяжелых боев, бессонная ночь измотали людей, и я предложил дать бойцам сначала отдохнуть. Но Лупенков и слушать не стал. «Мы обязаны думать о сохранении жизни бойца, товарищ комиссар! И прошу вас это понять»,— сухо ответил мне комбат. Небольшая размолвка задела меня. А быть может, я не прав? Обстановка напряженная. Враг может появиться в любой момент. И понял, что зря погорячился.

Немного позже мы решили отправиться к бойцам. Надо было разъяснить людям обстановку, ободрить их. Лупенков собирался уточнить расстановку сохранившихся у нас пулеметов и выбрать места для истребителей танков. В это время к нам подошел старший сержант-артиллерист. Он доложил Лупенкову, что является командиром расчета 76-миллиметровой пушки. Вчера их батарея вела бой с танками противника. Осталось всего два орудия. Его и еще одно, которое вместе с расчетом находятся в километре-полутора отсюда.

Старший сержант Арсеньев, как он назвал себя, просил временно взять его и другой расчет в состав батальона. Надо ли говорить, с какой радостью мы согласились это сделать! Теперь у нас появились две пушки.

Утром противник двинул против нас танки и автоматчиков. Когда его боевые машины поднялись на высоту, открыла огонь наша артиллерия. Арсеньеву удалось подбить один из танков. Затем артиллеристы подбили еще одну машину. Атака врага сорвалась.

В тот день мы отразили еще одну атаку противника.

Лужский участок обороны. Город Луга. РК ВКП(б)

Иван Дмитриевич Дмитриев, секретарь райкома партии

С утра противник начал интенсивно бомбить город, особенно район вокзала. Вскоре со стороны Лангиной го-

ры мы слышали сильную артиллерийскую канонаду. За двадцать дней боев на подступах к Луге мы научились различать, чья артиллерия бьет — своя или противника. Теперь же в этом трудно было разобраться. Но сомнений не оставалось: бой постепенно смещался вправо от шоссе. Вероятно, противник нажимал на дивизию Рогинского.

Вечером, возвращаясь с передовой, в райком зашел бригадный комиссар Гаев. Он рассказал, что гитлеровцам в некоторых местах удалось вклиниться в нашу оборону.

— Может понадобится помощь районных истребительных отрядов, — сказал комиссар корпуса.

Истребительные отряды мы сформировали в июле. Одним из них командовал капитан Лукин, командир-пограничник, человек исключительной энергии, прекрасно разбирающийся в военном деле. Отряд насчитывал около двухсот человек, преимущественно коммунисты и комсомольцы. Лукин организовал с ними военные занятия. И к началу августа это было сколоченное, боеспособное подразделение, названное затем батальоном.

В ночь с 11 на 12 августа истребительный батальон занял позиции, прикрыв правый фланг 177-й стрелковой дивизии. Вместе с ним пошли на передний край и мы, работники райкома партии. Все еще не верилось, что война подошла к самому порогу нашего дома. Продолжали беспокоиться об уборке овощей и хлебов, о заготовках сена, об эвакуации оставшегося имущества и людей, о партизанских отрядах, которые в соседних районах, занятых врагом, уже начинали действовать.

Восточный участок Лужского рубежа. Район села Медведь. Штаб 70-й стрелковой дивизии

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии

Противник на нашем направлении ввел свежие части и развернул наступление с захваченного плацдарма на северном берегу Шелони на Шимск — Новгород, а из района Сольцов — вдоль железной дороги Дно — Батецкая на Лугу. Мы понимали всю опасность его действий. Удастся гитлеровцам прорваться к Новгороду — подвижные отряды выскочат на оперативный простор, и противник начнет развивать удар на Ленинград с юго-востока. Прорвется враг на Уторгош — сомнет 1-ю дивизию

народного ополчения и ее соседку — 237-ю, нас загонит в Менюшинские болота и окажется в тылу Лужской группы генерала Астанина.

Вчера еще была надежда, что наши соседи — справа 1-я дивизия народного ополчения и слева 1-я отдельная горнострелковая бригада — удержат фланги. Сегодня стало очевидным, что они этого сделать не смогут. Горнострелковая бригада и ее соседка — 128-я дивизия, как сообщили из штаба 48-й армии, не смогли удержать свои позиции западнее и юго-западнее Шимска.

На нашем участке обороны противник ограничивается ударами с воздуха. Бомб, надо сказать, не жалеет, чтобы не допустить маневра дивизии на левый фланг. К сожалению, нам нечем маневрировать. Активных штыков в ротах осталось не более пятидесяти процентов. Особенно велики потери командного состава в звене взвод — батальон. На днях капитан Краснов, командир 68-го полка, просил назначить на должность командира роты старшего сержанта Шкаликова.

И такие назначения не являются исключением. Младшие командиры, получившие боевой опыт, справляются с обязанностями командиров взводов вполне успешно.

Командир дивизии, предвидя развитие событий, поручил штабу разработать мероприятия на случай ведения боя с открытыми флангами, а также предусмотреть действия при отходе: маршрут, прикрытие, меры боевого обеспечения. Комиссар дивизии Галстян, заметив на моем лице выражение некоторого замешательства, спокойно сказал:

— Я поддерживаю решение генерала Федюнина. Отход неизбежен и отнюдь не означает нашей слабости. Предстоят долгие и упорные бои с врагом. Для них и надо сохранить дивизию.

Документальная строка

Огромный перевес в силах не принес группе армий «Север» желаемого успеха. Сломить сопротивление защитников Ленинграда одним ударом и на этот раз не удалось. 11 августа 1941 года начальник генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковник Гальдер в служебном дневнике записал: «Совершенно незначительные успехи первого дня наступления на фронте группы армий «Север». На всех участках фронта, где не ведется наступательных действий,

войска измотаны. То, что мы сейчас предпринимает, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне...»

12

★ АВГУСТА.
ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ
ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Штаб Северного фронта

Маркиан Михайлович Попов, генерал-лейтенант, командующий войсками фронта

Дуга на карте в районе Кингисеппа все более выгибалась на север и северо-восток. Правда, держалась на своих рубежах 191-я дивизия Лукьянова. Но 2-я и 4-я дивизии народного ополчения и 90-я дивизия Вехина под натиском противника продолжали отходить. Гитлеровцы овладели Яблоновицами и Юроховицами. Их танки и мотопехота по проселкам вырвались к железной дороге Нарва — Ленинград, где наших войск почти не было. И вполне понятно, что враг, получив тактические преимущества, мог развить успех на просторах Копорского плато и в направлении на Красногвардейск.

Вновь и вновь мы с начальником штаба оценивали наши возможности и искали варианты, как остановить врага. Надо изматывать его наступающие части авиацией, артиллерией и танками. Не исключалась возможность контрудара силами 1-й гвардейской дивизии народного ополчения и 1-й танковой, который накануне не сумели осуществить из-за сильного воздействия вражеской авиации. Следовало помочь выйти из Эстонии 8-й армии, соединения которой с 22 июня вели тяжелые бои, проявляя исключительное мужество и упорство. Я отдал распоряжение генералу Никишеву проверить, как командир 191-й дивизии выполняет указание о выделении пехоты для Кингисеппского укрепленного района и прикрытия переправы через Лугу частей 8-й армии, какие меры предусмотрел командир УРа майор Котик по обеспечению прохода для 8-й армии.

Нельзя было упускать из виду и лужский участок обороны. Бои под Лугой приняли затяжной характер.

Части 177-й дивизии полковника А. Ф. Машошина при поддержке 24-й танковой дивизии и артиллерийской группы полковника Г. Ф. Одинцова почти месяц изматывали противника и удерживали занимаемые рубежи. Но 11 августа враг преодолел предполье и вышел к главной полосе обороны.

То, что противник постоянно нажимал на правый фланг 177-й, действуя вдоль шоссе и железной дороги Псков — Ленинград, нас не удивляло. Он стремился кратчайшим путем прорваться к Ленинграду. Но меня интересовало, почему гитлеровцы не проявляют большой активности в полосе 235-й стрелковой дивизии. Что они там замышляют?

Генерал А. Н. Астанин, командир 41-го корпуса, на мой вопрос, что он думает по этому поводу, ответил, что, вероятно, противника больше привлекает наш сосед слева. Слева у нас была 48-я армия Северо-Западного фронта, прикрывавшая новгородское направление. Против нее противник сосредоточил достаточно сил и средств. Похоже было на то, что тут готовится главный удар с юго-востока на Ленинград.

Развивая активность на флангах, враг намеревался взять в клещи Лужскую группировку войск. Такое развитие событий еще 6 августа предвидела Ставка Верховного главнокомандования, передав Северо-Западному фронту 34-ю армию генерала К. М. Качанова. Сегодня, 12 августа, как нам стало известно, эта армия перешла в наступление в направлении на Старую Руссу. Ее успех несомненно окажет благотворное влияние на обстановку в полосе нашего фронта.

Кингисеппский участок обороны. Район Кингисеппа. КП 191-й стрелковой дивизии

Дмитрий Акимович Лукьянов, полковник, командир дивизии

Из штаба генерала Семашко сообщали, что танки противника вышли к железной дороге Нарва — Ленинград. Известие крайне неприятное. В любой момент враг мог ударить нам в тыл. Необходимо было срочно прикрыть подступы к Кингисеппу с востока. Я дал распоряжение начальнику боевой штаба дивизии подполковнику Талызину уточнить боевые возможности командира Кингисеппского укрепленного района и вопросы взаимодействия с УРом. Необходимо было также проинформировать артиллери-

стов КБФ — без их помощи не обойтись. Сам же вместе с комиссаром дивизии Егоровым отправился в 559-й полк, который оборонялся на правом берегу Нарвы. На его участке нам предстояло, по указанию командующего войсками фронта, обеспечить выход 8-й армии.

Пропустить через сравнительно узкий «коридор» несколько тысяч человек, артиллерию, обозы, автотранспорт, причем в условиях почти постоянного воздействия противника, — дело весьма сложное. В штабе дивизии мы разработали мероприятия по дезинформации противника, тактической маскировке района перехода, дали распоряжение командиру полка майору Лембу провести на левом фланге отвлекающие действия. Теперь следовало проверить, как выполнены указания, чтобы в любой момент их можно было осуществить. По вполне понятным причинам мы не знали сроков выхода войск 8-й армии из Эстонии, как и не знали, что собой представляют ее войска.

Командира полка и комиссара мы застали на командном пункте. Я попросил доложить обстановку и о готовности полка к выполнению боевой задачи. В это время началась сильная ружейно-пулеметная перестрелка. Командир полка объяснил, что по донесению, которое прислал командир батальона, небольшая группа противника готовилась форсировать Нарву. Уточнить обстановку майор Лембу направил помощника начальника штаба, поскольку телефонной связи с батальоном не было.

Чересчур спокойное отношение командира и комиссара полка к намерениям противника меня насторожило. А вдруг гитлеровцы захватят плацдарм и станут его расширять?

Вскоре стрельба прекратилась. Через некоторое время пришел помощник начальника штаба полка. Он доложил, что группа немцев задумала ловить рыбу в Нарве. Наши бойцы выждали, когда они выплывут на лодках ближе к середине реки, и открыли по ним огонь. Противник тоже ответил огнем. А командир батальона поспешил с донесением. Комиссар дивизии заметил при этом, что ложные тревоги так же опасны, как и беспечность. Потребовали командира полка лично проверить систему наблюдения за противником, установить дежурство командиров и политруков на переднем крае, обеспечить надежную связь с батальонами.

Южнее Молосковиц. КП 1-й танковой Краснознаменной дивизии

Виктор Николаевич Баранов, полковник, командир дивизии

Трое суток 1-я танковая дивизия ведет упорные бои в районе Яблониц, Мызы, Шадриц. Наши полки обрушились на пехотную дивизию врага, укрывшуюся в лесу, атаковали его танковую колонну до 40—50 машин. Затем были вынуждены перейти к обороне. Часть танков окопали и сделали неподвижными огневыми точками. Вместе с нами в этом районе действовала 1-я гвардейская дивизия народного ополчения.

С каждым днем обороняться становится труднее. Противник создал на нашем направлении пятнадцатикратное превосходство в танках, более чем полуторное в артиллерии и полностью господствовал в воздухе. Он вводил в бой новые силы и не считался с потерями. И когда нам казалось, что силы врага истощились, он ввел в бой 8-ю танковую дивизию.

Геройски сражались все наши подразделения, каждый экипаж, каждый танкист. В районе деревни Кряково экипажи 2-го танкового полка во взаимодействии с артиллеристами 14-й отдельной противотанковой бригады подбили и сожгли 15 вражеских машин. Но гитлеровцы продолжали атаки. Бросили в бой еще 30 танков. В тяжелом положении оказался взвод старшины Щербакова. На него двигались двенадцать танков противника.

Лейтенант Ковальский вовремя заметил опасность и, не раздумывая, поспешил со своими экипажами на выручку. Поддержали наших танкистов и артиллеристы. Они открыли огонь прямой наводкой. Общими усилиями танкисты и артиллеристы уничтожили 8 машин противника.

Особо надо сказать о мужестве и воинской доблести танкистов лейтенанта Ковальского. Выполняя боевую задачу, они вместе с пехотинцами разгромили подразделение врага и лишь в одном бою подбили и сожгли 14 танков противника, не потеряв ни одной своей машины. За мужество и воинское мастерство в борьбе с врагом лейтенант Ковальский был представлен к ордену Красного Знамени. К разным наградам представили и других отличившихся в бою танкистов.

Храбро и отважно сражались с гитлеровцами коммунисты и комсомольцы. Перед боями на Лужском ру-

беже был принят в члены ВКП(б) лейтенант Тугузов. Получая партийный билет, он поклялся драться с врагом до последней капли крови. В жестоком бою фашистам удалось поджечь машину молодого коммуниста. В объятom пламенем танке экипаж продолжал вести бой. Командир коммунист Тугузов вместе с механиком-водителем Лобановым и стрелком-радистом Бакиным сгорел, до конца выполнив свой партийный и воинский долг. Политотдел дивизии выпустил листовку, посвященную героическому подвигу экипажа лейтенанта Тугузова.

Три дня упорных боев показали, что танкисты 1-й танковой Краснознаменной дивизии заслуженно носят звание одного из лучших танковых соединений Красной Армии.

Лес южнее Молосковиц. КП 1-го стрелкового полка 1-й гвардейской дивизии народного ополчения

Ида Ильина, младший лейтенант, командир взвода

Едем под Кингисепп, на фронт! Эта вестъ распространилась в полку раньше, чем мы погрузились в вагоны. Где-то перед Молосковицами на крохотном разъезде эшелон остановился. Ждем. Выгрузка началась с немалыми трудностями. Еле отыскивали шпалы, чтобы соорудить сходни, по которым на землю спустили кухни, пушки, повозки. Многие командиры из запаса, в том числе и я, понятия не имели о том, как организовать разгрузку воинского эшелона. Много суетолоки, беготни, ругани.

Затем мы маршем двинулись в район сосредоточения дивизии. По слухам, нам навстречу выехали командующий войсками фронта и секретарь горкома партии Алексей Александрович Кузнецов. Нам, командирам, приказали строго следить, чтобы на марше никто не курил, не разговаривал, подразделения шли без растяжек и отстающих. Вначале эти требования соблюдались, а километров через десять стали появляться отстающие. Трудно было людям невтянутым, физически не подготовленным для таких переходов.

Ночь провели в лесу: подкреплялись, получали боеприпасы, проверяли оружие. На зорьке поступило сообщение, что по дороге на Молосковицы замечен противник. Вскоре мы услышали стрельбу. Около моего взвода оказался командир полка майор В. Бобринский.

Он приказал мне и еще четверем бойцам отправиться в разведку и установить, где находится противник.

По дороге я вспоминала, как нас учили в Институте Лесгафта на занятиях по военному делу действиям в разведке, на марше. Однако шли мы по лесу довольно беспечно. И нарвались на группу гитлеровцев. Бойцы, укрываясь за деревьями, открыли огонь и начали отходить. Гитлеровцы отвечали автоматными очередями. Они не стали нас преследовать, и мы благополучно возвратились к своим.

Я отыскала командира полка. Майору делали перевязку. Доложила, что обнаружили противника километрах в двух от этого места. Оказалось, что командир полка уже знал, где противник, и распорядился развернуть подразделения для боя.

Наш взвод назначили на охрану штаба, а мне приказали выполнять обязанности оперативного дежурного на КП. В чем они состоят, я понятия не имела. Единственное, что сразу усвоила,— следить за связью с батальонами. Но телефон пока молчал. Связисты, подхватив катушки черного, просмоленного провода, побежали в лес наводить линии к батальонам.

Пришел начальник штаба дивизии полковник Белоусов. С ним капитан-артиллерист. Узнав, что я дежурю на КП, полковник потребовал доложить обстановку. Ничего определенного я не могла сказать. Белоусов рассердился, махнул рукой и попросил карту.

— Смотрите, где противник!

Бои шли на рубеже Кряково— Выползово— Котино. Из их разговора я поняла, что вот-вот должны подскочить командующий войсками фронта и секретарь горкома партии А. А. Кузнецов и мы получим новую боевую задачу. Однако они так и не приехали.

Батальоны окопались на опушке леса. Неподалеку проходило шоссе. К вечеру по нему двинулись фашистские танки. Наши артиллеристы подожгли несколько машин. Из батальонов доложили, что танки противника, несмотря на потери, прорвались вперед и вышли в наш тыл. Прекратилась связь с дивизией и соседним 2-м стрелковым полком.

Начальник штаба полка показал мне карту с боевой обстановкой. Сказал:

— Понимаешь, чем все это пахнет? Окружением. И нам придется выбираться лесными тропами.

Мне очень хотелось, чтобы все это оказалось неправдой. Но обстановка складывалась так, как предвидел ее развитие начальник штаба полка. Мы получили приказ выходить из окружения в направлении на деревню Летошицы. Ночью снялись с занимаемых позиций и с боем выходили к своим.

Лужский участок обороны. Деревня Дреглы. Штаб 732-го стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии

Иван Смирнов, лейтенант, помощник начальника штаба по разведке

Каждое утро мы, штабные командиры, на докладе у начальника штаба. Первым обычно начинаю я. Начальник штаба нетерпелив. Останавливает, спрашивает:

— Товарищ лейтенант, когда будет контрольный пленный?

Я понимаю, что он очень нужен. Но доставлять пленных — это не окуней в Луге ловить. И что все-таки замышляет противник? Почему правее нас 177-я дивизия почти ежедневно отражает его атаки, а мы после боев под Югостицами вроде перестали существовать? Что-то загадочное в этом есть. Вот и сегодня гитлеровцы обстреляли наше боевое охранение в районе Филимоновой Горки и даже не попытались просочиться в наши боевые порядки. И весь день было тихо. Ни с той, ни с другой стороны ни одного выстрела.

Северо-Западный фронт. Мшага — Ямская. ОП 1-го дивизиона 237-го гаубичного артиллерийского полка 70-й стрелковой дивизии

Иван Логашин, политрук батареи

С закрытых позиций нашу батарею переместили для стрельбы прямой наводкой. Командир батареи старший лейтенант И. Козыренко провел рекогносцировку. Вернулся довольный выбором огневых позиций.

Расчеты начали отрывать окопы. В это время противник открыл огонь по пехоте. Снаряды падали и вокруг нас. Вдруг кто-то из бойцов крикнул: «Товарищ политрук, пехота отходит!»

Командир взвода Баранов и я выскочили на дорогу. Действительно, вразброд, группами и поодиночке шли бойцы. Мы остановили нескольких человек. Спрашива-

см: «Кто приказал оставить позиции?». Молчат. Один пехотинец ответил: «Последнего лейтенанта убило. А что мы без командира можем?»

Откуда-то появился старший лейтенант. Гимнастерка его была измазана глиной. Пистолет заткнут за ремень. На плече трофейный автомат. Он назвался начальником штаба батальона и сказал, что пытается вернуть бойцов в окопы. Помогли ему это сделать. Стрелки начали окапываться недалеко от наших позиций.

Прошло немного времени — слышим гул моторов. Наблюдатели доложили, что по дороге в нашу сторону идет около десятка немецких танков. Козыренко дал команду подготовиться к открытию огня.

Танки противника переваливали через высотку. Первое и второе орудия выстрелили почти одновременно. Снаряды у нас мощные, 122-миллиметровые. Первый танк завалился на бок и замер. Другой стал обходить подбитую машину правее. Он угрожающе водил стволом пушки, разыскивая наши орудия. Но обнаружить не успел. Ребята упредили фашиста. Метким выстрелом угодили ему прямо в башню.

Затем мы подбили еще один танк. Наша пехота осмелела и пошла вперед. Комбат приказал поддержать стрелков и дать несколько залпов по противнику шрапнелью. Гитлеровцы откатились назад. Но не надолго. Вызвали себе на помощь авиацию. И после бомбежки вновь перешли в наступление.

Туго нам пришлось. Во время налета авиации фашистам удалось разбомбить два орудия, пострадали расчеты. Ранило и меня. И все же, как я узнал позже, позиции свои мы удержали.

Документальная строка

Все новые отряды посылал Ленинград на строительство оборонительных рубежей. 12 августа в «Ленинградской правде» было напечатано постановление Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся, в котором говорилось: «...к выполнению работ в порядке трудовой повинности привлекаются трудоспособные мужчины в возрасте от 15 до 55 лет и трудоспособные женщины в возрасте от 16 до 50 лет».

Люди самых различных профессий — рабочие, служащие, учащиеся — взяли в руки лопаты, кирки, топоры и без устали трудились над возведением оборонительных сооружений.

13 АВГУСТА ★ ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Штаб ВВС Северного фронта

Александр Александрович Новиков, генерал-майор авиации, командующий ВВС фронта

С началом наступления на кингисеппском направлении немецкие истребители почти наглухо закрыли район озера Самро, где проходили основные коммуникации северной группировки противника. И вот наконец начальник разведотдела А. С. Пронин доложил, что одному из экипажей бомбардировочной дивизии рано утром удалось прорваться к Сабску. На переправах через Лугу и по дороге на Молосковицы летчики обнаружили танковые колонны.

Наиболее вероятным мы считали появление 8-й танковой дивизии противника на новгородском направлении. Услышав сообщение Пронина, я почему-то подумал именно о ней. Однако на всякий случай спросил, не второй ли это эшелон 1-й и 6-й танковых дивизий врага. Пронин пожал плечами: это может знать только наземная разведка. Я и сам понял нелепость вопроса, но уж очень неприятным было известие.

Накануне наступления противника Москва предупредила нас, что, по всей видимости, наиболее угрожаемым направлением станет новгородско-чудовское. Военный совет фронта был несколько иного мнения. Наличие на нашем правом фланге двух плацдармов, на которые противник подбрасывал войска, близость плацдармов к железной и шоссейной дорогам Нарва — Ленинград и систематические мощные удары гитлеровской авиации по важнейшим пунктам на этих магистралях свидетельствовали о том, что именно здесь готовится прорыв на Ленинград и создается непосредственная угроза Балтийскому флоту и Кронштадту. Появление новых танковых частей в районе Сабска подтвердило, что в оценке обстановки на юго-западных подступах к Ленинграду командование Северного фронта не ошиблось.

Полученные сведения я немедленно сообщил начальнику разведки фронта Евстигнееву. Петр Петрович ска-

зал, что, по его данным, все части 1-й и 6-й танковых дивизий противник ввел в дело.

— Это или пополнение, что маловероятно, или части 8-й танковой дивизии. Красногвардейск не дает покоя фашистам. Проверим.

Позже известие подтвердилось: передовые части 8-й танковой дивизии противника захватили Сырковицы и Красновицы. От магистрали Нарва — Ленинград гитлеровцев отделяли считанные километры. Я собрал все наличные силы, какие только мог, чтобы нанести массированные бомбовые удары по танковым и моторизованным колоннам врага. Авангардные подразделения 8-й танковой дивизии были остановлены. Однако после полудня, усилив прикрытие наземных войск авиацией и подтянув пехоту к танкам, противник возобновил наступление. В 15.00 гитлеровцы ворвались в Молосковицы и перерезали основную транспортную магистраль Северного фронта на этом крыле. Теперь уже три танковые дивизии противника двигались на Красногвардейск. Битва за Ленинград вступала в решающую фазу.

Одновременно враг усилил нажим и на новгородском направлении против 48-й армии Северо-Западного фронта. Там немцы ввели в бой еще одну свежую дивизию. И нам приходилось помогать соседу авиацией.

Кингисеппский участок обороны. Лес юго-западнее Молосковиц. КП командующего кингисеппским участком обороны

Михаил Петрович Михалкин, полковник, представитель штаба Северного фронта

В группе командующего войсками фронта мы выехали на кингисеппское направление. Не без труда разыскали командный пункт генерала Семашко. Он был оборудован несколько дней назад в густом лесу в районе Молосковиц, неподалеку от линии фронта. Сюда же прибыл и К. Е. Ворошилов.

Когда Ворошилов и Попов познакомились с обстановкой, слушая доклад Семашко, в наш тыл прорвались танки противника. Некоторые из них двигались по лесной дороге в направлении командного пункта. Это было настолько неожиданно, что присутствовавшие не сразу сообразили, что делать.

Неподалеку от КП находились огневые позиции 24-го корпусного артиллерийского полка. Генерал-майор ар-

тиллерии С. А. Краснопевцев, заместитель начальника артиллерии фронта, кинулся к артиллеристам. Добежал до первого орудия. Командир орудия и наводчик были ранены, а заряжающий оказался неопытным. Генерал сам встал к орудию. Быстро работая маховичками горизонтальной и вертикальной наводки, он подвел перекрестие прицела под танк. Грянул выстрел. Снаряд угодил в танк. Краснопевцев навел орудие на вторую машину. И она была подбита. А в шедший следом еще один танк угодил снаряд соседнего орудия.

Бой длился несколько минут. Наши артиллеристы подбили одиннадцать вражеских машин, три из них генерал Краснопевцев. Его смелость и решительность высоко оценил маршал К. Е. Ворошилов.

Хутор Прологи близ Молосковиц

Владимир Кузанов, старший лейтенант, командир батареи артиллерийского полка 1-й гвардейской дивизии народного ополчения

Танки противника появились неожиданно. Это было во время обеда. Прибежал разведчик А. Витоль и доложил, что по дороге движется около тридцати машин.

Я не поверил разведчику. Откуда быть танкам? Впереди занимает оборону дивизия, была бы слышна стрельба. Но через несколько минут послышался гул моторов. Танки шли по дороге правее батареи. Я приказал старшему сержанту Маркелову поставить орудие непосредственно у дороги.

Расчет быстро выкатил пушку на прямую наводку. Как только показались танки, первым же выстрелом удалось подбить головную машину. Вскоре остановили и второй танк. Остальные свернули с дороги и полем продолжали движение. Когда они подошли к батарее на четыреста метров, артиллеристы встретили их огнем. Два фашистских танка запылали. Противник был ошеломлен. Но его замешательство вскоре прошло. Гитлеровцы начали бить по батарее. В ходе огневого поединка нам удалось подбить еще несколько машин.

Появились потери и у нас. В расчете второго орудия выбыл из строя наводчик. Заменявший его второй номер, видимо от волнения, действовал не очень четко. Пришлось его выручать. Я подбежал к орудию и встал за наводчика. Снарядов оставалось немного. Темп стрельбы снизился. Вот-вот вражеские танки ворвутся на огневые

и раздавят орудия. Приказал подготовить гранаты и бутылки с горючей смесью. В это время прямо на огневые влетел газик, нагруженный снарядами. Его привел шофер Сергей Иванов.

Бой достиг кульминации. Гитлеровские танки попятлись назад, оставив одиннадцать подбитых машин.

Лужский участок обороны. Южная окраина города Луги. Лангина гора. Штаб 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

Противник стремился во что бы то ни стало прорвать главную полосу нашей обороны. Особенно напряженная обстановка сложилась на стыке со 111-й дивизией подполковника Рогинского. Гитлеровцам удалось вклиниться в боевые порядки 486-го полка в районе Вяжицы, Бараново, Стояновщины. Взаимодействуя с артиллеристами полковника Одинцова и танкистами группы полковника Родина, 486-й полк дружной контратакой восстановил положение.

Анализируя боевые действия за последние три дня, мы пришли к выводу: противник, используя некоторый успех, достигнутый под Кингисеппом и на новгородском направлении, вновь пытается прорвать главную полосу обороны дивизии и по кратчайшему пути — Лужскому шоссе — пробиться на Ленинград. В этих целях враг будет искать слабые места в нашей обороне, прощупывать стыки и атаковать на флангах. Необходимо резко повысить бдительность.

Наша оценка обстановки и выводы из нее были одобрены штабом 41-го стрелкового корпуса. Полковник Вербицкий, выслушав мой доклад, сказал:

— Главное — не ослабляйте разведку. Немцы стали действовать хитрее, не по шаблону. Помните, какой «спектакль» они разыграли накануне наступления в районе Клескуш? Мы чуть было не перебросили на то направление танковый батальон...

Далее полковник Вербицкий поинтересовался, как мы используем 274-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон, по численности почти равный любому нашему стрелковому полку.

Я доложил начальнику штаба корпуса приказ, который мы подготовили. В нем, в частности, указывалось: «...артпульбату 274 удерживать укрепленные позиции

района Луги. Привести в боевой порядок все части и свой участок. Назначить начальников участков обороны и установить с ними связь. Вновь занятые позиции укрепить, оборудовать и укрепить противотанковые и противопехотные препятствия. Ни одной огневой точки без разрешения не оставлять. Иметь во всех точках достаточное количество боеприпасов».

Вербицкий согласился с текстом приказа, но предложил уточнить вопросы взаимодействия батальона с частями полевого заполнения, дивизионной артиллерийской группой и танками при организации контратак.

Обстановка с каждым днем все более накалялась. Рано или поздно противник усилит нажим и на участке нашей дивизии. Мы обсудили с начальником штаба корпуса самые различные варианты боевых действий в случае прорыва противником всей глубины главной полосы обороны.

Направляясь к машине, Вербицкий неожиданно остановился.

— Иван Семенович! — обратился полковник ко мне. — Обязательно укажите в приказе о личной ответственности командира батальона за удержание укрепленных позиций. Артпульбат отходит последним!

Северо-Западный фронт. 48-я армия. Большие Теребони. КП 2-го стрелкового полка 1-й дивизии народного ополчения

Иосиф Иванович Лебединский, полковник, командир полка

Утро 13 августа началось с интенсивной авиационной обработки противником нашего переднего края. Мы могли на это ответить только ружейным огнем. Полк не имел ни одного зенитного пулемета. Затем враг стал вести артиллерийский и минометный обстрел, а потом двинул пехоту в атаку. Ополченцы встретили ее залповым огнем из винтовок. С флангов ударили наши пулеметы. Гитлеровцы были остановлены. Но не везде. На правом фланге противнику удалось форсировать Лугу и захватить небольшой плацдарм. Туда отправился бригадный комиссар К. И. Розенблюм. Он собрал отошедшие роты и повел их в контратаку.

На КП полка появился связной из 1-го батальона. Он передал донесение комбата Мараяева, в котором тот просил помощи. Но у меня не было ни одного подраз-

деления в резерве. Собрали на КП всех, кто мог держать оружие.

— Я пойду в батальон,— заявил начальник политотдела дивизии Д. А. Подрезов и, прихватив группу бойцов, вместе со связным отправился к Мараеву.

Вскоре комбат Мараев доложил, что противник остановлен, а батальон готовится к контратаке. Несколько позже пришла печальная весть: смертельно ранен начальник политотдела дивизии батальонный комиссар Дмитрий Акимович Подрезов, в прошлом предзавкома Кировского завода.

Бой не затихал до самого вечера. Был ранен командир батальона Мараев. Сандружинница Тамара Юрасова перевязала его и хотела отправить в медсанбат. Мараев категорически отказался и продолжал командовать батальоном.

Как мне стало известно, осложнилось положение на участках обороны и других полков дивизии.

Документальная строка

Из письма матери на фронт сыну: «Дорогой сыночек! Спешу исполнить твою просьбу, т. е. посылаю тебе облигации, только не одну, а две по 25 рублей. Отдай, пожалуйста, обе на оборону. А у нас еще остались в 50 и 100 рублей. Мы с Борей тоже отдадим, только я не знаю, куда их сдают. Снесу на работу, а там передадут куда надо...»

14 АВГУСТА ★ **ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ** **ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Ленинград. Штаб Северного фронта

Маркиан Михайлович Попов, генерал-лейтенант, командующий войсками фронта

Наступление 11-й и 34-й армий Северо-Западного фронта в районе Старой Руссы сулило большие надежды. Войска генерала Качанова, глубоко охватывая правый фланг старорусской группировки противника, продвинулись на 50—60 километров. Гитлеровцы спешно стали оттягивать силы с лужского участка. Генерал Астанин

сообщил, что сегодня крупных атак противник не проводил. Так или иначе, но активные действия южнее озера Ильмень хотя бы на некоторое время разрядят обстановку на нашем направлении.

Оборонявшиеся на кингисеппском участке наши части и соединения практически уже не могли переломить ход событий. Понесшие большие потери и сбитые со своих позиций танками противника, они отходили с боями к железной дороге Нарва — Красногвардейск. Передовые отряды противника прорвались к Волосово. 2-я дивизия народного ополчения сражалась с гитлеровцами в районе Котлов. 191-я дивизия удерживала рубеж в районе Кингисеппа, где начался отвод частей 8-й армии из Эстонии.

Военный совет фронта принял решение о приведении в боевую готовность Красногвардейского укрепленного района, включив в его границы Красное Село и Колпино. Мы наметили ряд мер по усилению этого важного рубежа на подступах к Ленинграду. Укрепрайону передавалось 100 станковых пулеметов, взятых из частей, оборонявшихся на Карельском перешейке. Форсированными темпами шло формирование семи отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов и двух дивизий народного ополчения. Городской комитет партии направил в части, предназначенные для защиты Красногвардейского рубежа, политбойцами и политработниками тысячу коммунистов. Горисполком в течение суток дополнительно мобилизовал 120 тысяч ленинградцев на строительство оборонительных сооружений. Все специалисты Инженерного управления фронта направлялись под Красногвардейск для руководства этим строительством. Ленинградские заводы получили задание срочно изготовить для Красногвардейского УРа 200 огнеметов и 120 минометов. Неоценимой для нас была в эти дни помощь Ставки, приславшей несколько стрелковых дивизий.

Несмотря на сложнейшую обстановку юго-западнее Ленинграда, с нас не снималась ответственность и за боевые действия на Севере. В этих условиях четкое управление войсками становилось одной из острейших проблем. Приказы поступали к исполнителям с опозданием, информация об обстановке, которую получал штаб фронта, часто не соответствовала действительности по той же причине. Эти вопросы мы не раз обсуждали на Военном совете, ставили перед главкомом направления К. Е. Ворошиловым.

Кингисеппский участок обороны. Большая Александровка. КП ЛПУ имени С. М. Кирова

Яков Васильевич Завалишин, батальонный комиссар, военком училища

По приказу командования курсанты отошли на рубеж Большая Александровка — Мулино и стали закрепляться. Противник активно воздействует на фланги: справа — на 2-ю и 4-ю дивизии народного ополчения, слева — на 90-ю стрелковую и 1-ю гвардейскую ополченческую. Мы — в центре.

Я что-то не очень четко понимаю задачу училища. Разговаривал по этому поводу с Мухиным. Герасим Васильевич только пожимал плечами. Видно, и ему не ясна перспектива. Конечно, мы сковываем какие-то силы противника. Но какое значение имеет это для Лужской операции в целом? Может быть, нас следовало использовать на более важных участках? Все выяснилось самым неожиданным образом: мы получили распоряжение снять училище с боевых позиций и вывести в Ленинград.

Срочно собираем совещание командиров и комиссаров батальонов, начальников служб. Нам предстоит трудный марш. Обсуждаем, как лучше организовать его, вынести раненых. Позавчера у нас кончились сухари, сахар и консервы. Питаемся ягодами, грибами, кониной. Начальник училища разрешил заколоть несколько лошадей.

Выслали разведку. Курсанты 1-го батальона обнаружили свободный от противника проселок между Момино и Красным Лучом в направлении деревни Черная. Полковник Мухин решил перепроверить эти сведения. Выслали группу под командованием лейтенанта Скобцова. Оказалось, что проселок контролируется вражеским дозором на мотоциклах. Но все же этот маршрут наиболее целесообразный: августовские ночи сравнительно коротки, а нам предстоит пройти километров двадцать — тридцать, избежать столкновения с противником.

Штаб уточняет численность людей: комсостава — 34 человека, курсантов — 305, красноармейцев — 31 человек. Кроме того, с нами двигаются остатки подразделений 94-го и 519-го артполков и оказавшиеся в нашем районе группы бойцов из 2-й и 4-й дивизий народного ополчения.

Выход назначен на 23 часа 14 августа. Движение отдельными колоннами. Прикрывает отход 2-й батальон. Сборный пункт — лес у деревни Черная.

Постепенно гаснет вечерняя заря. Небо плотно затягивается серой пеленой. Начинает накрапывать дождь. Сегодня он помогает кировцам.

В район сосредоточения — густой лес севернее Александровки — прибывают первые подразделения. Задерживается 3-й батальон. Там, где он находится, идет перестрелка. Видимо, командир батальона не сумел незаметно оторваться от противника. Полковник Мухин с тревогой посматривает на часы. Нужно принимать какое-то решение. Ждать не имеем права: погубим остальных. Но и комбату тяжело выходить из окружения самостоятельно. Решаем выступить. В 3-й батальон отправляем курсантов-связных. Они должны передать командиру указания полковника Мухина о том, как батальону действовать дальше.

Я и комиссар 2-го батальона идем с последней ротой. Проходим мимо небольшой свежей могилы. Здесь покоятся павшие в бою с врагом наши молодые товарищи, не успевшие получить лейтенантские кубики.

Северо-восточнее Кингисеппа. Расположение 23-й автороты 11-й стрелковой дивизии

Григорий Куценко, красноармеец, шофер автороты

На своей полуторке ГАЗ-АА я проехал с начала войны от границы через всю Прибалтику. По таким дорогам, что словами и не выразишь. Машину трясло и швыряло так, что каждый болтик в ней скрипел.

Машины, естественно, не выдерживали такой нагрузки. А запчастей нет. Полки же требовали снаряды, продовольствие. Вот мы и выкручивались как могли. Однажды сломалась у машины рессора. Что делать? Срубил сосенку, приладил и добрался до мастерской. Наши мастера-ремонтники Сергей Левченко, Миша Жиров, Семен Дегтяренко, да и мы, шоферы, научились устранять любые поломки.

Вчера тылы нашей дивизии переправились через Нарву. Думал, что теперь поближе к Ленинграду буду, может, когда и за запчастями выберусь. А получилось все по-другому. Поехали мы с воентехником Кляевым сегодня в Кингисепп за горючим для автороты. До го-

рода доехали благополучно. Разыскали автобазу, погрузили бочки с бензином. Отправились в обратный путь. Проехали с десятков километров. Ключев приоткрыл дверь кабины, говорит:

— Слышишь, Куценко, похоже, фашисты летят. Давай тыни быстрее к лесу.

До леса было километров пять. Я нажал. Да не успел. Вражеский истребитель с воем пронесся над нами, дал очередь. Пули правее прошли. «Мессер» развернулся и на второй заход пошел. Я прибавил газ, потом резко затормозил. Бочки в кузове так о кабину стукнулись, что я невольно сжался от страха. И тут фашист накрыл нас. Машина вспыхнула. Ключев крикнул мне: «Гриша, выпрыгивай! Бежим!» Я выскочил и бросился за воентехником. Отбежали метров сто, повалились на стерню и смотрим, как пылает газик. Потом бочки с бензином взрываться стали. И вся дорога в огне оказалась.

Мы переждали обстрел и пошли к своим. Добирались почти двое суток. И ничего мне не было так жаль, как своей полуторки. Не уберег я ее от врага. Остался без машины. Командир роты лейтенант А. Чернышев послал меня в ремонтную мастерскую.

Лужский участок обороны. Лес юго-западнее города Луги. КП 274-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона

Лев Волчегорский, старший политрук, военком батальона

В начале августа наш батальон подчинили командиру 177-й стрелковой дивизии. Бойцы батальона — трудящиеся Балтийского судостроительного завода, прославленные ленинградские корабли. Большинство из них знали друг друга по цеху, бригаде, по общественной работе пять, десять лет и более. Это способствовало сколачиванию коллектива, утверждению добрых традиций в нем. Хуже обстояло с боевой выучкой. Многие из ополченцев не владели даже стрелковым оружием. Не все командиры представляли особенности боевых действий пулеметно-артиллерийского батальона. Всему этому надо было учиться на ходу и незамедлительно. Много для боевого обучения батальона сделал комбат старший лейтенант А. С. Медведников. Призванный из запаса, он был человеком «с военной косточкой». На финской Медведни-

ков командовал стрелковым батальоном и за боевые заслуги был награжден орденом Красной Звезды. Он разбирался в вопросах тактики, был хорошим организатором, требовательным командиром. Работать с ним было легко, и мы быстро нашли общий язык.

Позиции батальон занял так, чтобы перекрыть шоссе и железные дороги Псков — Луга и Луга — Батецкая. Однако для их обороны не хватало вооружения. Из положенных 36 орудий имели только 9, из 64 станковых пулеметов в наличии было всего 19. Пополняли некомплект в ходе выполнения боевой задачи.

Первые дни многие командиры и даже бойцы стрелковой дивизии смотрели на нас снисходительно и даже с некоторым недоверием: дескать, люди вы не военные и надежды на вас нет. Кое-кто такие мысли высказывал вслух. Конечно, это не способствовало нормальным взаимоотношениям, и я об этом не раз докладывал комиссару дивизии Верхоглазу. Он понимал наши переживания и принимал необходимые меры. Отношение к нам изменилось после того, как балтийцы показали, что они воюют с врагом не хуже кадровых подразделений.

Был у нас счетверенный зенитный пулемет ДШК, командовал расчетом сержант Зверев. Однажды над позициями ополченцев плотным строем появились фашистские бомбардировщики. Они шли на Лугу. Комбат Медведников приказал открыть по ним огонь. Сержант Зверев дал несколько очередей. Бомбардировщики продолжали идти, не нарушая строя. Вдруг один из них резко нырнул вниз и, оставляя за собой шлейф черного дыма, стал падать. Это видели многие ополченцы и бойцы-пехотинцы. Ликованию не было предела. А вскоре позвонил командир дивизии полковник Машошин.

— Медведников, это правда, что твои хлопцы фашистский самолет сбили?

— Точно, товарищ полковник. Своими глазами видел!

— Передай расчету мою благодарность. Молодцы!

Атаки врага становились все более яростными. А перед нами стояла задача удержать занимаемые позиции во что бы то ни стало. Этот приказ мы восприняли как оказание нам доверия и старались сделать все возможное, чтобы его выполнить и, несмотря на отсутствие боевого опыта, отразить попытки гитлеровцев прорваться в глубь обороны.

Северо-Западный фронт. 48-я армия. Район Мшага — Ямская. 252-й стрелковый полк 70-й стрелковой дивизии
Тимофей Пустовит, старший лейтенант, командир роты

Дня не проходит без атак противника. Сегодня с утра на участке обороны нашего батальона до полка вражеской пехоты с танками вновь начали наступление. Мы отражали атаку гитлеровцев всем, чем могли: в ход пошли гранаты, бутылки с горючей смесью. Кое-где завязывались рукопашные схватки.

Первую атаку отбили с трудом. После этого из трех взводов сформировали два. Тех, кто остался в строю, трудно узнать: на лицах печать многодневной усталости.

Участились перебои с питанием. То кухня куда-то исчезнет, то противник наседает и нет возможности доставить продовольствие и воду. Но хуже всего без курева. Не получаем махорки третий день. Я никогда не думал, что люди могут так страдать без табака.

Днем над позициями висят фашистские бомбардировщики. Пикируют с воем. На меня этот металлический вой действует хуже бомбежки. А вот Андрею, нашему политруку, хоть бы что. Он смотрит вверх и высчитывает, на нас или мимо летит бомба. И когда бомба взрывается в боевых порядках роты, растянутых почти на километр, Андрей вскакивает и старается определить, попала она в окопы или нет.

Отбомбившись, «юнkersы» улетают. Начинается очередная атака. Гитлеровцы идут волнами, цепь за цепью. Пехоту поддерживают танки и бронемашины. Мы встречаем противника огнем из всех видов имеющегося оружия. Но не везде огонь плотен. На правом фланге он явно ослабевает. «Неужели кончатся патроны?» — закрадывается сомнение. На всякий случай посылаю своего связного — молоденького бойца — передать на позицию две цинковые коробки патронов, весь наш НЗ. Он вытряхивает из вещмешка солдатские пожитки и, укладывая коробки с патронами, чтобы удобнее нести, просит меня:

— Товарищ старший лейтенант, покараульте вещички, покада вернусь.

От его по-детски наивной просьбы мне становится грустно. Вернется ли он из этой адовой мясорубки?

— Нам бы до вечера продержаться, — говорит политрук. — А там, может, подкрепление подкинут.

Но и я, и Андрей прекрасно знаем: никто и ничего нам не подкинёт. Командир полка уже дважды прочистил тылы и спецподразделения. Даже химики ушли в стрелковые роты. Сапожники, портные, артмастера стали «активными штыками».

— Командир, смотри! — крикнул политрук.

И мы, не сговариваясь, бросились на правый фланг. Там бойцы не устояли, побежали к лесу. Как остановить? Мы быстро проскочили скошенный луг. В кустарнике неожиданно наткнулись на счетверенный зенитный пулемет. Рядом лежали два убитых бойца. Решение созрело мгновенно: из всех четырех стволов ударить по противнику.

Поначалу я и прицел не поставил, бил наугад. Потом успокоился, стал действовать расчетливее. Гитлеровцы залегли и вдруг повернули назад. Им вслед понеслись крики «ура», свист. Впереди бежал Андрей и с ним еще несколько бойцов.

Враг засек пулемет и открыл по нему огонь из минометов. Меня ранило осколком. Как попал в медсанбат, не помню. Когда очнулся, увидел комиссара дивизии Галстяна. Он рассказывал бойцам, что против нашей дивизии фашисты бросили дивизию СС. Фашисты мечтали быстро окружить и уничтожить 70-ю ордена Ленина дивизию, но ничего из этого не получилось.

Документальная строка

Непрерывным потоком поступают посылки и письма от советских патриотов защитникам города Ленина. Газета «Известия» 14 августа опубликовала такие строки: «„Дорогие бойцы! Примите маленький подарок, который мы посылаем вам от чистого сердца. Будьте мужественны и смелы в борьбе с врагом. Крепко бейте фашистов“». Это письмо прислали в Дом Красной Армии вместе с посылкой шахтеры Криворожского рудника...

В Доме Красной Армии круглыми сутками работают жены командиров и их дети над сортировкой ящиков, мешков, корзин. 40 человек непрерывно упаковывают индивидуальные пакеты. Ежедневно к отправке готово от 800 до 1000 пакетов».

Подарки поступали индивидуальные и коллективные: скромные кисеты и платочки, вышитые девичьей рукой, папиросы и махорка... Весь ассортимент и не перечислить! А каждый подарок — это забота и любовь народа к защитникам Родины.

Ленинград. Штаб Северного фронта

Владимир Петрович Свиридов, генерал-майор артиллерии, начальник артиллерии фронта

Положение на фронтах тревожит абсолютно всех. Что под Кингисеппом? Какая обстановка на новгородском направлении? Эти вопросы слышались повсюду: и в Смольном, и в штабе на Дворцовой, и на ленинградских улицах. В городе нет человека, который не представлял бы себе всей опасности развивающихся событий. Но среди населения нет и намека на панику. Скорее наоборот: люди становятся собраннее, организованнее.

Обстановка на флангах на сегодня выглядит так. На кингисеппском направлении противнику удалось разобщить наши силы. Здесь обозначились четыре основных очага боев: в районе Кингисеппа, под Нарвой, в районе Керстова — Пружиц — Хотыниц. Главные же силы, наши и врага, сражаются на линии Ильеши — Малые Вруды — Летошицы.

На этот рубеж выдвинулась свежая 281-я стрелковая дивизия из резерва Ставки Верховного Главнокомандования. Она совместно с 1-й танковой дивизией и полками 4-й и 1-й гвардейской дивизий народного ополчения отражает удары трех немецких танковых дивизий.

С каждым днем все более трудным для наших войск становится положение на левом фланге Лужского рубежа. Контрудар под Старой Руссой лишь на некоторое время приостановил наступление противника, заставив его оттянуть часть сил с лужского направления. Но теперь гитлеровцы вновь продолжают теснить новгородскую группировку Северо-Западного фронта.

Сегодня получена шифровка из Генерального штаба. В состав нашего фронта из Северо-Западного возвращаются 1-я дивизия народного ополчения, 237-я и 70-я стрелковые дивизии. По сведениям штаба СЗФ, дивизии оказались в тяжелом положении и под натиском превосходящих сил противника отходят на Лугу и Чудово. Где они в настоящее время, в каком состоянии — неизвестно.

Связи с ними нет. Командующий войсками фронта опасается, что такое развитие событий может иметь опасные последствия для генерала Астанина: гитлеровцы могут выйти в тыл лужскому участку обороны.

Обстановка заставляет командование фронта и главнокомандующего Северо-Западного направления идти на самые крайние меры: мобилизовать оставшиеся резервы — курсантские батальоны военно-политического училища, отряды слушателей военных академий, форсировать формирование ополченческих дивизий. Генерал Попов и штаб фронта чуть ли не ежедневно уточняют артиллеристам задачи по прикрытию войск. Но, к сожалению, не всегда удается их полностью выполнить: нет даже лишней батареи.

Крепко выручают артиллеристы корабельной и береговой артиллерии КБФ. Контр-адмирал И. И. Грен, начальник артиллерии КБФ, имеет в своем распоряжении более 700 стволов. Морские железнодорожные батареи, курсирующие от Ораниенбаума до Усть-Луги, позволяют вести огонь на дальность до сорока километров. Сегодня 18-я железнодорожная батарея капитана Н. И. Крайнева уничтожила крупную бензозаправочную базу гитлеровцев. Я позвонил Ивану Ивановичу Грену и выразил нашу благодарность.

Кингисеппский участок обороны. Деревня Большие Корчаны. 3-й батальон 2-го стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения

Степан Бардин, старший политрук, военком батальона

Продолжаем отходить. Связь с полком и дивизией потеряна. Незвестность угнетает и бойцов, и командиров. Вышли к небольшой деревушке, объятой огнем. Пожар тушили артиллеристы под руководством незнакомого артиллерийского генерала. Он приказал нам немедленно занять оборону, а сам вместе с артиллеристами покинул деревню.

Командир батальона Лупенков отправил разведчиков в соседнюю деревню Утешенье, надеясь там найти штаб полка. Но там его не оказалось. Не было и жителей. Бойцы бросились на огороды копать картошку. Задымили костры. В это время прибежал связной из девятой роты и сообщил, что к деревне приближаются фашистские танки и автоматчики.

Боя мы не приняли: стрелять нечем. Свернули в лес и решили идти к деревне Большие Корчаны. К вечеру, промокшие, продрогшие и голодные, разыскали в густом хвойном лесу штаб полка. Командир полка Арсенов и комиссар Гродзенчик распорядились накормить людей. И настроение у нас поднялось.

Глядя на боевых товарищей, я не переставал удивляться: откуда у людей столько духовных и физических сил? То, что пережили за месяц боев, иному на всю жизнь хватило бы. Последние дни особенно тяжелые. Непрерывные бомбежки. Отступление. Нет продуктов, питаемся ягодами, пьем болотную воду. Идем болотами и не можем позволить себе обсушиться у костра. И никаких жалоб, а ведь среди ополченцев немало таких, которые по состоянию здоровья даже на военном учете не стояли.

Район Кингисеппа. КП 191-й стрелковой дивизии

Филипп Дмитриевич Егоров, бригадный комиссар, военком дивизии

Утром начальник штаба доложил, что боевое охранение восточнее Кингисеппа прозевало фашистских разведчиков. И если бы не артиллеристы, неизвестно, чем бы это все обернулось. Приняли решение расследовать причины происшедшего и строго наказать виновных.

Затем пришел дивизионный инженер. Он спрашивает, что делать с мостами в Кингисеппе. Их там два. Мосты противник не бомбит, вероятно, бережет для себя. Кроме того, на станции Кингисепп остались составы с исправными паровозами. Выводить некуда, потому что станция Веймарн захвачена противником. Отвечаю, что придется взрывать и мосты, и составы, и пути на станции. Ничего не оставлять фашистам.

— Когда прикажете, товарищ бригадный комиссар?

В самом деле, когда? Город-то в наших руках. А вдруг мы его не сдадим?

— А вы с командиром говорили? — спросил я инженера.

— Говорил. Полковник Лукьянов сказал, чтобы я с вами посоветовался.

Всему нас в академии учили: и как наступать, и как организовывать взаимодействие, и Пунические войны изучали. А вот когда взрывать мосты, не учили...

— Взрывать будем в самый последний момент. Подготовьте команду подрывников с радиостанцией, и пусть ждут сигнала.

Не успел уйти инженер, как приехали товарищи из Кингисеппского райкома ВКП(б). У них вопросы: как быть с оставшимся оборудованием предприятий, запасами продовольствия, товаров, эвакуацией населения, не поможем ли мы транспортом (на Кошкино еще можно проскочить)? Я ответил, что надо руководствоваться директивой ЦК партии. И ни в коем случае не медлить. Понимал — советы давать проще, но больше мы ничем не могли помочь кингисеппцам. Между прочим, в душе отругал себя: за суматохой событий не нашел времени установить более тесный контакт с райкомом партии. А ведь за город, который мы защищаем, за тех, кто в нем живет, и за то, что в нем останется, в первую голову отвечает районный комитет партии.

Лужский участок обороны. Южная окраина города Луги. Лангина гора. КП 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

По тем отрывочным и порой противоречивым данным, которыми питал нас штаб корпуса, складывалось впечатление, что противник вот-вот выйдет к Красногвардейску.

Утром я зашел к Машошину. Он только что побрился и собирался пить чай. Предложил:

— Давай-ка чайку с домашними пирожками попьем. Вчера Валентина Марковна прислала. Может, в последний раз такое удовольствие имеем.

Супруга комдива находилась в Ленинграде, а сын Борис — вместе с отцом на фронте. Эвакуироваться в тыл семья Машошиных категорически отказалась.

Пока разливали чай, я доложил комдиву о том, что мы готовим к отправке в Ленинград часть штабных документов: сводки, приказы, рабочие карты. Машошин долгим изучающим взглядом посмотрел на меня:

— Опасаешься, что в окружение попадем?

— Всякое может быть, — ответил я. — Мы обязаны сохранить документы. Они — наш отчет перед государством.

— Что ж, ты прав! — согласился комдив. — Чем и

как кончится наша оборона, пока не ясно. Понятно одно: легче не будет. Слышал, как дела повернулись на Северо-Западном? Боюсь, что не устоит 235-я, если на нее противник сильно нажмет, и как бы нам не пришлось сражаться с открытыми флангами.

Такой вариант я тоже предполагал и предложил командиру подготовить силами 502-го полка и танкистами группы полковника Родина контратаки в направлении Мерево. Кроме того, нацелить на это же направление артиллеристов полковника Одинцова и пулеметно-артиллерийские батальоны.

— Разумно, Иван Семенович,— согласился со мной Машошин.— Держать Лугу будем до конца. Она — ключ к Ленинграду.

Луга. Райком ВКП(б)

Иван Дмитриевич Дмитриев, секретарь райкома партии

Из Смольного передали телефонограмму: обком партии отзывает в Ленинград свою оперативную группу и рекомендует партийным и советским организациям Луги переехать в Толмачево, что в двенадцати километрах от города. Известием и мыслями в связи с ним я поделился с комиссаром корпуса Гаевым.

— Знаешь, Иван Дмитриевич, это ведь только в кино красные всегда побеждают. На войне же по-разному бывает. Понимаю,— продолжал бригадный комиссар,— Луга — это твоя земля, кусочек твоего сердца. Но за Лугой — Ленинград! Не исключено, что придется в интересах главной цели и на новый рубеж отойти.

После разговора с Гаевым я поехал по городу. Зеленоую, ухоженную, густо наполненную ароматом хвои и садов Лугу было не узнать. На улицах имени Кирова, Володарского — пепелища, битое стекло, мусор. Еще недавно мы на исполкоме городского Совета рассматривали перспективы развития центральной части города. Мечтали построить Дворец культуры...

У детского санатория «Малютка» вышел из машины. Постоял. Прислушался. Нет, не слышно ребячьего шума. Возле санаторных домиков несколько грузовых машин с военными номерами. К одной из них прицеплена пушка. Стальной щит орудия погнут, видно, рикошетом зацепило. Опустевший детский санаторий, «раненая» пушка, хрустящее под ногами стекло на улицах — это Луга в августе сорок первого года.

Северо-Западный фронт. 48-я армия. Район деревни Меньюши. 70-я стрелковая дивизия

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии

Стоял пасмурный августовский вечер. Генерал Федюнин собрал командно-политический состав дивизии, до командиров и политруков рот включительно. На небольшой мшистой полянке нас было человек шестьдесят. Сидели, укрывшись плащ-палатками. Накрапывал дождик. Где-то левее серое небо отсвечивало багрянцем пожаров.

Комдив познакомил собравшихся с обстановкой. После прорыва противником обороны на участке 1-й отдельной горнострелковой бригады и 128-й стрелковой дивизии его танковые и моторизованные части устремились по шоссе Шимск — Новгород. Обойдя левый фланг дивизии, противник стал теснить 68-й и 252-й полки. Это грозило нам окружением.

Далее генерал сообщил, что решением главнокомандования Северо-Западного направления дивизия передана в состав Северного фронта. С целью сохранения оставшегося личного состава и вооружения приказано вывести дивизию на новый рубеж. Каждый командир, подчеркнул генерал Федюнин, обязан твердо руководить подчиненными, сохранять железную дисциплину и организованность.

— Начальник штаба! — распорядился Федюнин. — Зачитайте боевой приказ.

При свете карманного фонарика я стал его читать. Вопросов не было. Тогда поднялся комиссар дивизии Галстян. Легким движением он сбросил с плеч плащ-палатку.

— Боевые друзья! — начал он. — Бойцы и командиры дивизии достойно выполняют свой воинский долг. Немало гитлеровских бандитов нашли смерть на нашей земле. Но надо реально оценивать свои возможности и силы противника. Не всякое отступление есть признак слабости. Тот, кто видит только наши слабости и не замечает слабостей противника, неизбежно преувеличивает его силу. А это для нас, командиров и начальников, так же опасно, как и недооценивать врага.

Никакого уныния, никакой паники не должно быть в наших рядах, — чеканя каждое слово, с южным акцентом продолжал говорить Галстян. — Я уверен, что

ордена Ленина дивизия еще не раз нанесет злейшим врагам нашей Родины ощутимые удары!

Прошел легкий шумок. Люди плотнее сдвигались друг к другу, откидывали плащ-накидки, подставляя лица под освежающие капли дождя. Мы были готовы к новым испытаниям, к новым боям.

Наш комиссар отличался тем, что умел заряжать людей оптимизмом, уверенностью. Для него словно не существовало неразрешимых задач, непреодолимых преград. И за это бойцы любили комиссара, тянулись к нему. Он был душой дивизии, носителем духа партии, примером верности ее идеям.

Документальная строка

В борьбу с врагом вносят свой вклад работники науки и техники. Газета «Известия» сообщала: «Новаторы науки и техники не покладая рук работают над укреплением обороны Отечества. Профессора, доценты и аспиранты Ленинградского химико-технологического института разработали технологические процессы производства ряда лечебных препаратов. Коллектив института показывает блестящие примеры инициативы и трудового подъема...»

16 АВГУСТА ★ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Штаб ВВС Северного фронта

Александр Александрович Новиков, генерал-майор авиации, командующий ВВС фронта

16 августа гитлеровцы ворвались в Нарву, завязали бои на окраине Кингисеппа. Линия фронта на кингисеппском направлении так быстро менялась, что с воздуха трудно было определить, где наши войска, где противник. Во избежание ударов по своим я вынужден был приказать летчикам при отсутствии полной уверенности, что под тобой враг, действовать не по передовым частям противника, а по его ближайшим тылам. Командиры дивизий и полков ссылаются на то, что обозначение перед-

него края демаскирует войска. Полнейшая неграмотность в вопросах взаимодействия с авиацией!

Поскольку речь зашла о взаимодействии наземных войск с авиацией, остановлюсь еще на одной детали. Общевоинские командиры часто ставят летчикам непосильные задачи: прочесать с воздуха лес, уничтожить на переднем крае огневую точку противника, разбить его ротный наблюдательный пункт и т. д., забывая, что бомбить пулеметное гнездо — все равно что палить из пушки по воробьям. К сожалению, этой простой истины некоторые командиры не понимают и без всяких серьезных оснований обвиняют авиаторов в бездеятельности.

Все, как говорят, познается в сравнении. Да, в июле — августе противник господствовал в воздухе. Возможно, и позволял себе гоняться за отдельной нашей автомашиной. Но несмотря на численное превосходство противника, советские летчики смело вступают с ним в бой, показывают высокие морально-боевые качества.

Лейтенант Алексей Чирков встретился с четырнадцатью «мессершмиттами» и смело пошел на них в атаку. Сбил один Ме-109, получил ранение в руку. Загорелся его Як. Чирков не дрогнул, сумел сбить пламя с машины и привел ее на свой аэродром.

Капитан В. Шаповалов из 192-го истребительного полка в одном бою трижды совершил подвиг. Первый — когда ведомая им шестерка прорвалась через сильный зенитный огонь врага и штурмовала колонну танков. На обратном пути летчики наткнулись на группу из сорока с лишним самолетов противника и вступили с ними в бой. Несколько машин Шаповалову и его друзьям удалось подбить, но и его самолет тоже был подбит. Однако, прежде чем покинуть машину, Шаповалов тараном сбил Ме-109. Противник хорошо понял, что легкой победы в воздушных схватках ему не иметь, и стал заметно осторожнее.

Кингисеппский участок обороны. Севернее Кингисеппа. КП 191-й стрелковой дивизии

Филипп Иванович Егоров, бригадный комиссар, военком дивизии

С утра 16 августа мы с работниками политотдела отправились в 559-й стрелковый полк под Нарву. Он готовился к контратаке. Однако бой сложился крайне неудачно. Сильный минометно-артиллерийский и пулеметный огонь

противника не позволял бойцам решать поставленную задачу. Наши артиллеристы не могли даже на короткое время подавить батареи неприятеля. Перебои с доставкой боеприпасов вынуждали наших артиллеристов экономить снаряды. Пришлось прекратить наступление. Решили возобновить его с началом сумерек, когда противнику труднее будет вести прицельный огонь.

Отдав командиру полка необходимые распоряжения, мы решили возвратиться в штаб дивизии. Недалеко от Кингисеппа на контрольно-пропускном пункте нас остановили и сообщили, что в городе противник. Мы свернули с шоссе на север и поехали проселочной дорогой. Уже темнело, когда добрались до какой-то деревушки. Она была забита обозами, машинами, войсками и гражданскими людьми. За ее околицей был мост через Лугу. К нему и направлялся весь этот живой поток.

Возле моста я случайно встретил комдива. Дмитрий Акимович Лукьянов охрипшим голосом пытался навести порядок. Ему помогали старший лейтенант пограничник с группой бойцов. Лукьянов подтвердил, что в город действительно проникли отдельные группы вражеских автоматчиков. То ли это был воздушный десант, то ли мотоциклисты. Бой с ними ведут батальон 546-го полка, рота из 11-й стрелковой дивизии и местный истребительный отряд.

Оставив старшего лейтенанта заниматься наведением порядка на мосту, мы направились к городу, в котором шла перестрелка и в нескольких местах поднимались багряные сполохи пожаров.

«Гони!» — приказал Лукьянов водителю.

Мы мчались с бешеной скоростью, точно не представляя, где находятся наши подразделения, рискуя напороться на противника. Но об этом никто не думал. Однако и на войне иногда бывает везение. Около какой-то церквушки мы встретили наших бойцов. Они показали, где находится командир батальона.

Молодой лейтенант, фамилию его я не знал, толково и спокойно доложил обстановку. Две группы фашистских автоматчиков ликвидированы. Осталась еще одна в районе железнодорожной станции. Туда он и нацелил подчиненных. Часам к трем ночи и эта группа фашистов была уничтожена. Отдав лейтенанту необходимые указания, мы уехали к себе. Необходимо было срочно доложить генералу Семашко об обстановке в самом Кингисеппе и на подступах к городу.

Село Дубровка. КП Кингисеппского укрепрайона

Валерий Котик, майор, комендант укрепрайона

Подошедший 266-й пулеметно-артиллерийский батальон и другие подразделения осваивали позиции УРа, протянувшиеся на пятидесятикилометровом фронте, восстанавливали огневые точки, ставили в них пулеметы и артиллерийские орудия, строили дополнительные укрепления. 13 августа поступил приказ: быть готовыми пропустить через укрепрайон войска 8-й армии. Пришлось делать проходы в минных полях и проволочных заграждениях, а потом немедленно закрывать их, поскольку не исключалось, что враг будет пытаться на плечах отходящих войск прорваться в глубь наших позиций.

Заполнить промежутки между гарнизонами и передполье должны были войска 191-й стрелковой дивизии. Однако подход их затягивался. Командиру дивизии в связи с осложнившейся обстановкой под Кингисеппом никак не удавалось провести необходимую перегруппировку сил.

15 и 16 августа 8-я армия начала переправляться через Лугу. Как и следовало ожидать, ее соединения тут же вступали в бой и отражали натиск наседавшего противника. Особенно ожесточенные бои развернулись на подступах к Дубровинскому узлу обороны, в районе Ново-Порхово, а затем около небольшой деревушки Салы.

К концу дня 16 августа стало известно, что отдельные группы гитлеровцев прорвались на окраину Кингисеппа. Возникла угроза флангу и тылу укрепрайона. Предвидя такую опасность, комдив 191-й направил в наше распоряжение три стрелковых батальона. Правда, когда я спросил майора, представителя штаба дивизии, что представляют собой эти батальоны, какова их численность, он усмехнулся и ответил: «Не беспокойтесь, наши бойцы дерутся один за троих. Так что считайте батальоны полнокровными».

В тот же день старшим начальником обороны Кингисеппского укрепрайона был назначен командир 191-й дивизии полковник Лукьянов. Хотя это и не снимало с нас ответственности за боевые действия УРа, но значительно облегчало управление обороняющимися подразделениями. Однако подкрепление где-то задерживалось. Проводная связь с дивизией отсутствовала. Пришлось посылать офицера связи. Положение тревожное.

Лужский участок обороны. Деревня Жельцы. КП 41-го стрелкового корпуса

Борис Владимирович Бычевский, подполковник, начальник Инженерного управления фронта

В тот день я и комиссар управления отправились в Красногвардейск. Надо было проверить, как выполняется директива Военного совета о приведении в боевую готовность Красногвардейского укрепленного района. Закончив работу, мы отдали необходимые распоряжения командирам инженерных подразделений, а сами решили побывать в 41-м стрелковом корпусе, где я не был почти неделю.

Шоссе на Лугу живет обычной фронтовой жизнью. До Мшинской дорога не загружена, транспорта встречается немного. Въезд в Ленинград ограничен. На контрольно-пропускных пунктах строжайшая проверка документов. Дальше картина меняется. Мшинская — крупная железнодорожная станция. В окружающих ее лесах полевые склады военного имущества, боеприпасов, продовольствия. Здесь основные базы снабжения Лужской группировки войск.

К Мшинской приковано внимание вражеской авиации. Приходится удивляться мужеству и героизму железнодорожников, которые в условиях частых бомбежек поддерживают движение на этой фронтовой магистрали. Ведь в иные дни трудно сказать, где спокойней: на передовой или здесь, в тылу. По изрядно разбитой дороге двигаемся на Лугу. В Жельцах сворачиваем влево. Километра через три — шлагбаум. Часовой в зеленой фуражке. Проверка документов. Нам показывают, где укрыть машину. Дальше в сопровождении красноармейца идем пешком в глубь леса. Еще одна проверка документов. Затем сопровождающий приводит нас к Асташину.

Андрей Никитич хмур, немногословен. Под глазами опеченные мешки. Генерал приглашает сесть, интересуется, не хотим ли перекусить с дороги. Не ожидая ответа, приказывает ординарцу приготовить чай. Затем засыпает нас вопросами: как положение под Волосовом? Нарвой? Кингисеппом? На Севере? Еще раз убеждаюсь в недостаточной оперативности информации со стороны штаба фронта даже такого органа, как штаб корпуса. Конечно, есть на этот счет и объективные причины. События разворачиваются настолько быстро, что уследить

за ними очень трудно, да еще при частых нарушениях связи. И то, о чем мы рассказываем Астанину, может уже быть прошедшим.

В свою очередь интересуемся и мы обстановкой в полосе обороны корпуса.

— Ничего особенного нет. Противник постреливает, а мы отвечаем, ведем разведку. После разгрома гитлеровцев под Середкой они умерили пыл,— усмехнулся генерал Астанин. Он поинтересовался разговорами в штабе фронта относительно перспективы отвода войск корпуса на Красногвардейский рубеж. К сожалению, ничего определенного я не мог ему ответить. В оперативном отделе некоторые товарищи считали, что хорошо бы иметь на Красногвардейском рубеже 15—20 тысяч обстрелянных бойцов и командиров. Но нельзя было забывать и о другом: 41-й корпус сковывал под Лугой три дивизии противника, разъединял северную и южную группировки врага, нацеленные на Ленинград.

Затем мы обсудили вопросы инженерного обеспечения корпуса. Андрей Никитич вновь просил меня усилить корпус электроротой. Как специалист по укрепрайонам он, как мне казалось, переоценивал значение электрозаграждений. А вот насчет выделения для вошедших в состав корпуса артульбатов дополнительного количества взрывчатки, противопехотных и противотанковых мин я пообещал кое-что наскрести из своих весьма скудных запасов. Вообще с обеспечением взрывчаткой, колючей проволокой и другими материалами мы испытывали затруднения. Часто нас выручали русская сметка и находчивость.

Возвращаясь назад, мы захали в корпусной саперный батальон. В разговоре с комбатом возник вопрос об обеспечении пиломатериалами строительства инженерных сооружений. В батальоне эта проблема была решена. Нам показали две пилорамы, собранные механиком Лужского лесопильного завода. Снабженные небольшим двигателем, они значительно облегчали распиловку бревен, и саперы получали в достаточном количестве доски, брусья, горбыль.

Документальная строка

Ленинградские газеты и радио продолжают ежедневно сообщать о подвигах героев Лужского рубежа. 16 августа фронтовая газета «На страже Родины» опубликовала заметку своего корреспондента «Батарея героев»:

Автор писал: «Так в Н-ском артполку называют 4-ю батарею, которой командует старший лейтенант Михаил Астанин. Название вполне заслуженное. Много раз герои астанинцы показывали образцы воинской доблести. За дни войны с немецкими фашистами батарея коммуниста Астанина уничтожила 4 батареи противника, несколько пулеметных гнезд, легковую машину с тремя офицерами и сотни солдат эсэсовцев...»

АВГУСТА

**ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ
ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Кингисеппское направление. Лес юго-западнее деревни Пилово. КП 463-го стрелкового полка 118-й стрелковой дивизии

Николай Азовцев, капитан, командир полка

В середине августа по приказу командующего Северным фронтом соединения 8-й армии начали отход из Эстонии под Нарву, на правый берег Луги. Как нам говорили, в районе Кингисеппа получим пополнение, вооружение и займем назначенные участки обороны.

16 августа с тяжелыми арьергардными боями наша дивизия вышла к реке Луге северо-западнее Кингисеппа. Едва мы закончили переправу, как меня и комиссара полка старшего политрука З. С. Гришпана вызвали к командиру дивизии.

Штаб дивизии находился недалеко от нас, километрах в трех, в глухом лесу. Нас сопровождал красноармеец из батальона связи дивизии. Я искренне удивился, как он ориентируется по каким-то ему одному известным приметам. Спросил бойца. Он ответил:

— А мы, костромские, привычны ходить по лесам. У нас они похлеще.

Скоро между сосен мы увидели багряные отблески костров. Возле одного из них сидела группа командиров. Среди них находился комдив подполковник Сафронов. Он выслушал мой доклад о завершении переправы.

Подошло еще несколько командиров подразделений. Каждый кратко докладывал о боевом и численном составе, наличии вооружения, лошадей. Последним пришел

командир медсанбата военврач 3-го ранга. Призванный из запаса, он еще не полностью отрешился от гражданских привычек. Военврач доложил, что с санитарной ленточкой отправлял тяжелораненых и потому задержался. Комдив жестом прервал его доклад.

— Начнем! ПНШ-4, доложите численное состояние дивизии!

Из темноты поднялся старший лейтенант, помощник начальника штаба дивизии, ведающий учетом личного состава. Он шагнул ближе к костру.

— По докладом командиров частей и подразделений на семнадцатое августа мы имеем три тысячи двадцать пять человек...

Цифра ошеломила меня. Да и не одного меня. Наступила гнетущая тишина. Вспомнилась Кострома. Четырнадцать тысяч костромичей, ярославцев отправлялись на фронт. А затем полтора месяца тяжелейших боев под Псковом, Гдовом...

— Что осталось из вооружения? — спросил комдив.

— На семнадцатое августа из вооружения имеем: орудий 76-миллиметровых — четырнадцать, гаубиц 152-миллиметровых — три, станковых пулеметов исправных — семь, ручных — сорок семь.

— Сколько станковых? — переспросил комдив.

— Семь, товарищ подполковник.

Командир дивизии внимательно посмотрел на нас, словно хотел по выражению лиц прочесть наши мысли. Потом разгладил рукой карту, которая лежала у него на коленях, и стал говорить:

— Товарищи командиры и комиссары! Нам приказано не допустить прорыва противника на северо-восток, перекрыть дорогу на Котлы. Капитан Азовцев! — Голос Сафронова окреп. — Вам необходимо направить батальон Шухлина оседлать дорогу на Алексеевку...

Затем подполковник поставил задачи другим частям и подразделениям.

— Вопросы есть? Нет. Вот и хорошо. А пополнения — знаю, все равно спросите — ждать неоткуда. Ленинград отрезан!

Утром 17 августа 2-й батальон капитана Шухлина перекрыл дорогу из Кингисеппа на Алексеевку. Батальон усилили двумя орудиями полковой батареи и оставшейся от 1-го батальона пулеметной ротой с двумя пулеметчиками.

К концу дня мы получили новый приказ: снять ба-

тальон Шухлина с занятых позиций и подтянуть к северо-восточной окраине Кингисеппа. Там же сосредоточить штаб и остальные подразделения полка.

В ночь с 17 на 18 августа 463-й полк занял исходные позиции. Нам предстояло, взаимодействуя с подразделениями соседней дивизии, выбить противника из Кингисеппа.

Севернее Кингисеппа. КП 191-й стрелковой дивизии

Дмитрий Акимович Лукьянов, полковник, командир дивизии

Ночью с 17 на 18 августа вместе с частями 8-й армии мы еще раз пытались выбить гитлеровцев из Кингисеппа. Ожесточенно сражались за каждый дом, переулок. К утру вышли почти в центр города. Но как только стало светло, противник резко усилил сопротивление. Подтянул танки, бронемшины. К полудню инициатива окончательно перешла к гитлеровцам. Над городом появились пикирующие бомбардировщики. Железнодорожная станция, нефтебаза оказались в руках врага.

Нам удалось связаться с командующим 8-й армией. Доложили ему обстановку. Он распорядился: «Кингисепп не сдавать!» Меня удивил не столько приказ, сколько оторванность штаба армии от реальной обстановки. Кингисепп был блокирован противником с трех сторон. Мы с величайшим трудом удерживали его северную часть. В такой обстановке самым важным и возможным было, пожалуй, не допустить выхода противника с севера на Копорское плато.

Через час получили приказ отвести дивизию на новый рубеж. Но теперь это сделать было уже сложнее. Батальоны отражали очередную атаку противника. Я разрешил дивизионной артиллерийской группе несколько перерасходовать лимит снарядов и усилить огонь по противнику. Эта мера помогла сорвать вражескую атаку, а затем и вывести подразделения из боя.

Лужский участок обороны. Деревня Жельцы. КП 41-го стрелкового корпуса

Николай Куранов, старший политрук, инструктор политотдела корпуса

Вернулся из 1-го стрелкового полка 3-й дивизии народного ополчения. Его бойцы почти месяц находятся в со-

ставе корпуса, а никто, кроме помощника по комсомолу, из политотдельцев ранее у них не был.

Полк составляют в основном трудящиеся и студенты Фрунзенского района Ленинграда. Район, как мне объяснили политработники полка, непромышленный: много учреждений, учебных заведений, торговых предприятий, и поначалу людям, не привыкшим к большим физическим нагрузкам, было нелегко. Но теперь полк окреп, ополченцы стали настоящими солдатами. Первыми боевое крещение получили разведчики. 10 августа они разгромили группу фашистов и захватили «языка» — немецкого офицера.

В полку большая партийно-комсомольская прослойка. В каждой роте крепкая партийная организация. Мне пришлось поработать с активом, разъяснить товарищам особенности партийно-политической работы во фронтовой обстановке.

Подработники полка и партийно-комсомольский актив — в подавляющем большинстве секретари партийных комитетов, работники райкома, ответственные руководители предприятий и учебных заведений — цвет района, как мне сказал комиссар полка Павлов. В полку я познакомился со многими интересными людьми. Одна из встреч особенно запомнилась.

Мы шли в роту. На пенке возле ротного КП сидел пожилой боец в очках с аккуратной седой бородкой. Его внешность напомнила мне нашего школьного учителя. Боец читал какую-то брошюрку и делал выписки. Он не заметил, как мы подошли, и от неожиданности даже слегка вздрогнул. Встал. Подал руку.

— Извините, заработался. Кутузов! — представился боец. Я тоже отрекомендовался.

— Очень приятно, молодой человек! — Добрая, теплая улыбка скользнула по его губам.

Мы поговорили несколько минут.

— Вы знаете, кто такой Кутузов? — спросил меня комиссар полка. — Участник революции 1905 года, член партии с 1906 года. Более шестидесяти лет ему. Не хотели брать на фронт, так он в Смольный обратился. Теперь он у нас политбоец в полном смысле этого слова.

Фамилия С. И. Кутузова, старого большевика ленинской гвардии, была мне знакома по книгам. И вот неожиданная встреча. В окопах.

— Товарищ Павлов, а есть ли необходимость таких пожилых и заслуженных людей брать на фронт? — вы-

сказал я комиссару появившееся сомнение. — Кутузов-то у нас один...

— Это верно, один! Но и у Кутузова одна Родина. Ради нее он и живет. Поверьте!

Что ж, прав комиссар. Коммунист до конца жизни остается патриотом Родины, ее верным сыном.

— К слову сказать, пожилых товарищей у нас немало,— продолжал Павлов.— Правда, моложе товарища Кутузова. Александру Николаевичу Снеткову, например, за пятьдесят. Бывший учитель, отличный стрелок-охотник. Могу еще назвать...

Наш разговор прервал гул приближавшихся фашистских бомбардировщиков. Мы поспешили укрыться в ближайшем окопе.

Возвращался я из полка с твердым убеждением: ленинградские ополченцы — крепкие бойцы. Так и доложил начальнику политотдела корпуса.

Северо-восточнее Луги

Евгений Матвеев, красноармеец 3-го стрелкового полка 1-й дивизии народного ополчения

Противник отеснил наш полк с занимаемого рубежа. Отходили по лесным тропам, проселкам. Деревни обходили, чтобы не напороться на противника. Очень хотелось спать. Помню такой эпизод. К вечеру пошел дождь. Дорога размокла и почернела. И небо пасмурное, и темнота все сгущается. Я уже ничего не вижу. И спать так хочется, что на ходу засыпаю.

— Женька! Что с тобой? — поймал меня за рукав Леша Фадеев, шедший рядом со мной.

— Ничего! Маленько задремал.

— Фу, черт, а я напугался. Смотрю, кренделя выписываешь. Подумал: может, захворал?

— Ладно, Леша, не шуми. Давай-ка я лучше к тебе веревочкой привяжусь. — Достал кончик шпагата, привязал его к хлястику Лешинной шинели, и потопали дальше.

Идем. Вслух высчитываем, какое же сегодня число. Получилось — семнадцатое августа. Леша и говорит:

— А у меня нынче день рождения. Двадцать стукнуло!

Стали рассуждать о том, как мы отметили бы это событие без войны. У голодного фантазия очень простая.

— Я бы картошки с салцем поел,— тоскливо проговорил именинник.

— А я борща наваристого, какой только одна мать моя умела варить.

За разговором незаметно вышли к шоссе.

«Немцы!» — крикнул кто-то. Мы вмиг очутились в кустах. Слышим — мотоцикл тарахтит. Сержант скомандовал: «Берем, ребята!»

Мотоциклист поравнялся с нами. Кто гранату метнул, кто из трофейного автомата очередь дал. В общем, рассчитались с фашистом. И трофей прихватили: автомат и ранец с продовольствием. Вот и отметили Лешин день рождения.

Документальная строка

По всей стране ширится патриотическое движение всенародной помощи фронту. 17 августа 1941 года «Правда» сообщала: «Свой первый воскресник в фонд обороны страны комсомольцы и молодежь города Ленина провели с большим подъемом. По предварительным данным, только на своих предприятиях сегодня работало в фонд обороны страны свыше 66 тысяч человек».

18 АВГУСТА ★ **ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Лужский участок обороны. Станция Оредеж. КП 1-й дивизии народного ополчения

Иван Крестовский, политрук, инструктор политотдела дивизии

После тяжелых оборонительных боев в первой половине августа в районе деревень Большие и Малые Угороды, Ожогин Волочек, Сосенка 1-я Кировская дивизия народного ополчения отходила на север вдоль Витебской железной дороги. На реке Оредеж она закрепилась на заранее подготовленных позициях: 1-й стрелковый полк — в районе станции Оредеж, 2-й — западней озера Белое, а 3-й полк оседлал дорогу у деревни Большие Сокольники.

На правом фланге рядом стала 235-я стрелковая ди-

дивизия. Наш штаб установил с ней связь. Левый фланг оказался открытым. Здесь должна быть 237-я или 70-я дивизия. Но ни той, ни другой мы не видели и связи с ними не имели. Это обстоятельство вызывало у командования серьезное беспокойство.

Для руководства боевыми действиями в восточном секторе лужского участка обороны прибыл полковник А. Г. Родин, заместитель командира 24-й танковой дивизии. Он фактически стал командиром нашей дивизии. Человек неутомимой энергии, требовательный, с огромным командирским опытом, он быстро нашел контакт с личным составом.

Командование дивизии назначило меня временно исполнять должность комиссара 1-го полка. Ночью я прибыл в полк. Майор Шумилов познакомил меня с обстановкой и предложил вместе с ним отправиться в подразделение на передний край.

Многих бойцов я знал по Кировскому заводу, и, понятно, все наши разговоры с ними сводились к одному: как в Ленинграде, как на заводе, в семьях? Настроение у ополченцев боевое, отступление не подорвало их моральный дух. Люди готовы драться с врагом.

Ночь прошла спокойно. Часов в семь утра появились вражеские бомбардировщики. Самолеты разворачивались над нами и сыпали на позиции свой смертоносный груз.

Затем на некоторое время все стихло. Из уцелевших оков стали подниматься бойцы. Они устанавливали пулеметы, подправляли брустверы. К раненым спешили санитары с носилками. Больше всего досталось 3-му батальону. Комбат доложил, что от бомбежки вышло из строя около двадцати бойцов.

И вновь огненный смерч закрутился над позициями. Стали бить вражеские орудия и минометы. Мы впервые услышали скрежет шестиствольного миномета. Потом появились цепи гитлеровцев. С нашей стороны заговорили пулеметы. Открыли винтовочный огонь стрелки. С опушки леса стали бить орудия 541-го корпусного артиллерийского полка.

Артиллеристы стреляли редко, экономили снаряды. Последние дни, несмотря на все старания артснабжения дивизии Э. Писаревского, боеприпасы подвозили с перебоями. Но и редкий огонь отрезвляюще действовал на противника. Гитлеровцы повернули назад. Тогда, не ожидая команды, роты кинулись преследовать врага. К сожалению, у нас не было сил, чтобы гнать противни-

ка. И командир полка, опасаясь вражеской контратаки, приказал вернуть роты на свои позиции.

В горячке боя мы не заметили, как на нашем наблюдательном пункте появился полковник Родин. В кожаной тужурке нараспашку он осматривал в бинокль поле боя. Когда майор Шумилов подошел к нему доложить обстановку, Родин остановил его:

— Не надо, сам все видел. Молодцы, кировцы! И все же, товарищ майор, в следующий раз самодеятельности не допускайте. Контратаки надо готовить, иначе противник выманит наших в чистое поле и накроет минометным огнем. Людей берегите!

Ленинград

Донат Жеребов, военинженер 3-го ранга

В связи с прорывом противника под Новгородом нас отозвали в распоряжение Управления строительства оборонительных рубежей. 17 августа я прибыл в Ленинград. Семья моя еще не эвакуировалась, и я остановился в своей квартире на улице Петра Лаврова, 12.

На следующий день отправился к начальству. Из управления, которое находилось на Садовой, вышел около трех часов дня. На Литейном обычный поток людей: домохозяйки с сумками, студенты, школьники. Заметно меньше штатских мужчин, больше военных. Магазины почти все открыты. Очередей не видно. Скорее из любопытства, чем по необходимости, зашел в кондитерский магазин «Росконд» на углу Пестеля и Литейного. На полках яркий конфетный серпантин. Есть даже любимые «Мишка на Севере». Покупателей немного. Люди не спеша выбирают лакомства. Купил торт «Полено», который очень любила жена, и вновь продолжил свой путь по Литейному. «Что же все-таки изменилось в облике города?» — ловлю себя на мысли. Ритмично тикают радиодинамики, готовые в любую минуту объявить воздушную тревогу. Раньше, до войны, их включали только по большим праздникам. Помню, гремела музыка и прямо на проспектах и площадях устраивались танцы.

Окна! Все окна перекрещены белыми бумажными полосками. Дома напоминают крепости. Полоски — предмет особого внимания домоуправлений и МПВО. Но ведь от взрывной волны, огражденной многоэтажными домами, бумажные полоски не спасут.

У Литейного моста на минутку остановился. И сразу

же слышу окрик: «Проходите, товарищ! Здесь стоять нельзя!» Я вздрогнул. Оглянулся. Под маскировочной сеткой у самого моста стояла зенитка, возле нее красноармеец. Он махал рукой: проходи!

Августовский Ленинград 1941 года, уверенный в своей несокрушимости, готовился к отпору врага. На окраинах города спешно рыли окопы, возводили баррикады, устраивали огневые точки. Пригороды опоясывали противотанковыми рвами. В парках и на площадях занимались отряды самообороны.

Документальная строка

Из приказа командира 41-го стрелкового корпуса: «Командирам и комиссарам 177, 111 и 235 сд 24 тд. Маршал Советского Союза Ворошилов отметил стойкость войск лужского участка обороны и приказал имеющимися силами и средствами задержать противника, не допустить фашистскую гадину за линию нашей обороны.

Приказываю: точно выполнить приказ тов. Ворошилова, о чем немедленно довести до сведения всего личного состава войск».

Приказ подписали командующий войсками лужского участка генерал-майор Астанин, комиссар Гаев, начальник штаба Вербицкий.

19 АВГУСТА ★ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Штаб ВВС Северного фронта

Александр Александрович Новиков, генерал-майор авиации, командующий ВВС фронта

19 августа меня вызвал главком Северо-Западного направления К. Е. Ворошилов. Прихватив необходимые документы, отправился в Смольный.

Совещание уже было в полном разгаре. Обсуждалось положение на фронте. А оно было тревожным: противник захватил Кингисепп, теснил наши войска к Финскому заливу и на рубеже Красногвардейск — Красное Село, его передовые части подходили к Чудово. Слушая выступавших, я думал о том, как нам, авиаторам, помочь

наземным войскам, откуда брать силы и средства. Вдруг в кабинет быстро вошел кто-то из командиров, направился к Ворошилову и стал что-то говорить ему на ухо. Маршал вскинул голову и посмотрел в мою сторону. Главком подозвал меня и, очертив карандашом пространство между селами Губаницы и Клопицы, сказал:

— От станции Волосово на Красное Село движется моторизованная колонна противника. Там танки и мотопехота. А у нас здесь ополченцы, да и те измотаны в боях. Надо немедленно помочь им. Кто сделает это лучше всего?

Я назвал старшего лейтенанта Свитенко, опытного и смелого мастера штурмовых ударов. И мельком посмотрел в окно. Небо хмурилось.

— А погода не помешает? — перехватив мой взгляд, спросил К. Е. Ворошилов.

— Свитенко только в густом тумане не летает, товарищ маршал.

— Тогда действуйте, — и Ворошилов кивком головы отпустил меня. — Надо помочь пехоте.

Через несколько минут я мчался по Выборгскому шоссе на аэродром, где находилась эскадрилья Свитенко. Чтобы подчеркнуть важность задания, решил сам поставить боевую задачу штурмовикам, а заодно и просто по душам поговорить с летчиками, объяснить обстановку. Я не избегал товарищеского обращения с подчиненными.

Вот и аэродром. На летном поле свежие следы разрывов бомб. Видно, вражеский налет был недавно. Едва машина подкатила к КП, как навстречу из землянки вышел Свитенко. На голове шлем. Комэск только что вернулся из полета. За его спиной стоял высокий молодой летчик с характерным лицом кавказца.

— Мой ведомый, товарищ командующий, — пояснил Свитенко, — лейтенант Алибек Слонов. Прибыл недавно.

— Вы кто по национальности? — спросил я Слонова.

— Осетин, товарищ командующий.

— Вот как! Далеко от родных мест воюете.

— Здесь тоже Родина, — ответил Слонов. — И Ленинград я люблю.

Я попросил собрать летчиков. Когда все собрались, объяснил, что полетят по приказу Ворошилова для штурмовки вражеской колонны, и показал район действий. После уяснения задачи побеседовал с ними по ду-

шам. Рассказал о тяжелом положении на фронте, о том, что в эти дни решается судьба Ленинграда и мы не можем допустить, чтобы враг разгуливал по его проспектам и набережным. Ленинградцы готовятся драться за каждый дом, за каждый перекресток.

Через несколько минут «чайки» поднялись в небо. Восемь машин. Больше послать я не мог: не было.

Кингисеппское направление. Лес западнее деревни Пилово. КП 463-го стрелкового полка 118-й стрелковой дивизии

Николай Азовцев, капитан, командир полка

После неудачных попыток вернуть Кингисепп части 8-й армии перешли к обороне. Задача оставалась прежней: не допустить противника на Копорское плато. Нашему полку назначен участок обороны северо-западнее деревни Пилово и до Алексеевки. Здесь проходит дорога из Кингисеппа на Котлы — крупный населенный пункт и железнодорожный узел.

Сил у нас немного. В уличных боях за Кингисепп потери полка были значительными. Даже получив пополнение, смогли восстановить лишь батальон Шухлина. Комдив Сафронов сказал, что, может быть, в эти дни получим еще до двух-трех рот.

Туго с боеприпасами. В полковой батарее на каждое орудие осталось по четыре снаряда. На дивизионном складе их тоже пока нет. Но приказ мы обязаны выполнять: прочно удерживать рубеж обороны. Чтобы не оказаться застигнутыми врасплох, постоянно ведем разведку. Ее в полку возглавляет лейтенант Петров, храбрый, инициативный командир. Бойцы любят его и готовы идти за своим лейтенантом в огонь и в воду. Прекрасным организатором разведки оказался и командир 2-го батальона капитан Шухлин. В боях он зарекомендовал себя толковым и волевым командиром, не теряется в самой сложной обстановке. Вот перед ними я и поставил задачу захватить пленного, выяснить, с каким противником мы имеем дело, какие у него силы.

В ночь разведчики Петрова ушли на задание. Мы их обеспечили всем, чем только могли из наших скудных запасов: боеприпасами, гранатами, сухим пайком. Полсуток прошли в томительном ожидании. Вернулся Петров утром. Доставил пленного солдата лет тридцати пяти, испуганного и растерянного.

Через пленного выяснили, что в деревне Замостье, километрах в пяти от нас, находится вражеский гарнизон. Гитлеровцы испытывают недостаток в боеприпасах и продовольствии. Сегодня к ним должен подойти обоз. Кроме того, подойдет пополнение, чтобы разгромить заслон из остатков русской пехоты и расчистить дорогу на Котлы.

Мы отправили пленного в штаб дивизии, а сами стали готовиться к встрече с противником. Петров и Шухлин предложили блокировать деревню, заминировать шоссе и устроить засаду на вероятном пути подхода резервов. Этот план мы с комиссаром одобрили, исполнение его возложили на разведчиков и саперов. Группа младшего лейтенанта Богданова получила задачу атаковать голову колонны, а лейтенант Петров с подчиненными должен был ударить по ее хвосту.

Под утро появилась колонна грузовиков с пехотой противника. Через несколько минут раздалось несколько взрывов. И, не давая фашистам опомниться, бойцы младшего лейтенанта Богданова открыли огонь. По замыкавшим колонну автомобилям ударили разведчики лейтенанта Петрова.

Пока шла перестрелка на шоссе, саперы успели заминировать еще один участок дороги. Там подорвались груженные немецкие фуры обоза, пытавшегося вернуться обратно. Словом, гарнизон в Замостье не получил ни подкрепления, ни продовольствия, ни боеприпасов. Днем дружной атакой батальона капитана Шухлина противник был выбит из деревни.

Лужский участок обороны. Деревня Большой Сырец. КП 732-го стрелкового полка 235-й стрелковой дивизии

Иван Смирнов, лейтенант, начальник разведки полка

Противник настойчиво рвется к Луге. Ему не удалось прорвать оборону 177-й дивизии. Теперь он развивает активность на нашем левом фланге. Особенно после того, как, не выдержав натиска превосходящих сил врага, стала отходить наша соседка — 1-я дивизия народного ополчения. Гитлеровцы за последние дни заняли железнодорожную станцию Батецкая, деревня Холуй, Ивня, Княжья Гора, форсировали реку Лугу.

Сегодня полковые и дивизионные разведчики активно работали всю ночь и установили, что противник сосредоточил против нас до полка пехоты с танками, под-

тянул артиллерию. Все дороги контролируются дозорами мотоциклистов. Выслушав доклад об этом, командир полка отдал подразделениям необходимые распоряжения, доложил данные разведки комдиву генерал-майору Лебедеву. Командование дивизии потребовало от нас усилить наблюдение, повысить бдительность, быть в готовности к отражению возможной атаки противника.

Деревня Раковичи. НП артгруппы 177-й стрелковой дивизии

Георгий Федотович Одинцов, полковник, командир артполка АККУКС

Несколько дней назад в нашей артиллерийской группе побывал начальник артиллерии фронта генерал В. П. Свиридов. Владимира Петровича я знал еще до войны. Он хорошо разбирался в оперативно-тактических вопросах и считался знатоком артиллерии. Широта его кругозора поражала. Но он никогда не кичился своими знаниями. Это был удивительно простой и скромный человек.

Вместе с генералом Свиридовым на нашем командном пункте находился также начальник артиллерии 41-го стрелкового корпуса полковник Потапов. Мы обсуждали особенности сложившейся обстановки. Отход 1-й дивизии народного ополчения со своих позиций, в результате которого противник сумел вклиниться в боевые порядки 235-й стрелковой дивизии, ставил в затруднительное положение левый фланг лужского участка обороны. Мы с Потаповым просили начальника артиллерии фронта о немедленном усилении огневой мощи дивизии генерала Лебедева. Как временную меру мы считали возможным снять с Карельского перешейка, где оборонялась 23-я армия, хотя бы два дивизиона. Нам казалось, что на том участке фронта обстановка значительно стабильнее.

Генерал резко отчитал нас за наше необоснованное предложение. Он сказал, что противник только и ждет, когда мы вынуждены будем оттягивать силы. Владимир Петрович склонен был лучше посмотреть наши возможности. Он предложил 51-й корпусный артполк, остатки которого вывел из окружения под Псковом капитан Гушин, пополнить дивизионом 3-го ЛАУ. Таким образом, 235-я дивизия усиливалась почти полнокровным артиллерийским полком, имевшим на вооружении 122- и 152-миллиметровые гаубицы.

— Маневрировать силами и средствами в широких масштабах нам придется еще не раз. Делать это надо разумно,— убеждал нас начальник артиллерии фронта. Мы согласились с ним. Сегодня 51-й корпусной артиллерийский полк, сообщил мне полковник Потапов, огнем с новых позиций сорвал атаку врага на участке 602-го полка 235-й стрелковой дивизии.

Документальная строка

На временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками советской территории разгорается пламя народной войны. Все новые и новые удары по врагу наносят партизанские отряды. В Волосовском районе активно действует 54-й сводный партизанский отряд. 19 августа группа партизан под руководством комиссара отряда М. А. Плесковских совершила налет на аэродром противника у деревни Устье. В докладе об этом рейде Военному совету фронта сообщалось: «В 3 часа утра партизаны бесшумно сняли 6 часовых. Противотанковыми гранатами, бутылками с зажигательной жидкостью уничтожили восемь двухмоторных бомбардировщиков, взорвали цистерну с горючим. Одновременно уничтожено 20 человек легко-технического состава...»

20 АВГУСТА ★ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Ленинград. Смольный

Николай Дмитриевич Шумилов, секретарь Ленинградского горкома партии

20 августа во второй раз с начала войны в Смольном собрался Ленинградский партийный актив. На него приехали секретари райкомов, директора ведущих предприятий, руководители крупных партийных организаций, заведующие отделами горкома, военные. Людей было меньше, чем на июльском активе: не все смогли оставить участки своей работы. За столом президиума — К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, другие руководители города и фронта.

Первым выступал главнокомандующий Северо-Западного направления Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. На стене висела большая карта. Климент Ефремович показал на ней расположение советских войск и войск противника, обрисовал обстановку на фронте, сообщил о мерах, которые принимают Ставка и Военный совет для защиты Ленинграда. В эти дни враг развивает новое наступление. Остановить и разбить его — наша задача.

— Артиллерии у нас хватит,— сказал он. — Но надо производить больше снарядов, мин и минометов. Брага мы не только не пушим в Ленинград, но и расколотим его на подступах к городу. Ленинградская земля станет для него могилой.

А. А. Жданов в своем выступлении подчеркнул, что настал момент, когда все большевистские качества должны быть приведены в действие. Безотлагательно, не теряя времени нужно готовиться к защите Ленинграда. Задача состоит в том, чтобы как можно быстрее обучить людей самым необходимым приемам вооруженной борьбы: стрельбе, метанию гранат, рытью окопов, переползанию. Надо сделать так, чтобы никто не был наблюдателем. Нужно побороть в себе элементы неорганизованности и благодушия. Вопрос стоит о жизни и смерти. Либо рабочий класс Ленинграда будет превращен в рабов, а его авангард будет истреблен, либо соберем всё в кулак и устроим фашистам могилу под Ленинградом. Все зависит от нас. Будем крепкими, организованными, сильными — и победа будет за нами. А. А. Жданов предупредил собравшихся, что необходимо мобилизовать дополнительные силы на строительство оборонительных рубежей под Ленинградом, призвал активно начать обучение рабочих ведению уличного боя.

Речи товарищей К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова произвели сильное впечатление на присутствовавших. Активисты остро почувствовали свою личную ответственность за судьбу родного города. В зале воцарилась такая тишина, что казалось, можно услышать стук собственного сердца.

Собрание было непродолжительным. Расходились быстро. Одни прямо из Смольного уезжали на фронт, другие — на фабрики и заводы.

В этот же день состоялось бюро городского комитета партии. На нем обсуждался вопрос об организации обороны города Ленинграда. Для отражения противника

горком предложил сформировать 150 отрядов народного ополчения по 600 человек в каждом.

Десятки тысяч ленинградцев в те дни вышли на строительство сооружений второй оборонительной полосы, проходившей по линии Финский залив — станция Предпортовая — Рыбацкое — Уткина заводь — Ржевка — Новая Деревня — Финский залив. Райкомы партии взяли под контроль работу предприятий, выпускающих оборонную продукцию. Многие заводы и фабрики, выпускавшие ширпотреб, были переключены на выпуск снарядов, мин, средств связи и других заказов фронта.

Обстановка на фронте с каждым часом становилась все более угрожающей. Еще днем шли разговоры о том, что нашим войскам удалось очистить от врага Кингисепп, а поздно ночью мы получили сообщение: противник вновь занял город. Фашистские войска перерезали Октябрьскую железную дорогу и заняли станцию Чудово. Наших войск там крайне мало. Это было для нас, людей штатских, полной неожиданностью. Правда, военные товарищи говорят, что на это направление спешно выдвигаются стрелковые дивизии. И все же опасность для города, для ленинградцев очень велика.

Кингисеппское направление. Северо-восточнее Кингисеппа. КП 191-й стрелковой дивизии

Филипп Дмитриевич Егоров, бригадный комиссар, военком дивизии

Вчера 8-я армия получила приказ командующего фронтом подготовить сильную группировку для контрудара с целью вернуть Кингисепп. От нашей дивизии привлекаются 546-й стрелковый полк и артиллерия. В состав группировки входят несколько дивизий 8-й армии. Правда, у многих из них остались лишь номера. В 11-й, как говорил ее комиссар, немногим более двух тысяч, около сотни пулеметов и несколько орудий. Не лучше положение в 10-й и 268-й дивизиях. В каждой — не более трети бойцов. Штаб фронта распорядился на время предстоящих боевых действий передать стрелковым подразделениям часть противотанковых орудий из 266-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, а также включить в ударную группу Нарвский рабочий полк.

20 августа после короткой артподготовки части 8-й армии перешли в наступление с северо-запада и северо-

востока. К полудню очистили от противника северо-западную часть города. Бои шли за каждый дом. Фашисты успели приспособить подвалы, первые этажи каменных зданий под огневые точки. Выбивать их оттуда, не имея орудий сопровождения пехоты, было крайне сложно. Приходилось лишь удивляться мужеству и храбрости наших бойцов. Мне рассказывали, как красноармеец Павловский из первой роты полка по водосточной трубе влез на второй этаж дома, в подвале которого засели гитлеровцы, спустился с другой стороны и расстрелял пулеметный расчет врага. И таких примеров было немало.

К полудню натиск наших подразделений начал ослабевать. Взводы и стрелковые отделения растворились в лабиринте дворов, переулков, закоулков. Нарушилось управление. Труднее стало поддерживать стрелков огнем пулеметов и орудий. Противник, используя момент, ввел свежие резервы, бросил вперед танки и бронемашины. Уличный бой принял ожесточенный характер. Инициатива перешла в руки врага. Особенно в тяжелое положение попали наши части, наступавшие с северо-востока. Они, чтобы не оказаться в окружении, вынуждены были отходить. Контрудар, на который возлагалась надежда вернуть Кингисепп, не получился. Сказывались не только преимущества врага в живой силе и технике, но и отсутствие у нас опыта наступательных боев в условиях крупного населенного пункта.

После неудачных боев за Кингисепп наш полк отошел и занял позиции полевого заполнения Кингисеппского укрепленного района.

Документальная строка

Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Жданов, председатель Ленгорсовета П. С. Попков подписали воззвание к населению и защитникам Ленинграда. «Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск, — говорилось в воззвании. — Враг пытается проникнуть к Ленинграду. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирным населением, поработить свободных сынов нашей Родины. Но не бывать этому!

Ленинград — колыбель пролетарской революции...
Никогда он не был и не будет в руках врагов! Не для того мы живем и трудимся в нашем прекрасном городе, не для того мы своими руками построили могучие фабрики и заводы Ленинграда, его замечательные здания и сады, чтобы все это досталось немецким фашистским разбойникам!

Встанем, как один, на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы! Выполним наш священный долг советских патриотов!.. Вооруженные железной дисциплиной, большевистской организованностью, мужественно встретим врага и дадим ему сокрушительный отпор!»

Воззвание было опубликовано в газетах, передавалось по радио.

21 АВГУСТА ★ **ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Кингисеппское направление. Деревня Керстово. 2-я отдельная бригада морской пехоты

Николай Кочубей, старшина 1-й статьи

На Лужском рубеже нас, моряков, посылали на самые трудные участки. Гитлеровцы боялись балтийцев как огня. В атаки мы ходили в тельняшках и бескозырках, да еще пулеметными лентами опоясавшись, как в гражданскую. Фашисты, завидев нас, начинали вопить: «Рус матрозен!»

Особенной храбростью отличались наши бригадные разведчики. Командовал ими капитан Степан Боковня, человек исключительной храбрости. Он еще в финскую был награжден орденом Ленина. Разведчики, проникнув в тыл врага, нападали на штабы, захватывали ценные документы, брали пленных.

Бригаде было приказано внезапной атакой разгромить вражеский гарнизон в деревне Ополе. Первыми туда отправившись разведчики. Перед рассветом они подошли к селению. Капитан Боковня сказал, что сейчас самое время атаковать — фашистам десятый сон снится.

Стрельба переполошила гитлеровцев. Они начали

выскакивать на улицу в одном белье. Тогда капитан крикнул: «Полундра! Вперед, братишки!» Мы ринулись за ним. Кричали «ура!», «полундра!», свистели, стреляли. Словом, страх на фашистов нагоняли. Настигали гадов где только можно: в сараях, в банях, даже в отхожих местах. Через полчаса, не больше, Ополье было наше. В селение вошли остальные батальоны бригады. Затем двинулись дальше. Выбили гитлеровцев еще из нескольких деревень, захватили несколько орудий, повозок, мотоциклов.

В Алексеевке нам приказали сменить пехоту и закрепиться. Вовремя: через два дня гитлеровцы начали против нас сильные контратаки. Они бросили не менее полка пехоты с танками, а с воздуха их поддерживала авиация. Нам пришлось отойти на новый рубеж. Не хотелось покидать отвоеванную землю. Комиссар успокаивал: «Ничего, ребята, мы вернемся, и тогда уж навсегда освободим родную землю от фашистской нечисти».

Лужский участок обороны. Западнее станции Оредеж
Иван Щенников, интендант 3-го ранга, начальник дивизионного обменного пункта 235-й стрелковой дивизии

По приказанию заместителя командира дивизии полковника Петрова я должен был переместить наш продовольственный склад в новый район. Он показал маршрут движения по карте и сказал, чтобы к утру мы были на месте.

В Оредеже получили хлеб и другие продукты. Загрузив машины, тронулись в путь. На маршруте нам встретилась колонна автомашин и обоз неизвестной мне воинской части. Мы вклинились в этот поток и продолжали двигаться вместе.

У моста через реку образовалась пробка. Помня указание полковника, я попытался пробиться через мост. Но там какой-то лейтенант горячо, до хрипоты спорил со старшиной о том, что делать с повозкой, у которой на мосту отвалилось колесо. Лейтенант требовал скинуть ее в речку, а старшина стоял с автомобилем и грозил всадить пулю всякому, кто попытается это сделать. У него в повозке мины, которые очень нужны роте.

Я, как старший по званию, подошел и потребовал, чтобы старшина подчинился лейтенанту. Но старшина ответил, что и мне он не подчинится: без мин роту

оставить нельзя, а я, интендант, ничего в этом не понимаю.

И вдруг слышу шум и крик позади себя. Обернулся. Впереди шел майор. Его сопровождало несколько человек. Перебивая друг друга, они что-то объясняли майору. Я присмотрелся к ним и ахнул от удивления: в майоре узнал Хейсина, старого товарища по довоенной работе в Иванове. Вот так встреча! Хейсин рассказал, что в первый же день войны был мобилизован в армию. Служит в штабе 41-го корпуса и имеет большие полномочия по обеспечению продвижения выходящих из окружения с новгородского направления частей 48-й армии. Расспросил и меня о том, где и кем служу. Пока я разговаривал со своим ивановским товарищем, повозочный старшины, немолодой красноармеец, приладил вагу вместо колеса, и повозка двинулась дальше. Пробка начала рассасываться. Майор Хейсин пропустил мои машины вперед и пожелал успеха.

Приказание полковника я выполнил.

Южнее станции Оредеж. КП 1-го полка 1-й дивизии народного ополчения

Иван Крестовский, политрук, инструктор политотдела дивизии

В середине дня 21 августа к левому берегу реки Оредеж подошли немецкие танки и автоматчики. Мы находимся в окопах, которые отрыли ленинградцы. Наблюдаем за действиями противника.

Траншеи и ходы сообщения у нас полного профиля. Человека среднего роста полностью укрывают. Стрелковые и пулеметные ячейки вынесены к самому берегу. Река прикрыта пулеметным огнем, а берег эскарпирован. Словом, чувствуем себя надежно, готовимся встретить врага. О его замыслах нам еще вчера доложили полковые разведчики.

В бинокль хорошо видно, как на левом берегу усиливается движение танков и пехоты противника. С грузовых машин снимают резиновые лодки, разгружают еще какое-то военное имущество. И вот под прикрытием минометного и артиллерийского огня противник начинает форсирование.

Не успели гитлеровцы достигнуть и середины реки, как наши пулеметчики и стрелки открыли по ним плотный огонь. В том бою особенно отличился комиссар ба-

тальяна, бывший секретарь цеховой партийной организации А. Д. Сивоха. Его видели на самых опасных местах. Словом и личным примером коммунист Сивоха воодушевлял ополченцев.

Трижды фашисты пытались переправиться через Оредеж, но были отбиты. Перед последней попыткой они вызвали авиацию. Однако и бомбежка им не помогла.

Поздно ночью командира полка и меня вызвали в штаб дивизии. Полковник Родин сообщил, что противник ведет бои на подступах к Красногвардейску. Дорога Луга — Ленинград перерезана. Решается вопрос о дальнейших действиях 41-го стрелкового корпуса. Нам приказано еще не менее трех суток надежно прикрывать совместно с 235-й дивизией левый фланг лужского оборонительного участка.

Документальная строка

Воззвание вызвало широкий отклик у ленинградцев, усилило чувство ненависти и ярости к немецко-фашистским захватчикам. На предприятиях и в учреждениях, в воинских частях и на кораблях Краснознаменного Балтийского флота состоялись собрания и митинги. «К оружию!», «Все на защиту Ленинграда!» — призывали их участники.

Из резолюции собрания 14-го цеха завода имени Егорова: «Мы призываем всех, способных носить оружие, вступить в ряды народного ополчения. Мы обещаем утроить производительность труда, увеличить выпуск продукции по военным заказам. К оружию, товарищи! На защиту великого города пролетарской революции!»

Из письма бойцов отряда народного ополчения Н-ского завода: «Клянемся защищать родной город сплоченно, дружно и смело! Нам не страшен враг, не испугают нас вражеские танки. Мы будем беспощадно уничтожать фашистскую нечисть, не щадя своей жизни для полной победы над фашизмом. Мы разобьем врага!»

Сверловщик Н. Сурсков, токари М. Емельянов и М. Шиманов, слесарь Н. Коновалов (следуют еще 22 подписи)».

Из заявления бойцов-зенитчиков: «Мы твердо уверены в том, что враг будет отогнан с подступов к Ленинграду, разгромлен и уничтожен. Никогда не пройдут фашисты по улицам Ленинграда. Вместе с вами, товарищи ленинградцы, мужественно, бесстрашно, с железной организованностью защитим город Ленина. От имени

личного состава батареи лейтенант А. Пимченков, младший политрук М. Левичев».

Из письма токаря Н-ского завода Павла Паничкина: «...я вступаю в ряды защитников великого города Ленина, иду защищать счастье и свободу нашей страны. Я клянусь быть беспощадным к врагу...»

22 АВГУСТА ★ ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Кингисеппское направление. 1-й танковый полк 1-й танковой Краснознаменной дивизии

Сергей Зимин, младший политрук, отсекар бюро ВЛКСМ полка

Сегодня в полк приехал военком дивизии бригадный комиссар К. П. Кулик. Едва он успел выйти из машины, как сразу же попал в окружение танкистов. Не было в дивизии бойца, который не знал бы комиссара. Высокое звание не отгораживало его от людей. Доброта, чуткое отношение к людям не мешали ему быть требовательным, когда речь шла о службе, выполнении воинского долга. До войны, рассказывают, был такой случай. Во время вождения у механика-водителя Кузнецова закапризничал мотор. Танк остановился. Экипаж не выполнил задачу, и его отправили с танкодрома. Это видел Кулик.

На другой день бригадный комиссар пришел в парк и приказал позвать Кузнецова. Тот прибежал, доложил. Кулик дал команду завести мотор. Двигатель фыркнул выхлопом и ровно заработал.

— Исправил? — спросил комиссар.

— Так точно! — ответил механик-водитель.

— Взыскание от командира получил? — задал еще один вопрос Кулик.

— Так точно! — покраснел Кузнецов.

Вокруг них собралась группа танкистов. Они внимательно слушали беседу комиссара с механиком-водителем.

— Запомните, товарищи. — Комиссар оглядел со-

бравшихся. — Неисправный танк в бою — мишень для врага.

Бригадный комиссар побывал в боях на Карельском перешейке. Орден Красного Знамени на его гимнастерке свидетельствовал о воинской доблести и боевом опыте военкома дивизии. И нам было чему учиться у своего комиссара.

Полмесяца не выходит танк Кузнецова из боя. На его броне десятки отметин. Но ни разу машина не подвела экипаж. А бригадный комиссар как увидит Кузнецова, обязательно спросит: «Как, товарищ Кузнецов, двигатель в порядке?» Улыбнется механик, поднимет большой палец: «Во, товарищ комиссар!»

Кулик не без умысла спрашивал Кузнецова. Исправная, надежная машина — первое и главное условие победы в поединке с врагом.

Тяжело в эти дни комиссару. Даже лицом изменился, на переносице глубокая складка залегла. Дивизия из боев не выходит. Тают ее ряды. Все меньше машин остается в строю, многие танкисты сражаются с врагом по пехотному.

Особенно тяжело переживает бригадный комиссар потери людей. Под Яблоновицами на танк лейтенанта Тогузова навалились четыре немецких. Два танка лейтенант сжег, а остальные не успел. Вышел из строя оптический прицел, осколком заклинило башню. Тогда лейтенант приказал идти на таран. Один танк механик-водитель Лобанов хорошо ударил, а второй успел вернуться и снарядом угодил в моторную часть машины лейтенанта Тогузова. Танк вспыхнул. Экипаж героически погиб.

Кулик спросил комиссара нашего полка:

— Захоронили героев? Письма родным написали? К наградам представили?

Комиссар полка молчал. Когда ж все это было делать в суматохе боя! К. П. Кулик рассердился, упрекнул, что мы забываем отдать героям последний долг.

— Все сделайте, как я сказал. Об их подвиге каждый танкист должен знать. Проверю!

Он мог и не напоминать. Мы знали: военком дивизии обязательно проверит. Такая у него черта характера.

В этот раз бригадный комиссар привез газеты, в которых было опубликовано обращение товарищей К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова и П. С. Попкова ко всем

ленинградцам и воинам фронта с призывом не допустить врага в город Ленина.

— Обращение должен знать каждый танкист,— сказал комиссар дивизии.— Я намерен прочесть его в батальоне майора Шпиллера. Кто в другие подразделения пойдет — решайте!

Мне дали задание прочесть обращение у ремонтников. По дороге я ознакомился с текстом. Суровая правда обжигала душу, звала в бой.

Район деревни Куровицы. 125-я стрелковая дивизия

Андрей Бондарчук, старший сержант, командир орудия 749-го стрелкового полка

Вышли мы из окружения, переправились через Лугу. Ну, думаю, теперь пошлют нас на переформировку. Но все получилось иначе. Противник, как нам сказал комиссар, на Ленинград пошел. Надо сорвать его черные планы. Приказали полку занять оборону и не дать фашистам прорваться к Финскому заливу.

Заняли мы чьи-то окопы. Траншеи что надо, в полный рост. Я со своим 76-миллиметровым орудием тоже занял огневую позицию. В полку всего два орудия осталось.

Четыре дня ни мы немца не видели, ни он нас. Стоим себе и никакого участия в войне не принимаем. И вот противник объявился в соседней деревне. «Не меньше батальона»,— сообщили полковые разведчики. Наш командир батальона лейтенант Козлов, человек отчаянной храбрости и удачливый, так и загорелся: пошел к командиру полка и предложил ночью ударить по фашисту.

Командир полка поначалу и слушать не хотел, рассказывали ребята, но все же план Козлова доложил в дивизию и получил разрешение на вылазку. Мы стали готовиться к ночному рейду. Наше орудие придали батальону для непосредственной поддержки пехоты.

Сплошной линии фронта у противника не было. Разведчики показали нам лесную дорожку. В мирное время по ней, наверное, мужики в лес за дровами ездили. Вела она к деревне, которая стояла на шоссе.

Ночью мы отправились. Моросил холодный дождь. В двух шагах ни зги не видно. Под ноги то коряга попадет, то о старый пенёк споткнешься. Стрелкам легче шагать с винтовкой, а мы свою пушку на лямках катили. Вышли мы на опушку. На взгорке деревня, а вдоль

шоссе прожектор как ножом темень рубит. И на дороге высвечиваются крытые машины.

Комбат послал вперед разведку. Вскоре ребята вернулись и доложили, что шоссе фашистскими машинами запружено, а солдаты спят в кузовах. Лейтенант собрал командиров, изложил свой план. Действовать надо быстро, дерзко и решительно. Мне комбат такую задачу поставил:

— Стреляешь, Бондарчук, три минуты в самом напряженном темпе. Потом огонь прекращаешь. И на шоссе тотчас выскакивают стрелки. Забрасывают машины бутылками с горючей смесью и гранатами. Под прикрытием автоматного огня отходим. Ты, Бондарчук, сделаешь два выстрела — это для всех сигнал уходить!

Все мы сделали точно, как лейтенант приказал. Скорострельность нашей полковушки десять выстрелов в минуту. Так мы уложились в норму. Заряжающий Карнаухов вовремя предупредил, что снарядов осталось не более десятка. После началось такое, будто на гитлеровцев целая дивизия налетела: гранаты хлопают, автоматы трещат. К слову, многие наши бойцы немецкими автоматами обзавелись во время боев в Прибалтике.

На шоссе начали полыхать машины. Боеприпасы, бензиновые баки взрываются. Страшный фейерверк получился. Комбат крикнул мне:

— Бондарчук, два выстрела. Скорей!

Дал я два выстрела. Тут пехотинцы подскочили, и мы пушку покатали.

Правду говорят: если с умом воевать, то и один в поле воин.

Лужский участок обороны. Деревня Лемовжа. КП роты 1-го стрелкового полка 3-й дивизии народного ополчения Александр Гордон, старший политрук, отсекр партбюро полка

Семнадцатого августа я собрался в третью стрелковую роту. Она занимала оборону на правом фланге, там, где соединяются деревни Хотнежа и Лемовжа.

Перед уходом зашел к командиру полка. Майор Раевский попросил обратить особое внимание на боеготовность роты, посмотреть, как подготовлена оборона к отражению танков противника.

— Учтите, товарищ Гордон, — говорил командир. — Рота находится на самом правом фланге не только пол-

ка, но и всего лужского участка обороны. Фланг открыт. Наступления противника нужно ждать со дня на день. Вероятно, наша третья рота первой встретит его.

С таким напутствием я отправился в путь. К вечеру был на месте. Командир и политрук роты познакомили меня с обстановкой. Боевого соприкосновения с противником рота еще не имела. Гитлеровцы, когда развивали наступление с Сабского плацдарма, почему-то ее не тронули.

За месяц ополченцы хорошо подготовили оборону в инженерном и огневом отношении. Роту усилили двумя минометными и двумя пулеметными взводами, двумя 76-миллиметровыми орудиями, поставленными на прямую наводку. Для борьбы с танками подготовлены истребители с гранатами и бутылками с горючей жидкостью. Заминирован мост через реку Лемовжу.

Через день рота выдержала боевое испытание. С утра появились бомбардировщики. Более тридцати минут они пикировали на позиции оборонявшихся. Это была невиданная по силе бомбежка. Но вот все стихло. Обходим окопы. Оказывается, убит лишь один человек.

И вот сегодня на рассвете разведка донесла о приближении противника. Как только гитлеровцы появились на правом берегу Лемовжи, наши бойцы открыли дружный огонь из винтовок и пулеметов. Попытка врага форсировать реку закончилась неудачей. Но обстрел позиций роты продолжался. Противник пристрелял подходы к командному пункту, и связным к нам не пробраться. Он засек наше орудие, замаскированное в сарае, и открыл огонь зажигательными снарядами. Сарай загорелся. Командир роты старший лейтенант Кузьмин приказал спасти орудие. Шофер, я не знаю его фамилии, бросился к машине, но, сраженный пулей, упал, не успев завести мотор. В сарае начали взрываться снаряды.

Огневой бой продолжался до самого вечера. А ночью мы перенесли КП роты в новое место.

Документальная строка

Вся страна с напряженным вниманием следила за событиями под Ленинградом. Защитники и население города Ленина знали и чувствовали, что в борьбе с врагом они не одиноки. Весь народ нашей многонациональной Родины готов оказать любую помощь.

«Товарищи ленинградцы! Знайте, что в эти грозные

дни с вами вся великая Советская страна... Оборона города Ленина, оборона его фабрик, заводов, Дворцов культуры, построенных советскими людьми, обильно политых потом,— наше общее, всенародное дело» (из обращения рабочих московского завода «Красный пролетарий»).

Из письма, принятого 22 августа на собраниях трудящихся города Баку, на которых присутствовало свыше 200 тысяч человек: «С затаенным дыханием следит вся страна за вашим героическим сопротивлением лютому врагу. В этой борьбе вам обеспечена братская помощь могучего советского народа и всего прогрессивного человечества... В эти грозные дни нефтяники Баку, колхозники хлопковых полей, интеллигенция и все трудящиеся советского Азербайджана с вами, товарищи ленинградцы».

Обращение рабочих и служащих свердловского Уралмашзавода к ленинградцам: «Нам дорог родной Ленинград. Пусть нас отделяют тысячекилометровые пространства, но наши сердца — с мужественными ленинградцами. Уральские рабочие в цехах куют победу над озверелым фашизмом. Стойко держитесь, родные!»

Молодым защитникам Ленинграда молодежь и комсомольцы города Киева: «К вам сейчас обращены взоры всех трудящихся Советского Союза. За вашими боевыми делами следит великая Родина. Героическая молодежь Ленинграда сумеет помочь своим старшим братьям, отцам, Красной Армии отбить натиск озверелого врага».

23 АВГУСТА ★ **ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Ленинград. Штаб Ленинградского фронта

Маркиан Михайлович Попов, генерал-лейтенант, командующий войсками фронта

Ставка Верховного главнокомандования 23 августа решила разделить Северный фронт на два — Ленинградский и Карельский. В составе Карельского фронта остались 7-я и 14-я армии, действовавшие на петрозаводском

и мурманском направлениях. Это решение Ставки позволяло руководству Ленинградского фронта целиком сосредоточить внимание на обороне Ленинграда. Сложившаяся обстановка требовала максимального напряжения всех сил. Все реальнее становилась опасность окружения Ленинграда.

На Красногвардейском оборонительном рубеже наши войска с большим трудом ликвидировали попытку трех танковых дивизий противника с ходу прорвать оборону и ворваться в Ленинград. Под Красногвардейск были спешно выдвинуты 2-я гвардейская дивизия народного ополчения, военно-учебные заведения и воинские подразделения, еще остававшиеся в Ленинграде.

21 августа войска 8-й армии — пять ослабленных дивизий — заняли оборону по правому берегу реки Луги в ее нижнем течении. Они должны были не допустить прорыва противника на Копорское плато и к Финскому заливу. Взаимодействуя с приморским сектором обороны и частями береговой охраны Кронштадтской военно-морской базы, они нависли над флангом и тылом группировки противника, наступавшей на красногвардейском направлении. Это обстоятельство заставило гитлеровское командование несколько ослабить силы на красногвардейском направлении и бросить на приморский участок фронта четыре пехотные дивизии. 22 августа враг начал наступление на Котлы.

В двадцатых числах августа крайне осложнилась обстановка юго-восточнее Ленинграда. Противник, овладев станцией Чудово, повел наступление вдоль железной дороги и шоссе Москва — Ленинград, где войск у нас было мало. Мы приняли решение перебросить на чудовское направление 168-ю стрелковую дивизию. Но ее еще надо было вытащить с Карельского перешейка и переправить через Ладогу.

Вынужденный отход наших частей с кингисеппского участка, прорыв полосы обороны 48-й армии создали серьезную угрозу тылу и флангам лужского участка обороны. Было дано указание генералу А. Н. Астанину отвести войска с лужской позиции на новый рубеж.

Имея превосходство в живой силе, танках, артиллерии и авиации, противник продолжал стягивать на ленинградское направление новые дивизии и полки. Со смоленского направления под Ленинград гитлеровцы перебросили 39-й армейский корпус. Разведчики генерала Астанина захватили важные штабные документы. Среди

них приказ, подписанный командиром 50-го армейского корпуса генералом Линдеманом, тоже недавно появившимся на Ленинградском фронте.

В той обстановке крайне важно было не потерять управления войсками, иметь возможно более полные данные о противнике. Благодаря самоотверженной работе военных связистов, которыми руководил начальник связи фронта генерал Н. И. Ковалев, командование фронта имело достаточно надежную и непрерывную связь почти со всеми соединениями. Высокой оценки заслуживают разведчики, которых возглавлял опытнейший и уважаемый в войсках комбриг П. П. Евстигнеев.

Знание обстановки, намерений противника позволяло нам наиболее целесообразно использовать те скромные силы и средства, которые мы имели.

Кингисеппское направление. Деревня Калмотка. КП Кингисеппского УРа

Валерий Котик, майор, комендант укрепленного района

Весь день в районе дота № 17 не затихал бой. Гитлеровцы обрушили на него огонь артиллерии и авиацию. Ночью подтянули огнеметы.

Вместе с небольшим гарнизоном в доте находились командир батальона капитан А. Т. Гольшев и комиссар старший политрук А. С. Гупалов. Мы пытались контратакой бойцов спецподразделений помочь нашим товарищам, но из этого ничего не получилось. На пути к доту засели фашистские автоматчики. Они встречали контратакующих сильным огнем. Оставалось надеяться на мужество окруженного гарнизона, на смелость и находчивость бойцов, опыт командира и комиссара 263-го батальона.

И наши надежды оправдались. Через подземный ход Гольшев вывел гарнизон к берегу Луги. Командир и комиссар, лейтенанты Павлов и Гришин, пулеметчик Шубин покидали дот № 17 последними. Ночью бойцы героического гарнизона сосредоточились на левом берегу реки. Предстояло скрытно переправиться через водную преграду. Но тут выяснилось, что не все бойцы умеют плавать. Сержант Николаев, отличный пловец, спортсмен, вызвался помочь товарищам преодолеть широкую Лугу.

Когда большая часть бойцов 263-го пулеметно-артиллерийского батальона была на правом берегу Луги, про-

тивник обнаружил на воде нескольких наших красноармейцев и открыл по ним сильный пулеметный и минометный огонь. Последними плыли Голышев и Гупалов. Пули и осколки дождем плясали вокруг них. Десяток метров оставалось командиру и комиссару дотянуть до берега. Не смогли. Оба погибли, выполнив до конца свой воинский долг.

Луга. Райком ВКП(б)

Иван Дмитриевич Дмитриев, секретарь райкома партии

23 августа из штаба генерала Астанина сообщили, что получен приказ оставить город. Значит, пришла пора уходить и нам.

В последний раз заглянул домой. В комнатах все было на месте. Перед отъездом жена прибрала квартиру, выстирала мое белье и даже накрахмалила рубашки. Посмотрел на них — в самый раз в лесу носить. Подумал: а не взять ли что-нибудь теплое? Впрочем, зачем? К зиме наверняка гитлеровцев прогоним.

Приехал в штаб корпуса проститься. У Андрея Никитича Астанина лицо бледное, измученное.

— Ну вот и все,— произнес он.— Оставляем Лугу. Будем пробиваться...

На карте синим карандашом были помечены Кингисепп, Волосово, Рождествено, Оредеж, Чудово — места, занятые противником. Астанин показал предполагаемый путь перемещения через леса и болота. Спросил о моих планах.

— Наше дело давно решенное. Я со своими в леса, партизанить.

Распрощались мы сердечно, обещая встретиться после войны, вместе отпраздновать победу.

На опушке леса, в редком молодом сосняке, недалеко от шоссе, ведущего в Ленинград, состоялось последнее заседание бюро Лужского райкома партии. Присутствовало на нем человек двадцать. Протокол вели. И печать райкома была при мне. На повестке дня было два вопроса: о преобразовании бюро райкома в районный штаб партизанского движения и разбор заявлений.

Первый вопрос решили быстро. Руководителем штаба выбрали меня, первым заместителем — Е. И. Утина, вторым — директора Дома отдыха имени Воровского П. Н. Никифорова, старого партийца, участника гражданской

войны. В штаб вошли также В. Ф. Варзанов, А. П. Дроздовский и М. Г. Кустов.

Разобрали два заявления: В. Шишкина и редактора районной газеты Кацнельсона. Шишкина по его просьбе мы отпустили в армию. Отпустили также и Кацнельсона. Еще отправили в тыл страны слабым здоровьем Ф. Андреева и В. Локтева, хотя они об этом и не просили.

Проводили наших товарищей до шоссе, пожалы им руки и вернулись на поляну. Все вопросы решены. Пора двигаться. Забросили за плечи вещевые мешки, взяли винтовки, автоматы и пошли по лесной тропе.

Район Большого Замошья. 801-й стрелковый полк 235-й стрелковой дивизии

Кузьма Макаров, старший лейтенант, командир роты

Утром прибежал посыльный от комбата и передал, что 1-й батальон завязал бой с противником и что гитлеровцы вот-вот прорвутся к нашим позициям. Комбат приказал всем быть на местах. Я подумал: паникер наш комбат, все ему вражеские танки мерещатся. Однако едва посыльный ушел, послышался гул моторов.

Перевалив через высоту, танки противника развернулись в боевой порядок и двинулись на наши окопы. Временами они останавливались и стреляли из пушек. За ними на некотором удалении шла пехота небольшими группами.

Рядом со мной стояла «сорокапятка». Командовал ею сержант Митрофанов, из кадровых. Как только танки подошли метров на триста, он открыл огонь. С третьего или четвертого выстрела расчёту удалось подбить танк. Гитлеровцы, вначале не обращавшие внимания на пушку, тотчас же перенесли огонь на нее. Орудие замолчало. В чем дело? Узнавать было некогда: танки шли на меня. Я только и успел крикнуть связному Бучину: «Давай гранаты!» Мы их всегда наготове держали — и одиночные, и в связках.

Головной танк подошел совсем близко к моему окопу. Пыхнул дымом и стал разворачиваться. Бучин уже на дне окопа. Струхнул парень. Кричу ему: «Встань, бери гранаты!»

Не знаю, откуда у меня спокойствие появилось. Взял связку и под днище танку метнул. Бучин тоже удачно бросил гранаты. Два взрыва ахнули. Потом еще. И вдруг ожил митрофановский расчёт. Артиллеристы под-

били еще один танк, а стрелки расправились с гитлеровцами, попытавшимися вылезти из машин. Словом, в тот день фашисты оставили перед фронтом нашей роты пять подбитых машин.

Документальная строка

Днем и ночью, не зная отдыха, выполняли фронтовые заказы рабочие Ленинграда. 23 августа газета «Смена» сообщала об одном из тысяч трудовых подвигов: «На Н-ском заводе изготавливаются различные медицинские инструменты, необходимые для санитарной службы армии. Недавно завод получил заказ на изготовление нового инструмента. Штамп для нового инструмента поручили сделать одному из лучших стахановцев тов. Кравченко. Для изготовления штампа требовалось не менее 6—7 дней. Но Кравченко решил закончить работу, не уходя из цеха. В течение 96 часов он почти непрерывно стоял у станка и ушел отдыхать лишь тогда, когда штамп для важнейшего заказа был изготовлен».

24 АВГУСТА ★ **ШЕСТИДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ**

Ленинград. Штаб Ленинградского фронта

Борис Владимирович Бычевский, подполковник, начальник Инженерного управления фронта

Рано утром я был на узле связи. Удалось переговорить с комендантом Кингисеппского укрепрайона майором Котиком. Он сообщил о тяжелейших боях, которые ведет гарнизон, и просил срочно прислать дополнительное количество противотанковых мин. Его сильно беспокоили подступы к Кошкинскому узлу сопротивления.

Переговорив с майором, я вернулся в управление. Не легко было доставить мины в укрепрайон, который сражается почти в окружении. С ним связывала единственная приморская дорога, все остальные были перерезаны противником.

В коридоре нашего управления висела карта с нанесенной обстановкой на фронте. Невольно обратил на нее

внимание. Красная линия за сутки придвинулась ближе к Ленинграду. Теперь она брала начало западнее Котлов, шла на Волосово, Красногвардейск, спускалась к станции Оредеж. Восточнее Луги кто-то обозначил красный овал. Здесь почти в окружении продолжали сражаться с врагом войска лужской группы генерала Астанина. На помощь им была брошена 90-я дивизия. Она должна была пробить окно для выхода частей 41-го стрелкового корпуса на Красногвардейский рубеж.

Еще несколько дней назад можно было отвести лужские дивизии на этот рубеж. Но теперь было поздно. Правда, командующий войсками фронта и новый начальник штаба фронта полковник Н. В. Городецкий высказали уверенность, что у генерала Астанина есть возможность своими силами пробиться на Сиверскую.

Лужский участок обороны. Деревня Жельцы. Штаб 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии

Почти сутки потребовалось, чтобы организованно отвести части дивизии на новый рубеж. Под огнем противника делать это всегда трудно. А тут еще в боевые порядки левофланговой роты 502-го полка, обеспечивавшей в районе Мерево стык с 235-й дивизией, пыталась проникнуть вражеская разведка. От мысли, что противник догадался о нашем отходе, стало не по себе. Но опасения были напрасны. Лазутчиков выбили. Вероятно, это была очередная группа. К утру 24-го мы получили донесения из всех полков о том, что перегруппировка успешно завершена.

С тяжелым сердцем мы покидали Лугу. Сорок пять суток в ожесточенных боях мы защищали Лужский рубеж. Не счесть отбитых атак противника, его уничтоженных танков, орудий. Немало фашисты оставили под Лугой березовых крестов. Думаю, что мы заставили гитлеровских генералов изменить мнение о Красной Армии. Враг почувствовал силу наших ударов, нашу стойкость, боевой дух, мужество советских бойцов, их волю к победе.

В шесть утра отправил в штаб корпуса оперативную сводку. В ней сообщалось о завершении перегруппировки дивизии на новом рубеже. Передний край обороны теперь проходил по северному берегу Луги — деревня

Камка, Дом отдыха, санаторий «Заречный». Штаб дивизии переместился в Жельцы и занял бывший командный пункт 41-го стрелкового корпуса.

Наш прежний участок занял 274-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. Мы ознакомили ополченцев с минными заграждениями, системой и режимом огня, с наиболее опасными для обороняющихся направлениями. После подписания акта о передаче участка комбат и комиссар остались с нами поужинать. Полковник Машошин со свойственной ему прямоотой спросил:

— А вы как, ребята, не драпанете, если противник пронюхает, что дивизия Машошина ушла?

На это комиссар батальона ответил:

— Мы, товарищ полковник, Ленинград прикрываем. Балтийцы скорее костью лягут, чем отступят.

Андрей Федорович немного помолчал, как бы прикидывая, как ему принять слова старшего политрука, и вдруг протянул ему руку:

— Это ты правильно сказал, комиссар. Спасибо тебе!

Район Толмачево. КП 111-й стрелковой дивизии

Сергей Васильевич Рогинский, подполковник, командир дивизии

После того как окончательно выяснилось, что никаких железнодорожных эшелонов под погрузку не будет, как предполагалось ранее, я получил приказание командира корпуса двигаться форсированным маршем на Красногвардейск. Переход почти сто километров. Это не меньше двух суток. Правда, нам срок не был установлен: чем быстрее, тем лучше. Командир корпуса предупредил меня о необходимости выслать вперед достаточно сильный авангард, предусмотреть меры походного охранения.

— Главное, товарищ Рогинский,— напутствовал генерал Астанин,— веди разведку впереди и на флангах. Чтобы каждую минуту знал, что делается справа и слева!

В авангард определил 486-й стрелковый полк. Под утро 24-го его головной батальон вышел к небольшой деревушке Ящера на Лужском шоссе. Послышались частые выстрелы. Комбат приостановил движение, рассредоточил подразделения. Через несколько минут командир головной походной заставы прислал со связным сообщение о том, что ведет бой с противником, числен-

ность которого не установил, но предполагает, что не менее роты. Принял решение выдвинуть батальон вперед.

Когда я узнал об этом, мысленно отругал комбата: зря он втягивает в бой весь батальон. Но оказалось, что командир принял верное решение. Противник не замедлил к месту боя подбросить пехотное подкрепление с минометами и легкой артиллерией.

Вскоре подошли и главные силы 486-го полка. Начиная светать. Командир полка майор Воробьев развернул батальоны в боевой порядок и решительным ударом отбросил противника к поселку Дивинская. На какое-то время бой затих. Вероятно, гитлеровцы не ожидали встречи с нашими войсками на этом рубеже. Но когда мы продолжили движение, то встретили уже не только пехоту, а и танки врага. Нашим разведчикам удалось захватить пленных. Они принадлежали к подразделениям 8-й танковой дивизии, прорвавшейся через Волосово на Лужское шоссе.

Мы не смогли выполнить приказ командира корпуса, опоздали. Но дивизия встала на пути противника, выходящего в тыл лужской группировки. И это имело важное значение. Генерал Астанин приказал держать рубеж совхоз «Красный маяк» — Ящера, вести разведку на Сиверскую и Дружную Горку.

Дом отдыха «Живой ручей». Штаб 274-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона

Лев Волчегорский, старший политрук, военком батальона

Сниматься с занимаемых позиций мы начали в ночь на 24 августа. Балтийский пулеметно-артиллерийский батальон в составе трех рот, прикрывая отступавшие части, отошел к поселку Толмачево. А четвертая рота под командованием военинженера 3-го ранга А. Д. Кузнецова вела арьергардный бой на правом фланге Лужского оборонительного рубежа.

Для уничтожения важных объектов в городе командование батальона выделило группу саперов во главе с бывшим начальником планово-экономического отдела завода А. Я. Ковалем. Группой подрывников командовал Л. В. Тризно. Ровно через сутки подрывники выполнили поставленную задачу и покинули город. Боясь

«сюрпризов», гитлеровцы не сразу решились войти в Лугу.

По пустынным улицам ветер гонял мусор, хрустело под ногами битое стекло. Дымили пожарища. Редкие прохожие пробегали по своим делам.

Линию обороны мы заняли по высокому, покрытому лесом правому берегу Луги. Вторая рота оборонялась возле железнодорожного моста. Левее ее были позиции первой, а недалеко — третьей роты.

Появились передовые части противника. Наша артиллерия открыла по ним огонь. Гитлеровцы ответили огневым налетом по переднему краю обороны батальона. Под прикрытием артогня гитлеровцы начали наводить переправу через Лугу, а их автоматчики — перебираться по фермам неудачно взорванного железнодорожного моста. Зайдя с фланга, они завязали бой с третьей и первой ротами на правом берегу реки.

Командир батальона вынужден был развернуть вторую роту фронтом в сторону Толмачево, чтобы встретить гитлеровцев огнем. Решение комбата старшего лейтенанта Медведникова было в точности выполнено, атака противника захлебнулась. Не добившись успеха, противник к вечеру прекратил попытки прорвать оборону балтийцев.

Ночью мы провели разведку противостоявшего противника. Возглавил ее политрук второй роты Н. Березин. Под его началом действовали бывшие конструкторы Конокотин, Кривенков и снабженец Плаксин. Люди невоенные, но они прекрасно выполнили ответственное и опасное задание. Проникнув в тыл противника, они установили примерную численность врага, засекли позиции артиллерии и на рассвете благополучно вернулись.

В боях под Толмачево отличились многие мои товарищи ополченцы с Балтийского судостроительного завода: командир роты Барский, политрук Косов, командир взвода Пожеленков, пулеметчик Черняев. Особым уважением среди ополченцев пользовался пятидесятилетний рабочий 8-го цеха И. Г. Старовойтов. Участник гражданской войны, он оказался прекрасным разведчиком, насколько не уступал в ловкости и смелости молодежи. Словом, не уронили ополченцы рабочей чести ленинградцев. Мы уходили со своих рубежей несломленными, готовыми к новым боям.

Деревня Жельцы. КП 177-й стрелковой дивизии

Валентин Варганов, красноармеец, шофер штаба дивизии

Вчера возил начальника штаба в 483-й полк. Войска уже отходили из Луги. Навстречу нам двигались обозы. По булыжнику громыхали армейские повозки, крестьянские телеги. Шла матушка пехота, хмурая, изредка бросающая косые взгляды на нас. Подполковник, высунувшись из кабины, кричал, требовал уступить дорогу, но на него никто не обращал внимания. Лишь ездовые, завидя машину начальства, пытались свернуть в сторону и нахлестывали лошадей.

С трудом мы проскочили вперед. Вскоре показалась серебристая гладь реки. Особенно хороша Луга, когда смотришь на нее с моста: берега высокие, широкая пойма под зеленым ковром, по которому затейливо петляет река. Я невольно залюбовался этой картиной и почему-то подумал: «Неужто в последний раз вижу?..»

Вернулись мы поздно. Я решил подремать в машине. Утром чуть свет меня разбудил дивизионный инженер майор Гринберг. Он сказал, что надо ехать в Толмачево взрывать мосты. Через полчаса мы были на месте. Хотели проскочить на левый берег, но нас остановили саперы.

«Там противник! Куда вас несет?» — отчаянно размахивая руками, кричал нам сержант. Когда он увидел, что в машине дивинженер, успокоился и доложил, что недавно на левый берег выскочило несколько немецких мотоциклистов. Они пытались захватить мост. Наши открыли огонь. В перестрелке убит младший лейтенант. Теперь на том берегу появилась еще группа гитлеровцев.

Гринберг отправил меня в укрытие, а сам остался с саперами. Вскоре выяснилось, что мост подорвать нельзя: не вставлены электродетонаторы. Кто виноват в этом — разбираться некогда. Майор приказал быстрее гнать в саперный батальон. Там в машину погрузили два ящика взрывчатки. С ней мы вернулись обратно. А на мосту уже свались снаряды и мины.

Майор Гринберг вместе с саперами карабкался по мостовым фермам, укреплял взрывчатку, тянул шнуры. Вскоре синий огонек пополз по бикфордову шнуру. Один за другим прогремели взрывы. Когда дым рассеялся, я увидел искореженный мост. Меня поразила картина раз-

рушения. Кажется, только теперь варварское действие войны дошло до моего сознания.

Через несколько минут прогремели новые взрывы. Команда подрывников из 110-го железнодорожного полка НКВД подняла на воздух железнодорожный мост. Ко мне подошел майор Гринберг, тронул за плечо:

— Все, Валентин! Не удалось фашистам с ходу проскочить. Поехали!

Город Луга.

Иван Вешторг, житель города, кузнец

Когда немцы подходили к Луге, поступил приказ срочно эвакуироваться. На сборы давалось два-три часа. Дочь Виктория стала спешно собираться. Я лежал на кровати. Думы грустные: «Свидимся ли еще?»

Виктория спросила:

— Папа, а ты что не собираешься?

— Нет, доченька. Куда с такими ногами! Переживу как-нибудь здесь. Не надолго же расстанемся, прогонят его...

23 августа наши войска уходили из Луги. Я с тоской и болью смотрел на обозы, автомашины, танки, тракторы. Войска шли всю ночь. К утру город опустел. Вдалеке слышались взрывы, стрельба. Потом все смолкло. Наступила странная, жуткая тишина. Мне казалось, что во всем городе я один остался, брошенный, никому не нужный старик.

Не спал всю ночь: мучил и ревматизм, и неизвестность, беспокоила тревога за дочь, внучку. К утру в городе началась стрельба. Уже солнце поднялось высоко, когда я вышел во двор.

— Рус!— услышал я непривычный окрик и даже не понял, что это меня кличут, продолжал идти к сараю.

— Хальт!

Я повернулся. У плетня стоял рослый немец с автоматом.

— Комиссар! Большевик! Юда! Ты есть кто?— выкрикивал он, коверкая русские слова.

Я ответил:

— Кузнец! Понимаешь? Рабочий!

Немец щелкнул затвором. Выстрела я не слышал, лишь почувствовал, как сильно ожгло ногу. Потемнело в глазах, сознание отключилось. Очнулся и увидел возле себя соседку Зосю, ее мать Розалию и гитлеровского

офицера. Зося что-то ему говорила. Он сильно ткнул носком сапога в раненую ногу. Я снова потерял сознание.

Вновь очнулся на кровати. Шумело в ушах, слегка тошнило. Услышал знакомый голос: «Иван Андреевич, полегчало? Вы у нас, не волнуйтесь». Рядом сидела Зося. Она рассказала, как все было.

— Мать вышла на крыльцо, когда прогремел выстрел,— говорила мне Зося.— Она быстро вернулась в дом и позвала: «Зося, Зося, Ивана Андреевича убили!» Я не поверила, выскочила на улицу. Никого нет! Бросилась к вам во двор и увидела кровь, много крови. Мы с мамой перенесли вас к нам. Она помогла промыть рану, перевязать и напоить горячим чаем с медом. Иван Андреевич,— горячо сказала Зося,— вы не беспокойтесь, мы вас не бросим.

Я взял ее теплую, нежную руку и поцеловал.

Кингисеппское направление

Валерий Котик, майор, комендант укрепленного района

После потери левобережных укреплений бойцы и командиры Кингисеппского укрепленного района сосредоточились в Кошкинском узле обороны — своей последней цитадели на правом берегу Луги. Это был единственный узел дорог, который оставался в наших руках в районе Крикково. Через него все еще шли наши войска, чтобы занять новые позиции.

24 августа Кошкинский оборонительный узел принял бой. Особенно яростным атакам подвергался дот № 7. Здесь героем стал пулеметчик Гаврилов. Отбивая атаки фашистов, он вел огонь с исключительным мастерством. Когда поступил приказ взорвать дот и отходить, Гаврилов вызвался прикрыть отход подразделения.

Разрушив этот дот, бойцы начали отходить к доту № 8, в котором находились командир батальона старший лейтенант А. М. Королев и политработник батальона батальонный комиссар И. В. Шарапов.

Дот № 8 находился на выгодной позиции: из него отлично просматривалась прилегающая окрестность. Гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки, чтобы сломить сопротивление гарнизона дота, насчитывавшего около тридцати человек. Настолько яростный бой кипел, что только двое — лейтенант Колесник и комсорг Иванов — израсходовали свыше двухсот ручных гранат.

Что делали гитлеровцы возле дота, точно никто не знал, но стрельба почему-то прекратилась. Прекратилась и связь с соседями. Через некоторое время раздался сильный взрыв. Погиб Евдокимов, был тяжело ранен Шаратов. Умиравший комиссар отдал последнее приказание комсоргу Иванову:

— Вооружитесь гранатами и попытайтесь пробиться. Останешься жив — передай мою просьбу командованию: всех погибших и живых наградить. Всех!

Документальная строка

Сорокапятидневная оборона Лужского рубежа подходила к концу. Части 41-го стрелкового корпуса, выполнив поставленную задачу, по приказу главкома Северо-Западного направления Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова отходили на новые рубежи. Из оперативной сводки № 46 штакор-41 24.8.41 г.: «Части 41 ск заканчивают перегруппировку и переходят к обороне на заранее подготовленном рубеже: северный берег р. Луга и р. Оредеж на фронте Твердь, Гобжицы...»

В фонд обороны страны продолжают поступать отчисления от заработков, денежные взносы, материальные ценности трудящихся. «Правда» сообщала: «24 августа в Центральное отделение Ленинградской конторы Госбанка поступил в фонд обороны ценный взнос от семьи Лермонтовых — внучатых племянников и племянниц великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. Владимир Владимирович, Екатерина Владимировна, Александр Владимирович и Екатерина Андреевна Лермонтовы сдали фамильные драгоценности — старинные золотые серьги с бриллиантом чистой воды 5 карат. Серьги оценены в 20 тысяч рублей».

* * *

С Иваном Семеновичем Павловым, полковником в отставке, участником сражения под Лугой в сорок первом году, я знаком давно. Однажды мы решили проехать по местам боев, по старой фронтовой дороге. Только нет теперь той прежней шоссейки. Широкая асфальтовая лента Киевского шоссе разрезала поля, врубалась в лесные массивы. Вдоль обочины мелькали знакомые названия деревень: Беково, Ящера, Мшинская, Долговка...

Деревни, вставшие из руин и пепла, пережившие драматическое лето сорок первого года, хлебнувшие горя.

...Жельцы. Избы под железной кровлей, с верандами, с палисадниками, в окружении яблонь и сирени. За ними сарай, огороды с теплицами. Обыкновенная деревня.

Влево от шоссе кривой улочкой уходит в соседний лес проселок. В том лесу в июле — августе сорок первого находился командный пункт 41-го стрелкового корпуса, дивизии которого прикрывали одно из главных направлений на Ленинград.

Мы долго бродим по лесу. В зарослях малины неожиданно натываемся на обвалившийся блиндаж. Из-под земли торчат полусгнившие бревна, остатки наката. Может, здесь был пункт управления комкора генерала Астанина или наша политотдельская землянка?..

С шумом вспорхнула птица. И вновь стало тихо в бывшем прифронтовом лесу.

За Жельцами по мосту через Лугу переехали на левый берег. Река здесь удивительно красива. В ярко-зеленой широкой пойме серебрится ее излучина, тихо скользят рыбацкие лодки.

Правее шоссе моста — железнодорожный. В сорок первом фашистские стервятники часто бомбили его, но мост стоял до тех пор, пока в последний день обороны Луги, почти под носом у противника, не взорвали его наши саперы.

На правом берегу реки поселок Толмачево. Он разросся. В пейзаж вписались корпуса завода железобетонных конструкций, других предприятий.

На широкой автомагистрали машина вновь набирает скорость. По обе стороны то взбираются по косогору вверх, то спускаются к самой дороге стройные, одна к одной сосны. В ту суровую пору они надежно укрывали танковые и артиллерийские подразделения, склады, медсанбаты... Нам об этом напомнила чудом сохранившаяся доска на сосне — указатель военных лет. Над черной стрелой надпись: «Х-во Орлова».

На километровом столбе цифра: 142. Справаobelisk. На нем орден Отечественной войны I степени. Орден, которым награждаются участники войны за мужество и героизм, проявленные в боях с врагом. Сегодня эту награду на своем знамени носит старинный русский город Луга.

Луга встретила нас оживленными, шумными улицами, новыми микрорайонами, современными многоэтаж-

ными домами. И все же тенистые парки и скверы, тихая Наплотинка, улочки и тупички, где в окружении садов прячутся деревянные домики с затейливыми наличниками, сохранили прелесть довоенной тихой Луги.

Проспект Володарского вывел нас на южную окраину города к Лангиной горе. Здесь в сорок первом находился командный пункт 177-й стрелковой дивизии. Мы остановились. По песчаному склону поднялись к кряжистым соснам.

«А вот и наша сосна жива!» — Иван Семенович погладил могучий ствол, в который навечно выросли железные скобы. По ним на наблюдательную площадку взбирался командир дивизии полковник А. Ф. Машошин.

И вновь асфальтовое шоссе шуршит под колесами «Волги». Проезжаем деревни — вехи нашей памяти. В одной был жаркий бой, в другой — крестьянки поили молоком и провожали грустными взглядами. Тех фронтовых деревень нет. Остались лишь названия — Раковичи, Городец, Заплюсье... Новые дома под железом, под шифером, поля вокруг. Все стало иным. И лишь память хранит события далеких грозных дней лета сорок первого.

...Мы стоим у моста. На дорожной табличке надпись: «Р. Плюсса». Ничем не приметная, тихая Плюсса. Нет на ее берегах обелисков. И сегодня не каждый проезжий и прохожий знает, что на крутых берегах малоизвестной Плюссы в июле 1941 года был принят первый бой. Здесь насмерть стояли первые герои битвы за город Ленина — Николай Харитонов, командир 483-го полка, Михаил Шилович, комбат-1, капитан Николай Богатырев, бойцы Дмитрий Семков, Иван Казымов, Афанасий Клименко — пехотинцы, артиллеристы, саперы, танкисты, рядовые бойцы, командиры и комиссары.

Малоприметная речушка стала для врага серьезным препятствием. Ее крутые берега, излучины и пойменные луга, прикрытые огнем артиллерии и пулеметов, преодолеть противнику с ходу не удалось. И первые бои на Лужском рубеже в июле 1941 года завершились не так, как планировали гитлеровские генералы. Дорога на Ленинград оказалась высланной не розами, а шипами.

Для оценки тех дней небезынтересно познакомиться с высказываниями противника. Вот извлечения из служебного дневника начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера:

«15 июля 1941 года...

...Русские сражаются, как и прежде, с величайшим ожесточением».

Через десять дней — 25 июля: «Наступление наших войск в районе озера Ильмень разворачивается очень медленно».

Запись 11 августа 1941 года: «Дивизии противника, конечно, не вооружены и не укомплектованы в нашем понимании... И если даже мы разобьем дюжину из этих дивизий, русские сформируют еще одну дюжину».

Заметим, что эти записи сделаны в 1941 году одним из организаторов агрессии и в то время, когда в гитлеровской Германии мало кто сомневался в победе.

Но почему же отобилизованные, вооруженные до зубов гитлеровские войска вдруг остановились? Обратимся снова к запискам генерал-полковника Ф. Гальдера. «Группа армий „Север“ вследствие плохого состояния дорог лишь медленно продвигается вперед» (13 июля). Да, в то время дороги у нас были не ахти какие.

Но плохие дороги мешали и нам. По ним двигались и наши войска. Мы помним, по каким дорогам, вернее сказать по бездорожью, отходили войска 41-го стрелкового корпуса. Каждый километр пути преодолевался с величайшим трудом.

В начале августа, пополнив свои войска живой силой, техникой, боеприпасами, гитлеровцы перешли в решительное наступление на Ленинград. И вновь получилось не так, как планировали. Сроки захвата Ленинграда относились и переносились. Фон Манштейн в послевоенных мемуарах «Утерянные победы» объяснял: «Весь район между Ленинградом, Псковом и озером Ильмень совершенно не пригоден для действий танковых сил». Вот как! Ф. Гальдер в своем дневнике 11 августа 1941 года фиксировал: «На всех участках фронта, где не ведется наступательных действий, войска измотаны...»

Битые гитлеровские генералы ныне объясняют свои поражения в войне огромными российскими просторами, растянутостью коммуникаций, низкой пропускной способностью железных дорог, суровостью нашего климата и т. д. Да, огромна Родина, различен в ней и климат. Но и речку Плюссу, и красавицу Лугу, и села и города нашей необъятной Отчизны советские бойцы в годы минувшей войны отстаивали самоотверженно, не жалея крови и самой жизни, и сломали хребет фашистскому зверю. На всех фронтах Великой Отечественной совет-

ские люди проявляли массовый героизм в борьбе с жестоким и коварным врагом.

Лужский рубеж — всего лишь страничка в героической летописи Великой Отечественной войны. Массовый героизм его защитников стал выражением патриотизма, коммунистической одухотворенности всего советского народа. О стойкость и мужество советских людей разбились бронированные полчища фашистской Германии.

Вспоминая сорок первый год, мы часто говорим о наших ошибках, просчетах. Да, были и неоправданные потери, и горестные дороги отступления, неоставало боевого опыта. Нет слов, и потери были весьма ощутимые. Подобные неудачи для иной армии кончились бы поражением. История знает немало таких примеров, когда под первыми, мощными ударами агрессора обороняющиеся армии разваливались, прекращали сопротивление и с лица земли исчезали целые государства. Именно на это и делали ставку Гитлер и его генералитет в своих бредовых планах блицкрига. Но они не учли особенностей Советского государства и его армии, не приняли в расчет моральные силы нашего народа, его искреннюю верность и любовь к матери-Родине.

На удивление западным стратегам и политикам, Россия оказалась не «колоссом на глиняных ногах», а государством, способным остановить тщательно отлаженную, могущественную по тем временам гитлеровскую военную машину. Народы стран, стонавших под игмом гитлеровских оккупантов, свои взоры и надежды на избавление от «коричневой чумы» обратили на восток, на Страну Советов.

Нам, рядовым участникам событий тех дней, порой трудно было дать верную оценку происходившему, не каждый был способен реально оценить соотношение сил противоборствующих сторон, кое-кто переоценивал противника. Теперь, спустя четыре десятилетия, диалектика событий отчетливо видна всем, кто внимательно изучает историю Великой Отечественной войны. Уже на первом году войны военная машина фашизма начала буксовать, давать сбои. И наоборот, наша армия набирала силы. Да, мы еще мало имели танков, самолетов, противотанковой артиллерии, автоматов. Мы еще воевали с винтовкой-«трехлинейкой» и танки противника поджигали бутылками с горючей смесью. Еще инициатива была в руках противника, преимущество в живой силе, танках и самолетах было на его стороне. И нам прихо-

дилось отступать. Но характер отступления изменился. Войска перестали бояться окружения и в кольце врагов не прекращали сопротивления.

...Прорвав фронт на Кингисеппском и Новгородском направлениях, противник в последних числах августа вышел в тыл войскам 41-го стрелкового корпуса. Генерал Астанин получил приказ: прорвать кольцо окружения, сохранить боевую технику и выйти в общем направлении на Красногвардейск.

Трудно было покинуть позиции, которые стойко и упорно защищали, покинуть землю, на которой пали друзья-однополчане. Но мы уходили непобежденными. Верили: вернемся!

Упорные и кровопролитные бои в районах Мшинской, Беково, Дружной Горки не затихали ни днём, ни ночью. Отряды 111, 177, 235-й стрелковых дивизий, танкисты полковника Чеснокова, артиллеристы полковника Одинова яростно отбивали атаки противника, огнем и штыками прокладывали путь вперед.

Почти три недели части и соединения Лужского участка обороны (или, как он стал именоваться, Южного участка обороны) вели ожесточенные бои, пытаясь прорвать кольцо окружения. Но с каждым днем сил становилось все меньше. Прекратилась доставка продовольствия и боеприпасов, таяли их запасы в полковых и дивизионных складах.

Командование Ленинградского фронта пыталось организовать нам помощь. С севера пробивали кольцо окружения 90-я и 70-я стрелковые дивизии, по железной дороге на Вырицу был направлен бронепоезд. Несколько раз над войсками корпуса кружили транспортные самолеты, сбрасывая мешки с сухарями и солью, боеприпасы для стрелкового оружия. К сожалению, к нам попадало немного. Вражеская авиация, господствовавшая в воздухе, частенько сбивала наши самолеты. Летчики рассказывали о событиях на фронте, о положении в Ленинграде, делились с нами «неприкосновенным запасом» — шоколадом, белыми сухарями, галетами — и становились рядовыми пехотинцами.

13 сентября генерал Астанин получил боевое распоряжение маршала Ворошилова, которое гласило: «С 16.00 12.9.41 г. части 90 сд при поддержке артиллерии и танков начали наступление, имея целью... соединиться с частями Южной оперативной группы и оказать им помощь. В ночь на 13.9.41 г. по железной дороге станция

Владимировка — Вырица высылается бронепоезд для поддержки наступления 90 сд». Было приказано нанести удар в направлении Мина, Горки и соединиться с частями 90-й стрелковой дивизии.

Трудно судить, как был информирован главком о сложившейся обстановке в частях корпуса. Но документ явно запоздал. Контрудар 90-й стрелковой дивизии не имел успеха, а части 41-го стрелкового корпуса просто не в состоянии были его провести.

В каком положении находились части и соединения корпуса, рассказывают очевидцы и участники событий.

Полковник Г. Одинцов, командир полка АККУКС: «Особенно тяжело было артиллеристам. Двигались мы по лесам и болотам. Дороги и просеки прокладывали сами. Валили деревья, делали бревенчатые настилы. По ним тракторы перетаскивали орудия через топи.

О том чтобы оставить боевую технику врагу, никто не помышлял. Водители тягачей, когда запасы горючего иссякли, собирали в колхозах и совхозах солярку, керосин и даже скипидар. Этим горючим заправляли тракторы и машины.

15 сентября, видя, что без горючего материальную часть нам не спасти, я отдал приказ до вечера расстрелять остатки снарядов и вывести из строя орудия.

Тяжкое это было решение и для меня, и для артиллеристов. Сколько труда и сил затратили они, перетаскивая орудия через болота! Надеялись сохранить и доставить в Ленинград. А вот не пришлось... Со слезами на глазах снимали замки и панорамы, забрасывали в болотные топи, расстреливали и взрывали моторы тракторов и автомашин.

Я слушал доклады командиров подразделений об уничтожении орудий и тягачей как известия о гибели верных боевых друзей, а командиры дивизионов при этом с трудом сдерживали слезы...»

Мой спутник в поездке по старым боевым рубежам Иван Семенович Павлов, бывший начальник штаба 177-й стрелковой дивизии, на обратном пути попросил остановить машину за Мшинской. Мы вышли. Он долго приглядывался, что-то вспоминал.

— Вот этим проселком мы шли к реке Оредеж,— сказал он, показывая на асфальтированную дорогу,ходящую в лес от Лужского шоссе. — В районе села Введенское нам надо было найти переправу. Между Введенским и Клетно такая переправа была найдена, Оредеж

в тех местах оказался сравнительно неглубоким. Человек среднего роста вполне мог перейти его вброд.

С наступлением вечерних сумерек мы начали переправляться. Но вот кто-то крикнул: «Танки!» — и сразу все замерло, затаилось. Группа бойцов приготовила гранаты. Но, к счастью, все обошлось. Немецкий танк застрял в болоте, и нам оставалось только пожалеть, что нечем его расстрелять.

Переправа пошла живее. Бойцы не раздумывая спускались к реке, поживались от обжигающей холодной воды и спешили на «свой» восточный берег. А там вновь лесными тропами, через болота мы уходили к Ленинграду и на Волхов, чтобы принять участие в дальнейших боях.

Несколько лет назад мне довелось побывать в небольшой деревушке за Вырицей. Дело было осенью, в грибную пору. Но грибов оказалось немного. Местные жители посоветовали: «А вы идите на «танковую» или «артиллерийские» просеки. Там наверняка корзину наберете».

Меня заинтересовало необычное название просек. И в памяти встали картины сентября сорок первого: «Уж не те ли танки и орудия, которые мы оставили в те полные трагизма, тяжелые дни?» Старики подтвердили догадку. Там, как на братском кладбище, покоятся наши верные боевые машины и орудия. И никого, кроме вездесущих мальчишек, не привлекает их судьба. А может быть, стоит эвакуировать боевые реликвии?

В середине сентября более 20 тысяч бойцов и командиров организовано, с оружием вышли из окружения. Гитлеровцам не удалось заставить защитников Лужского рубежа сложить оружие. Если быть строгими в подсчете дней обороны на Лужском рубеже, то стоит, пожалуй, к 45 дням приплюсовать еще 15, в течение которых фронтовая магистраль фактически была в наших руках.

Упорные и тяжелые бои на Приморском направлении и на подступах к Красногвардейску вели войска 8-й армии и Кингисеппского участка обороны, о разгроме которых командование группы армий «Север» не раз сообщало в ставку Гитлера.

После неудачных лобовых ударов по Красногвардейскому укрепленному району противник произвел перегруппировку сил и создал ударный кулак для прорыва нашей обороны в районе Кипень — Ропша — Русско-Высоцкое с задачей нанести удар по Красному Селу.

К этому времени части 8-й армии полностью вышли из Эстонии. Командование армией принял генерал-лейтенант В. И. Щербаков. В состав армии вошла и группа генерала В. А. Семашко.

Войска 8-й армии, принявшие на себя первые удары в приграничных сражениях, прошедшие с тяжелыми боями по всей Советской Прибалтике, закалились. Окреп боевой дух бойцов и командиров, появился ценный опыт. Теперь войска 8-й армии, несмотря на малочисленность, решали сложную боевую задачу — не допустить выхода противника к Финскому заливу. Сковав три пехотные и одну охранную дивизии, армия остановила врага на рубеже Керново — Гостилицы — Порожки. Форты Красная Горка и Серая Лошадь, Ораниенбаум — ключевая позиция, прикрывавшая Кронштадт с суши, — остались в наших руках.

Бои на Лужском рубеже были суровой, но необходимой школой, пройдя которую наши войска закалились, научились стойко выдерживать удары противника, смело и решительно контратаковать его. И те дивизии, которые сдержали врага на дальних подступах к Ленинграду, остановили его у стен города, стали костяком 900-дневной обороны блокадного Ленинграда, ударной силой в дни прорыва кольца вражеского окружения в январе 1943 года и полного разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом в январе 1944 года.

В боях за город Ленина дивизии и полки, начинавшие свой боевой путь на Лужском рубеже, покрыли свои боевые знамена неувядаемой славой. За мужество и героизм, воинскую доблесть многие из них были удостоены звания гвардейских, почетных наименований и награждены боевыми орденами.

Под Лугой и Кингисеппом приняли первый бой дивизии и части народного ополчения, созданные по инициативе Ленинградской партийной организации. Они выдержали суровые испытания. Командиры и бойцы приобрели боевой опыт. Ополченцы достойно оправдали доверие партии.

К осени сорок первого года ополченческие дивизии ничем не отличались от кадровых и были преобразованы в регулярные соединения нашей армии. 2-я дивизия народного ополчения была переименована в 85-ю стрелковую дивизию, 4-я дивизия — в 86-ю, 1-я гвардейская — в 80-ю.

В последующих боях 85-й стрелковой дивизии было

присвоено наименование «Павловская», ее Боевое Знамя украсил орден Красного Знамени. 86-я дивизия, освобождавшая город Тарту, стала именоваться Тартуской. 80-я дивизия получила наименование Любанской и была удостоена ордена Кутузова II степени.

...Стремительно летит время. Выросли новые поколения, для которых война — далекая история. Далекая, но незабытая. Слова, высеченные на граните Пискаревского мемориального кладбища, «Никто не забыт, ничто не забыто» стали выражением народной памяти о великих событиях, о павших героях Великой Отечественной. Ратные подвиги советских бойцов запечатлены в граните обелисков, в застывших на постаментах танках и орудиях, книгах и кинофильмах. Они живут и передаются от поколения к поколению.

Однажды я наблюдал, как мальчишки играли в «войну». Парнишка лет двенадцати, ростом повыше других, с алой звездочкой на шапке, видимо, был командиром. За грудой кирпича, каких-то обломков он собрал свое «войско» для атаки. И вот мальчишка звонко закричал: «Вперед! За мной! За Родину!»

Услышав этот клич, я готов был броситься с мальчишечьей ватагой громить «фашистов». В детстве мы тоже играли в «войну» и все хотели быть Чапаевым. Игра во дворе — это своеобразное прикосновение к истории, к подвигам героев.

Прикосновение к живительному источнику подвига старших поколений — насущная потребность молодых. Это поиск ответа на вопрос: «С кого делать жизнь?»

Прекрасной традицией стали походы по местам революционной, боевой и трудовой славы. Нередко по старым фронтовым дорогам к боевым рубежам вместе с юношами и девушками отправляются ветераны.

Однажды меня пригласили на Лужский рубеж в район Сабска бывшие курсанты, ветераны боев в июле сорок первого года. Вместе с нами поехали и молодые курсанты-кировцы. С каким вниманием они слушали рассказы бывшего комиссара училища Я. Завалишина, комбата В. Сергеева, командира взвода Н. Скобцова, неутомимого собирателя истории училища И. Синева! Не погрешу против истины, если скажу: такая встреча стоила и многих прочитанных книг, и прослушанных лекций.

Свой летний отдых бывший начальник штаба 177-й дивизии полковник в отставке Иван Семенович Павлов

проводит в Толмачево. Но не сидится ветерану под сенью старых яблонь. Редкий день его можно застать дома. С утра уезжает он на Лангину гору — бывший свой командный пункт. И там в окружении пионеров или отдыхающих в лужских санаториях и домах отдыха он рассказывает о событиях в июле сорок первого. И перед глазами слушателей оживают картины минувших боев.

Встречи с ветеранами, походы по местам боевой славы пробуждают у молодежи пытливую мысль, желание самим заглянуть в глубь истории, активно вести поиск, открывать малоизвестные ее страницы.

Вот письмо школьников из Малой Вишеры ветерану 24-й гвардейской, бывшей 111-й стрелковой дивизии: «В течение 10 лет мы ведем поиск ветеранов, которые в составе 52-й армии и ее соединений участвовали в боях за освобождение нашего города и района. На основании собранного материала мы создали музей».

Встречи с ветеранами, походы по местам боев, уроки мужества, военно-патриотические игры «Зарница» и «Орленок», школьные и заводские музеи, массовое движение «красных следопытов» стали признанными и испытанными формами военно-патриотического воспитания молодежи, подготовки ее к выполнению священного долга по защите рубежей социалистического Отечества.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ЧАСТЬ 1	15
ЧАСТЬ 2	83
ЧАСТЬ 3	191

*Юрий Сергеевич
Кринов*

Редактор **Н. К. Новиков**
Младший редактор
Е. Б. Никанорова
Художник **А. К. Тимошевский**
Художественный редактор
Б. Г. Смирнов
Технический редактор
С. Б. Матвеева
Корректор **Н. Н. Фоменко**

ИБ № 2045

Сдано в набор 16.03.83. Подписано к печати 24.08.83.
М-36232. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. литер.
рат. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,28.
Уч.-изд. л. 16,54. Тираж 50 000 экз. Заказ № 67. Цена
80 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023,
Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Зна-
мени типография им. Володарского Лениздата, 191023,
Ленинград, Фонтанка, 57.